

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

БЮЛЛЕТЕНЬ

1991

**КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ**

№ 1

1991 г.

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ САХАЛИНА
И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Сахалинский областной
краеведческий музей

Сахалинский фонд
культуры

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ

I
1991

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор — М. С. ВЫСОКОВ.

Редакционная коллегия: М. И. Ищенко, А. И. Костанов,
В. М. Латышев, М. М. Прокофьев, О. А. Шубина (ответствен-
ный секретарь).

Адрес редакции: 693010, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический про-
спект, 29, Сахалинский областной краеведческий музей.

Телефон редакции: 3-48-35.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи и сообщения

- ЛАЗУТКИН К Э. Когда закончится война? 3
- ТРОИЦКАЯ Н А Русская буржуазия на острове Саха-
лин. Материалы к биографиям. 8
- ФЕДОРЧУК С. П Юсуповы. 13
- СИНГО НАКАДЗАВА. Сигэдо Сугавара: Ботаник, посвя-
тивший свою жизнь изучению Сахалина. Перевод Переславце-
ва В. В. 22
- Из научного наследия Б. Пилсудского**
- Письмо Б. О. Пилсудского профессору Д. И. Литвинову. Пре-
дисловие, публикация документа и комментарий Латыше-
ва В. М. 28
- Сахалинская и Курильская историческая библиотека**
- ЕПИСКОП СЕРГИЙ На Южном Сахалине (из путевых за-
меток). 33

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К. Э. Лазуткин

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА?

2 сентября 1989 г. в поселках Победино и Рошино Смирноговского района прошли захоронения советских воинов, погибших при освобождении острова.

Исходной точкой в организации целенаправленных экспедиций по поиску захороненных останков советских воинов на Сахалине стал май 1988 г. Тогда директор Рошинской восьмилетней школы В. Зуйков рассказал мне о случае, когда школьники недалеко от поселка обнаружили сумку с документами, а рядом останки советских бойцов. Ребята не обратились за помощью к старшим, а сами попытались разобраться в истребленных бумагах. В результате этого документы пришли в полную негодность. Сохранилась лишь одна фотография. По ней удалось выявить фамилию погибшего — сержанта Мамаева, командира расчета пулемета «Максим». В те дни появилось решение провести экспедицию по местам боев.

Девятого августа 1988 года группа из десяти человек, в числе которых был и автор этих строк, вышла в район реки Гильзовка (японская Синайгава) и приступила к поиску. Вот несколько отрывков из путевых записок того времени: «...Двое суток группа вела поиск. Расчет на технику и металлоискатели. Но как мы глубоко заблуждались: земля в этом районе настолько пропитана металлом, что в телефонах наушников непрерывно звучат сигналы.

...13 августа 1988 года. Лопата мягко прорезала грунт, с хрустом задела что-то твердое и глубоко ушла в землю.

— Кажется, есть.

Голос Владимира Зуйкова заметно взволнован. Он осторожно приподнимает дерн, и перед глазами встает удручаю-

шая картина: из ботинка с полусгнившими остатками обмоток торчит пожелтевшая кость. Тут же, рядом, обрывки шинели, коробка от противогаса, проржавевшие пулеметные гильзы. Под очередным слоем обнаружили куски гимнастерки с погонями и кости — испрелых, перемытых весенними дождями, осенними распутицами останков советских солдат».

За несколько дней работы группой было перезахоронено шесть бойцов-пулеметчиков.

В мае 1989 года в районе поселка Мясной бор под Новгородом прошла Всесоюзная вахта Памяти. В ней впервые приняли участие сахалинцы. Там же, на очередной сессии Всесоюзного координационного совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ, работающих по увековечению памяти защитников Отечества, было принято решение и по Сахалину: в очередную экспедицию за счет центрального органа направлены опытные поисковики. А инициативу по проведению поисковых работ взял на себя Сахалинский обком ВЛКСМ. Его поддержали четырнадцать предприятий, объединений, совхозов и кооперативов области, оказав финансовую помощь.

И вот 8 августа 1989 года в районе речки Туманная, что в 17 километрах от поселка Победино, развернулся палаточный лагерь. В экспедиции приняло участие около 120 человек. Это — школьники, студенты, жители области. Приехали энтузиасты из Москвы, Киева, Запорожья, Одессы.

С первых дней работы экспедиции встал вопрос: как вести поиск? Если проанализировать методику поисковой работы в стране, то можно выявить два четко обозначенных направления. Первое, когда исследуемый район разбивается на квадраты. Затем идет «прочесывание» территории с выявлением и извлечением останков. Второе направление состоит из выборочно проведенной разведки с отметкой наибольшего скопления останков, с дальнейшим возвращением в район их залегания и проведения эксгумации. Конкретно, какой-либо из этих методов мы не могли применить и вот почему. В первом случае для ведения поисковых работ необходимо большое количество энтузиастов. Во втором, число участников может быть весьма ограничено, но это, в свою очередь, требует временных затрат. К сожалению, ни временем, ни людьми в достаточном количестве мы не располагали. Положение осложнилось и в другом плане: за исключением инструкторов Всесоюзного координационного совета да трех местных энтузиастов, участво-

вавших во Всесоюзной вахте Памяти, никто из сахалинцев раньше не принимал участия в поисковых работах.

Пришлось опробовать свой вариант: часть инструкторов ВКС вместе со взрослыми участниками отправили для разведки мест боев в район поселка Рошино, а школьников вывели к речке Гильзовка, туда, где в прошлом году были найдены останки расчета сержанта Мамаева.

Первых два дня прошли безрезультатно. Группа москвича Андрея Воронцова то и дело плутала в распадках высот Дальняя и Рыжая, так и не выйдя к местам основных боев. Поутих азарт и школьников. Несколько раз ребята находили разрозненные части скелетов, фрагменты костей, но из-за отсутствия опознавательных признаков работы сворачивались.

Первой останки обнаружила группа Сергея Резниченко из Запорожья, в которую вошли отряды из Луговской и Новоалександровской школьных поисковых секций.

Вот выдержка из акта обнаружения останков: «...Видимые размеры — 1,20×2,50 метра, поверхностный слой — дерн, глубина залегания — 0,7 метра, количество — 5 человек...».

...Их даже не предали земле. Тела бойцов, погибших при артобстреле, на палатках, шинелях стащили в окоп. Дождями размыло болотистую пойму реки. Хватило нескольких лет, чтобы брусстеры окопов сомкнулись.

Надо отдать должное добросовестности энтузиастов, с которой они принимались за дело. Осторожно лопатами снимали школьники слой за слоем, а когда на поверхности появлялись профили останков, в ход шли кисточки, хирургический инструментарий. На заключительном этапе за работу принимался врач-эпидемиолог Владимир Шувалов.

Запоминающимся стал седьмой день экспедиции. Накануне в ее состав влились свежие силы, подъехали член Всесоюзного координационного совета при ЦК ВЛКСМ, поисковик, стаж работы которого исчисляется не одним десятком лет, археолог из Киева Владимир Дорوفеев и секретарь областного комитета ВЛКСМ Сергей Манчилин. Организовали третью группу. Она сменила на высотах Дальняя и Рыжая отряд Андрея Воронцова и Сахалинский военно-патриотический клуб «Смена».

На работе группы Владимира Дорوفеева хотелось бы остановиться немного поподробнее. Привожу выдержки из дневниковых записей тех дней:

14 августа 1989 г.

«...Позавтракали и сразу выехали до поселка Рошино. Сойдя на западной окраине населенного пункта, по линии ЛЭП направились строго на юг. По описанию бывшего начальника разведотряда 79 Сахалинской дивизии майора Д. Трегубенко через 2-3 километра должны выйти на места первых боев с противником. Точного описания высот нет, указаны приблизительные координаты, поэтому приходится идти, ориентируясь по местности. Это было одним из первых заблуждений, группа сбивается с пути.

Выход подсказала старая японская дорога, густо поросшая кустарником. Около получаса пришлось блуждать по распадкам, пока не застряли в болоте. За ним начиналась крутая сопка. У ее высоты обнаружили памятник. Стало ясно, группа вышла на высоту Туманова.

Привели в порядок могилу: убрали мусор, вырубали кустарник, очистили место от травы. Решили пообедать и двигаться дальше.

Пока готовится обед, Володя Дорофеев взялся настраивать металлоискатель. Каково же было его удивление, когда в наушниках раздался мощный сигнал, подтверждающий большое количество металла в земле.

...В нескольких сантиметрах под дерном стали попадаться пулеметные гильзы, осколки гранат. Появились останки.

...После часа работы поляна радиусом в пятнадцать метров зажелтела костями. Собрав и идентифицировав их, установили: погибло четыре человека — офицер и три японских солдата.

После обеда продолжали работать на склоне сопки. В пятнадцати метрах от братской могилы обнаружили останки советского солдата. Установили — погиб от выстрела из винтовки системы Арисаки. Пуля, пройдя через глаз, перебила шейный позвонок, плашмя вышла через каску. Смерть наступила мгновенно. Погибший был в форме рядового-пограничника, награжден знаком отличника РКК. (Сейчас, когда прошел почти год со времени проведения экспедиции, в переписке с фронтовиками выяснилось, что погибший служил во взводе лейтенанта Туманова, возможно, уже в ближайшее время удастся установить личность воина).

...А тем временем на высоте Длинная школьные группы, работавшие самостоятельно, обнаружили незахороненные ос-

танки еще двух бойцов. В распадке сопок западной части речки Гильзовки студент ЮСГПИ Валерий Петрийчук также нашел останки бойца».

— Кислотность земли, где шли бои, очень низкая, — отмечали поисковики из Москвы и Киева, поэтому и сохранность великолепная. Это позволяет получить дополнительные данные об убитых.

Две недели продолжались поисковые работы. Были найдены останки двенадцати советских воинов, обезврежено более 150 взрывоопасных предметов. Поисковики сделали для себя вывод: работы по выявлению незахороненных останков необходимо продолжить. Ведь война кончается лишь тогда, когда похоронен последний погибший на ней солдат.

Н. А. Троицкая

РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ НА ОСТРОВЕ САХАЛИН МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ

Во второй половине XIX в. богатства Сахалина стали объектом деятельности российской буржуазии как центра страны, так и материковой части Дальнего Востока. В хозяйственном освоении самой восточной окраины империи четко проявилась тенденция экстенсивного развития капитализма. Добыча и вывоз сырья были главными отраслями экономики острова, таившего неограниченные возможности для первоначального накопления и дальнейшего увеличения капиталов. Существовавшую высокую степень риска снижало государство, которое нередко олицетворяли сами предприниматели, их компаньоны или родственники. Однако освоение далекого острова при всей перспективности требовало от предпринимателей больших материальных и физических усилий. Именно поэтому на Сахалине действовали буржуа — выходцы, в основном, с юга Приморской области, капиталы которых были невелики. Естественно, что результаты их деятельности были не столь значительны, как того требовало капиталистическое развитие. Но определенный след в истории Сахалина русская буржуазия оставила и для краеведов, безусловно, могут быть интересны выявленные факты биографий наиболее видных ее представителей.* В публикации использованы документы из фондов Центрального государственного исторического архива СССР в г. Ленинграде (в тексте — ЦГИА СССР) и Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока в г. Томске (в тексте — ЦГА РСФСР ДВ), а также опубликованные источники и исследования, из которых в ссылках названы основные с указанием места, времени выхода и страниц.

*Даты жизни предпринимателей в большинстве случаев указаны приблизительно, по числу полных лет, зафиксированному в послужном списке.

БРИНЕР ЮЛИЙ ИВАНОВИЧ (14 фев. 1849 — ?).

Родился в г. Ла-Роше (Франция), учился в Швейцарии. С нач. 1880-х гг. — купец г. Владивостока, занимался морскими перевозками на местных линиях. Русское подданство принял в 1890 г. Потомственный почетный гражданин г. Владивостока, промышленник, пароходовладелец, директор-распорядитель горнопромышленного товарищества «Тетюхе». Женат на Наталье Иосифовне Куркутовой, имел 5 детей. В 1908 г. занялся лесоразработками на западном берегу Сахалина близ японской границы, в производстве было занято 200 чел. рабочих. В начале второго десятилетия XX в. активно включился в разработку сахалинской нефти (фирма «Бринер, Кузнецов и К^о»).

Источники: ЦГИА СССР. Ф. 1343. — Оп. 49. — Д. 652; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 11. — Оп. 1. — Д. 191. — Л. 19; Ф. 266. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 9-10; Ф. 252. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 68. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909. — С. 323; Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Освоение русского Дальнего Востока к XIX — 1917 г. М., 1989. — С. 60.

БУОРОВ АНДРЕЙ СТЕПАНОВИЧ (даты жизни неизвестны).

Бывший керчь-енникапольский купец, осужден за подделку билета коммерческого банка в 10 тыс. руб. и выслан в Сибирь. С 1846 г. служил в Аянском отделении Российско-Американской компании. Положительно зарекомендовал себя перед лицом местной администрации, по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева ему были возвращены сословные права. В 1860 г. А. Б. — главный содержатель имущества Российско-Американской компании в Приамурском крае, николаевский II гильдии купец, владел бакалейной лавкой. С 1859 г. начал разработку каменного угля на Сахалине, затратил до 20 тыс. руб. серебром и отказался в пользу казны (1862). В 1864 г. получил разрешение на разведку золота, вывоз леса и занятие торговлей на острове.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 1; Д. 169. — Л. 1.; Ф. 87. — Оп. 1. — Д. 408. — Л. 4; Д. 424. — Л. 2; Д. 572. — Л. 3-4; Васильев М. П. Наш Восток и его промыслы. СПб., 1891. — С. 135; Панов А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. — С. 28-29.

ДАТТАН АДОЛЬФ ВАСИЛЬЕВИЧ (1854 — 1914).

Родился в Германии, лютеранин. С 1874 г. постоянно жил на русском Дальнем Востоке. С 1885 г. — купец I гильдии г. Владивостока, действительный статский советник, компаньон и управляющий делами торгового дома «Кунст и Альберс». На Сахалине владел Анастасьевскими каменноугольными рудниками (1911). Как один из учредителей Восточно-Азиатского нефтяного товарищества, Даттан проявлял интерес к сахалинской нефти. В 1914 г. был обвинен в шпионаже, арестован, умер в ссылке.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 122. — Л. 6; Д. 138 — Л. 47-48; Д. 178. — Л. 106.; Островидов В. А. Дальний Восток и путевые впечатления от Владивостока до Петрограда. Одесса, 1915. — С. 28-29.

ДЕМБИ ГЕОРГИЙ ФИЛИППОВИЧ (1841 — ?).

Владивостокский купец II гильдии, бывший великобританский подданный, протестант. На русском Дальнем Востоке известен с 1876 г. как рыбо- и лесопромышленник. В 1877 — 1895 гг. входил в рыбопромышленную компанию Я. Семенова на Сахалине. Причины выхода Демби из компании не совсем ясны, поскольку дела ее шли довольно успешно. После 1895 г. организовал торговый дом «Демби и К^о» (Хакодате), занимался закупкой рыбной продукции для японского рынка, наймом рабочих и другими посредническими операциями. Сын предпринимателя, Алфей, сотрудничал с Г. Крамаренко.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 591. — Л. 32; Дальний Восток. 1895. — 10 ноября; Богданов Д. Современное положение нашей рыбопромышленности. Владивосток, 1911. — С. 45.

ЗОТОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ (? — 1907).

Отставной лейтенант, очень предприимчивый человек. С 1874 г. по 1879 г. служил в фирме «Токмаков, Шевелев и К^о». С 1876 г. владивостокский купец I гильдии, выполнял подряды на поставку мяса войскам, пробовал заняться угледобычей на Сахалине. Женился на дочери николаевского купца А. Е. Иванова. До 1887 г. продолжал торговые дела тещи. С ноября 1888 г., получив отвод, занялся работами по разведке и добыче нефти. 23 февраля 1889 г. был заключен договор с Министерством госимуществ о нефтеносном участке. Материально

Зотова поддержали крупные дальневосточные капиталисты М. Шевелев и А. Старцев, кяхтинский торговец Синицын и московский купец I гильдии А. Г. Кузнецов. Было создано «Сахалинское нефтепромышленное товарищество Г. И. Зотов и К^о». Отсутствие необходимого опыта, недостаточная техническая оснащенность разведок нефти привели к «почти неудовлетворительным» результатам. Богатые компаньоны отошли от дел. С 1894 по 1902 г. Зотов арендовал рыболовный участок на м. Тамлево, оснащение которого оценивалось при продаже в 20 тыс. руб. Рыбалка Зотова считалась одной из лучших на острове. Незадолго до кончины Г. Зотов заключил договор о создании нового товарищества по добыче нефти с основным капиталом 95 тыс. руб., куда вошли горный инженер В. А. Кузнецов и буровой мастер Носков. С 1907 г. «Сахалинское нефтепромышленное товарищество наследницы Г. И. Зотова и К^о», распорядителем дел которого стал В. А. Кузнецов, продолжило поиски промышленной нефти. В 1910 г. им была получена первая промышленная нефть на Охе.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 80. — Оп. 1 — Д. 105 — Л. 1-3, 6, 11; Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 17. — Л. 1, 9-10; Ф. 702. — Оп. 2. — Д. 37. — Л. 42, 46, 52, 83; Д. 150 — Л. 358-367; Ф. 1193. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 18; Далекая окраина. 1907. — 12 апреля; Адрес — календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока. Отд. П. — М., 1910 — С. 72; Вопросы истории. — 1977. — № 8 — С. 106-113; Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Указ соч. — С 60, 121.

ИВАНОВ АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВИЧ (? — 19 августа 1881 г.)

Во время Крымской войны служил в сторожевых частях на Сахалине. Николаевский купец, торговец пушниной (1861-1862 гг. — во II гильдии, к 1880 г. — в I гильдии). Имел коллекцию лучших образцов мехов, из которой 2 редких «розовых» соболя были подарены императору Александру Николаевичу. В 70-е гг. от приказчиков узнал о находках нефти на Сахалине. В июне 1880 г. подал прошение об отводе 1 тыс. дес. земли для разведок и добычи нефти. Прощение было удовлетворено, но началу работ помешала смерть предпринимателя. В 1882 г. дело пыталась продолжить вдова, Анисья Гавриловна, но безуспешно. С 1888 г. поиски нефти продолжил Г. Зотов.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1. — Оп. 5. — Д. 353 — Л. 1, 2, 10, 14, Ф. 87. — Оп. 1. — Д. 553. — Л. 18; Васильев М. П. Наш

Восток и его промыслы. СПб., 1891. — С. 120 Приамурский
торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 г.
Хабаровск, 1911. — С. 43 и др.

КРАМАРЕНКО ГАВРИИЛ АММОСОВИЧ (даты жизни неизвестны).

Из мещан города Астрахани, в 1893 г. прибыл во Владивосток для изучения рыбного промысла. Два года был надсмотрщиком за промыслами на Сахалине. С 1896 г. начал самостоятельное дело (промысел сельди), «пользуясь некоторым покровительством со стороны сахалинской администрации». В 1897 г. был в Японии, изучал возможности сбыта, там же получил кредит. В 1898 г. заключил договор о создании товарищества с дворянином Н. В. Верещагиным (СПб), который обеспечивал сбыт продукции в столице и связи с администрацией. Уже в 1899 г. продукция промыслов Г. К. была выставлена на Хабаровской выставке предметов сельского хозяйства и промышленности. В окт. 1904 г. заключил договор с А. Г. Демби о создании нового товарищества с основным капиталом 40 тыс. иен. После русско-японской войны договор был расторгнут, концессии на южном Сахалине утеряны. В 1907 г. Г. Крамаренко — потомственный почетный гражданин г. Владивостока, промысел рыбы вел на Камчатке.

Источники: ЦГИА СССР. Ф. 1102. — Оп. 2. — Д. 820. — Л. 1 — 4, 21-23, 25;
Крамаренко Г. А. О рыбном промысле на р. Амуре и острове Сахалине // Вестник рыбопромышленности. — 1898. — Т. XIII. — № 10. — С. 468-475.

КУЗНЕЦОВ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ (1877 — ?).

Горный инженер, владелец угольных копей на Сахалине. Контора и главный склад располагались во Владивостоке. Отец его, Андрей Николаевич, вольный штурман, купец II гильдии, с 1884 г. входил в торговый дом «Бринер, Кузнецов и К^о». В 1902 — 1903 гг. В. Кузнецов был управляющим в товариществе И. Маковского. К 1910 г. была создана компания «Горный инженер В. А. Кузнецов и К^о» по разработке полезных ископаемых на острове.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 133 — Оп. 1. — Д. 62. — Л. 299; Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 591. — Л. 15-16; ЦГИА СССР. Ф. 23. — Оп. 25. — Д. 318. — Л. 166; Торгово-промышленный справочник 1913 г. Владивостока и его окрестностей. Владивосток, 1912. — С. 177.

МАКОВСКИЙ ИГНАТИЙ ОСИПОВИЧ (1845 — ?).

Действительный статский советник, римско-католик. В крае на службе находился с 1865 г., был начальником комиссарской части управления портов Восточного океана. С 1884 года городской голова г. Владивостока. Женат на дочери купца Евгении Карловне Нордстрем, имел 5 детей, Учредитель и совладелец горнопромышленного товарищества «И. О. Маковский и К^о» (1892), образованного для разработки Анастасьевских каменных углей. С 1900 г. общество также арендовало копи бывшего общества «Сахалин». В 1904 г. в товариществе работали 500 чел., добыча составляла 2,6 млн. пудов угля. Общество существовало, примерно, до 1910 г.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 28. — Оп. 1. — Д. 104. — Л. 150-162; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1904 г. — СПб., 1907. — С. 218-219;

НАДЕЦКИЙ АВРААМ ПЕЙСАХОВИЧ (1869 — ?).

Сын ссыльно-каторжного мещанина из Минской губернии П. Надецкого (о.Сахалин). В 1882 г. вместе с матерью Симой причислен к мещанам г. Николаевска-на-Амуре. В 90-е гг. XIX — начале XX вв. крупный торговец, рыбопромышленник, лесопромышленник. В начале 1900-х гг. на его рыбных промыслах на Сахалине было занято более 450 рабочих. В 1897 г. А. Надецкий в компании с другими николаевскими купцами создает «Охотскую золотопромышленную компанию», в которой становится распорядителем дел и владельцем 42 паев из 100. Жена, Эсфирь Абрамовна, владела 1 паем.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1260. — Оп. 1. — Д. 47. — Л. 3-9; Ф. 1. — Оп. 5. — Д. 391. — Л. 1-8; Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Указ. соч., с. 121.

СЕМЕНОВ ЯКОВ ЛАЗАРЕВИЧ (1831 — 1913).

Из крестьян Енисейской губернии, Минусинского округа Шушенской волости, православный. В конце 50-х гг. XIX в — николаевский купец-пушноторговец. С 1861 г. проживал во Владивостоке. К 1900 г. — известный торговец — купец 1 гильдии, рыбопромышленник, общественный деятель. В 1878 г. получил в бесплатную аренду территорию на западном берегу о. Сахалин (от с. Маука до с. Такомбо), где организовал рыбный промысел и добычу морской капусты. Продукцию сбывал,

главным образом, в Японии. В 1889 г. на Всероссийской рыбопромышленной выставке в СПб был награжден дипломом и большой серебряной медалью. Умер во Владивостоке 23 февраля 1913 г.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1. — Оп. 5. — Д. 97. — Л. 15, 37; Ф. 198. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 1-12; Владивосток. 1890. — 11 марта; Красное знамя. — 1988. — 10 марта; Адрес — календарь г. Владивостока на 1900 г. Владивосток, 1900. — С. 34.

«САХАЛИН» — общество для разработки русских минеральных богатств.

Акционерное общество с основным капиталом в 1,75 млн. руб. Устав утвержден 18.VI.1876 г., в этом же году открыло свои действия. Учредитель — надворный советник Яков Николаевич Бутковский. Директора правления: известный золотопромышленник, статский советник В. И. Базилевский, надворный советник А. П. Аносов, барон Ф. Клебек, князь К. Енгальчев, отставной полковник И. Н. Кривицкий (все — СПб). Обществом был заключен контракт на разработку Дуйских каменных углей сроком на 24 года, с правом иметь собственное пароходство.

Источники: ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 1. — Оп. 1 — Д. 525 — Л. 83; Пушкин Н. Е. Статистика акционерного дела в России — Вып. П — СПб, 1898. — Л. 84; Вып. Ш. — СПб., 1898. — Л. 297.

«И. СТАХЕЕВ и К^о» — торгово-промышленное товарищество, основанное в 1904 г., с 1912 г. — концерн, с основным капиталом в 4 млн. руб. Начало деловым отношениям с Дальним Востоком положили хлебные операции. (В 1861—63 гг. в Благовещенске торговали елабужские купцы: братья Дмитрий и Николай Стахеевы). Получило концессию на разработку рыбных и лесных богатств на глухих берегах Охотского моря и его островах. Совместно с николаевскими рыбопромышленниками образовали Охотско-Амурское рыбопромышленное общество, которое занимало одно из первых мест по улову рыбы в регионе. В 1918 г. товарищество пыталось завладеть нефтеносными участками на Сахалине.

Источники: К истории концерна И. Стахеева // Исторический архив. 1957 — № 3 — С. 166-167; Ученые записки ДВГУ. — Т. 55. — Владивосток, 1971. — С. 26; Вопросы истории. — 1977. — № 8. — С. 109.

С. П. Федорчук

Ю С У П О В Ы

В 1911 году во время очередного приезда на Карафуту (Южный Сахалин, который после 1905 г. отошел во владения Японии); епископ Сергей (русский по национальности, миссионер христианства в Японии) в числе других населенных пунктов побывал в поселке Отани (до 1905 года называлось Большое Такое, ныне п. Сокол). И здесь он встретился... Впрочем, предоставим слово батюшке (отрывок из книги «На Южном Сахалине», изданной в Москве в 1914 году):

«Уже издали слышали хозяина-старика собаки, а за околицей радостным визгом встретившие его. У дома — жена, дочь взрослая, дети... Все здороваются, целуя руку у батюшки... «Вот так мусульмане», — думаю!.. Отвели мне просторную, чистую комнату... Чай, булки в масле жареные, молоко холодное, молоко парное, молоко топленое... Много молока! ...Словом, — радушные без конца! ...Дед — старик Юсуп Сафы-юлла, 30 лет на Сахалине, 20 лет уже «с правами» (т.е. 20 лет назад закончился срок наказания — С. Ф.).

...Жена, старшая дочь, — все они ушли в хозяйство! Ведь одних коров у Юсула 36! ...Только подоить их, — сколько времени нужно! ...четыре мальчика Дзямальдин, Камальдин, Джалалдин, Шяряфдин... Один красивее другого! Двое уже ходят в японскую школу и по-японски знают куда лучше, чем по-русски... Впрочем, старик просит букварей, и сам будучи грамотен по-русски и по-татарски, хочет учить по-русски детей... А что касается японского языка, то здраво он рассужда-

ет: «выучишь чужой язык, — не за плечами его носить! ...А когда-нибудь может и пригодиться!» ...Весь вечер прошел в беседах с милой семьей. Сколько же вы запахиаете?» — «А трудно, батюшка, сказать! Сколько сил хватает!» — «А сена косите сколько?» — «А опять, косим, где хотим, и сколько хотим... и всегда достает!» Словом — и земли, и воли много! Были бы лишь люди, да силы!»

Комментарии излишни. Батюшка полно описал быт оставшегося на Южном Сахалине при новой власти семейства.

Интересно было бы узнать о жизни Юсуповых в последующие годы. Что стало с детьми хозяина-старика? Как сложилась их жизнь? В адресном бюро Южно-Сахалинска был сделан запрос на Юсуповых, проживающих на Южном Сахалине до 1945 года и живущих здесь поныне. И вот ответ: Юсупова Мисса, год рождения 1911 (год посещения Сергием Карафутто), проживает в Южно-Сахалинске.

Юсупова Тосико, 1927 года рождения, также проживает в областном центре.

Имеют ли эти женщины отношение к нашей истории? Да! Имеют! Их рассказы позволяют проследить жизненные пути братьев — сыновей Юсула и его дочери, о которых еще в начале века писал епископ.

Мисса Юсупова (Танака), г.р. 1911, японка.

Родилась в префектуре Акита (о.Хонсю).

В 1925 году семья рабочего Кумакиги Танака переехала с Хонсю на Карафутто. Поселились в п. Сакаэхама (ныне п. Стародубское).

Отец устроился лесорубом. Вскоре пришлось переехать в п. Отани, или, как его называли при русских, Большое Такое.

Здесь и познакомилась Мисса — японская девушка и татарский парень — Дзямальдин. По старому обычаю были посланы сваты в дом Танака. Отказа не последовало. Сыграли свадьбу. Было это в 1928 году. Жениху в тот год исполнилось 28 лет, он был старшим среди братьев. Старик Юсуп с малолетства приучил детей к труду. Урокигодились в жизни. У каждого из братьев было свое хозяйство, свой дом. С молодой семьей жила свекровь (Юсуп Сафы-юлла скончался в 1917 году). Мисса называла ее окасан (по-японски — мама). В доме общались на японском языке.

Было у Дзямальдина увлечение — лошади. В соседней Конуме (пыне п. Новоалександровск) был ипподром, на котором порой устраивались необычные соревнования. Загружали мешками с рисом телегу. В нее впрягали лошадь, которая должна была провезти груженую телегу определенное расстояние. Грузили до тех пор, пока не оставалась единственная лошадь, способная сдвинуть груз. Как правило, побеждали лошади поляка Чеханского, жившего в Конуме. Дзямальдин дружил с ним. По осени Ян приезжал в Отанил к другу, и они заготавливали для себя на зиму кету, которую засаливали в бочки. В 1943 — 1944 годах японская администрация приняла решение о строительстве деревни, в которую должны были перебраться русские (бывшие поданные Российской Империи, т.е. не только русские по национальности, но и поляки, татары и другие).

Администрация за свой счет и собственными силами построила для русских дома, хозяйственные постройки. Был выделен трактор, чтобы жители деревни могли вспахать землю. С 1944 г., когда в Каминэе (или как еще называли, Русская деревня, находилась в 10-20 километрах от п. Охотского) было закончено строительство домов, туда стали переезжать семьи. На вопросы о причине переезда представители администрации отвечали, что это для безопасности самих же русских, т. к., по всей видимости, в скором времени начнется война с Россией и вам, т. е. русским, лучше жить всем вместе. Перед самой войной перебрались в Каминэй и Юсуповы.

Смена власти для жителей Русской деревни произошла без стрельбы. Советская власть нашла применение Дзямальдину — переводчик. Пересхали в Тохара (Южно-Сахалинск). Свои обязанности Юсупов выполнял до окончания репатриации японского населения.

Мисса (или как ее стали называть на русский лад — Лиза) оставалась домохозяйкой — занималась воспитанием детей. А когда те подросли, пошла работать на мелькомбинат рабочей и проработала пятнадцать лет. Десять детей вырастили в семье. Двадцать седьмого июля 1954 года Мисса Юсупова была награждена орденом «Материнская слава» I степени.

До выхода на пенсию Дзямальдин Сафуллолович трудился рабочим на мелькомбинате. Очень любил по вечерам слушать радиоприемник. Ловил японские станции, чтобы не забывать

языка. Все собирався учить своих детей, но не пришлось. В 1977 году Дзямальдин Сафиуллович скончался...

Мисса-сан живет с дочерью Ниной. Интересная семья — интернациональная. У троих ее детей мама — татарка, папа — русский, а бабушка — японка, и все живут в одной квартире. Хорошая и дружная семья. У Миссы-сан на сегодняшний день семнадцать внуков и десять правнуков. Здоровья Вам, Мисса-сан!

Тосико Юсупова (Араки).

г. р. 1927, японка.

Родилась в Минакиси (с. Подорожная, Корсаковского района).

Тосико-сан — коренная сахалинка. Минакиси было маленьким селом, и девочка ходила в школу в Ками-Каминой (ныне с. Тамбовка). Шло время. Из Отани Юсуповы переехали в Каминой. Минакиси находилось неподалеку. Любили братья ходить на охоту. Зашли как-то в дом Араки спросить воды. Так встретились Тосико и Шяряфдин. Недолго думая, Юсупов заслал сватов, и родилась семья. Новая власть направила Шяряфдина переводчиком в п. Охотское.

Сбылись слова старика Юсупа: «...выучишь чужой язык, — не за плечами его носить!.. А когда-нибудь может и пригодиться!...» Вот и пригодилось братьям знание языков.

Тосико занималась по-хозяйству. Растила двух детей. После репатриации японцев муж устроился мастером на рыбзавод. Дзямальдин звал братьев в Южно-Сахалинск, и в 1953 году семья переехала в областной центр. Все вместе работали на мелькомбинате. В 1979 г. Шяряфдин Сафиуллович умер...

Поведали женщины и о судьбе Камальдина с Джалалдином. Камальдин был женат на русской девушке Груне. Жили поначалу в п. Большое Такое. Проступающую красоту мальчиков-братьев подметил в свое время еще епископ Сергей. Когда Камальдин повзрослел, на него обратили внимание и пригласили на роль в кино, для чего он поехал в Токио. После стал периодически ездить в столицу, а перед войной с семьей уехал навсегда. Там, в Токио, он и похоронен. Может быть, жива еще жена. Там живут его дети.

Жизнь Джалалдина не сложилась. Женился на японке Аки-сан. Она родила ему сына Нурдына. Отец пристрастился к вы-

пивке, и мать, забрав сына, уехала в Токио. Стал выпивать еще больше.

Пришедшая на Южный Сахалин советская власть нашла применение Джалалдину, назначив переводчиком. Но недолго он был на должности...

Передо мной карточка, заполненная в тюрьме № 1 г. Южно-Сахалинска. Скупые строки сообщают:

«Юсупов Джалялетдин, 1905 г. р., арестован 20 декабря 1947 года. 10 — 12 апреля 1948 года осужден народным судом 1 участка Южно-Сахалинска по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 года (хищение) и приговорен к десяти годам лишения свободы. 14 апреля 1948 года этапирован в ИТК № 1 Южно-Сахалинска. Умер 22 февраля 1950 года. Извещение составлено ИТК № 6 Сахалинской области».

Так закончился путь четвертого брата...

Сергий упоминает также о старшей дочери Юсупа, не приводя ее имени, сообщая лишь: «Зять — татарин Гайнулла, деятельный хозяин, имеет 4 лошади, пашет, косит, на охоту по соболям ходит».

Имя дочери Юсупа — Шарифджамал. В середине тридцатых годов старшая ее дочь Бибинур поехала в Токио учиться на швею. В конце тридцатых годов Гайнулла умер. Узнав о смерти отца, Бибинур предложила матери переехать к ней. И Шарифджамал с детьми стала жить вместе с дочерью в Токио. Иногда в гости приезжали братья. А в начале сороковых годов сестра приехала на Карафуто навестить родственников. Побывала в Отани и вернулась в Токио, взяв с собой пятилетнего племянника Мурата (сына Дзямальдина) — погостить. Через месяц Мисса-сан забрала сына.

После окончания Второй мировой войны Бибинур уехала в Турцию и вскоре вызвала к себе мать. Остальные дети Шарифджамал (уже выросшие) остались в Японии. Бибинур вышла замуж за американца и уехала в США. Мать осталась в Турции.

В 1972 году Дзямальдин и Шяряфдин получили письма из Стамбула. Они были от сестры (Шарифджамал узнала адреса братьев через Аки-сан, жившей в Токио и установившей связь с сахалинскими Юсуповыми в начале семидесятых годов). Стали переписываться.

Поздравляя семью Дзямальдина с праздником, Шариф-

джамал сообщала в Новогоднем послании: «Если поправлюсь хорошенько, может быть сама приеду к вам, если, конечно, позволит мое здоровье, об этом еще напишу вам в будущем письме, тогда бы я вам привезла бы кое-чего, и с радостью...
...7.1.1973.»

Около года длилась переписка, а затем оборвалась.

Прошел год, и было получено письмо. Известие из Стамбула. Знакомый почерк, но не от сестры — от ее соседки (она под диктовку писала все письма Шарифджамал). В нем было сообщение о смерти...

В самом начале семидесятых годов Тосико-сан с помощью знакомого японца узнала токийский адрес Аки-сан. Завязалась переписка. Аки-сан сообщила, что Нурдын умер. Похоронен в Токио. Регулярно поздравляли друг друга с праздниками. В середине восьмидесятых годов связь оборвалась...

Мисса-сан и Тосико-сан сохранили фотографии, которые сейчас являются фотодокументами.

История семьи Юсуповых, поведенная еще епископом Сергием в начале века, была продолжена рассказом этих женщин в наше время. Будущее — за их детьми и внуками.

Весной 1990 года в одной из областных газет дочь Миссы-сан Нина прочла сообщение о том, что японское общество разрозненных семей приглашает на встречу сахалинских японцев.

В зале Дома Союзов, где проходила встреча, были розданы анкеты, в которых предлагалось указать свои данные, имена родственников, живущих в Японии, их адреса (если таковые известны).

Общество «Сахалин Соксинкай» (общество разрозненных японских семей) помогает встретиться родственникам, живущим по обе стороны пролива Лаперуза, разделяющего наши страны.

У Тосико-сан в Японии живут четыре брата, выехавшие с Сахалина по репатриации с родителями в 1947 году. С середины шестидесятых годов сестра переписывается с ними. В мае 1991 года Тосико-сан по линии общества «Сахалин Соксинкай» поедет на встречу в Японию. Хотела бы съездить и Мисса-сан, но не найдена родня.

Осенью 1990 года Тосико-сан написала брату Сейчи Араки, живущему в Йокогаме, чтобы он попробовал розыскивать родственников Миссы-сан, но результатов пока нет.

В один из декабрьских дней к Миссе-сан пришли гости. Представители токийской телекомпании «Асаси», засняли Миссу-сан в домашней обстановке. Отснятый ролик будет показан в Японии по центральным каналам телевидения и, может быть, его демонстрация поможет найти родственников. А «навела» киногруппу на Миссу-сан председатель Сахалинского отделения общества «Сахалин Соксинкай» Нора Сидзуэ.

Хочется пожелать, чтобы в год восьмидесятилетия исполнилось желание Миссы-сан — побывать на земле исторической родины.

Синго Накадзава

СИГЭДЗО СУГАВАРА: БОТАНИК, ПОСВЯТИВШИЙ СВОЮ ЖИЗНЬ ИЗУЧЕНИЮ САХАЛИНА

Нынешний Сахалинский областной музей в СССР является приемником бывшего японского Сахалинского музея¹, первоначально созданного в 1917 году в двухэтажном деревянном строении на пересечении Первой Южной улицы и Четвертой Восточной Авеню² в городе Тохара (ныне — г. Южно-Сахалинск). В 1935 году музей переместился в одноэтажную постройку на перекрестке Третьей Северной улицы и Второй Восточной Авеню³ близ бумажной фабрики «Одзи». Затем, уже окончательно, музей разместился в своем нынешнем здании, построенном в 1937 году, т. е. по адресу Коммунистический проспект, 29. Ботаник Сигэдзо Сугавара проработал в Сахалинском музее 13 лет, с 1928 по 1941 гг. Мы не можем предать забвению его самоотверженные усилия в исследовании биологии острова, пополнении фондов Сахалинского музея.

РОДОМ ИЗ ЯМАГАТА

Сугавара родился 17 июля 1876 года. Он был старшим сыном в семье фермера Ясудзо и его жены Тэцу, живших в деревне Того близ города Хигасинэ, префектура Ямагата, Япония.

В детстве он очень увлекался коллекционированием насекомых, собирал коллекции, накалывая каждый экземпляр па

булавку. Мать мальчика запретила ему это делать, так как была очень сердобольна и жалела маленьких животных. Тогда юный Сугавара стал собирать гербарии из образцов дикорастущих растений. После окончания средней школы он начал заниматься самообразованием и стал школьным учителем в деревне Хондоэзи.

Позднее он оставил родные места и в 1901 году приехал на Хоккайдо, где основал дендрарий, а в 1909 году снова идет работать школьным учителем в районе Тэсно. В это время он снова проявляет интерес к энтомологии, работает под началом профессора Хоккайдского университета М. Мацумура и открывает редкий вид обитающей на Хоккайдо бабочки.

В июне 1922 года он отправляется на Сахалин для изучения северной флоры, устраивается работать классным наставником в школе деревни Фукаура в 40 км к северу от г. Тойохара (Южно-Сахалинск). Здесь он собрал коллекцию почти всех видов местных растений. Случилось так, что посетивший в 1982 году эту школу школьный инспектор М. Уэда ознакомился с ботаническими изысканиями Сугавары, и они произвели на него сильное впечатление. Уэда, сам биолог по образованию, добился перевода Сугавары в Сахалинский музей на должность научного сотрудника.

Сахалинский музей в те дни представлял собой двухэтажное деревянное строение, окруженное скамейками в большом заросшем сорняками саду. В музее Сугавара не занимал руководящей должности, хотя неофициально считался членом музейного совета. Пост директора занимал Т. Такатори, являвшийся к тому же главой отдела образования Сахалинского губернаторства. Штат музея состоял из 18 человек, в том числе 7 советников, 2 чиновника и 9 научных сотрудников, включая Сугавара. Среди них Сугавара был единственным, кто не совмещал эту работу с какой-то другой. Кроме того, музей обслуживала семья разнорабочих и время от времени привлекалась сезонная рабочая сила. Жалованье Сугавара составляло 80 иси в месяц (в 1933 году).

Его сын Норимицу в то время помогал отцу в музее. Раньше он учился в Токийском университете Хосэй, но не довел образование до конца, уехал на Сахалин и работал под руководством отца в качестве чертежника и копировщика, помогал

готовить рисунки растений, сделанные рукой отца, для публикации.

Составляя коллекции растений, Сугавара объехал почти все уголки Сахалина, за исключением советской территории. В результате он смог собрать 32.000 сухих образцов растений 104 семейств, 424 родов и 1.292 видов и форм.

Был такой любопытный эпизод. Летом 1935 года он поехал в экспедицию со своим помощником Т. Такахаси глубоко в горы вдоль реки Асасэ, впадающей в море на восточном берегу близ советской границы. Экспедиция проводилась с целью сбора образцов растений. В горах они наткнулись на большое число неизвестных им растений и решили задержаться. Когда миновали все сроки их возвращения, ботаников сочли погибшими и в газете напечатали предположение о трагической встрече с медведем. Спустя несколько дней, когда они вернулись, газета сообщила: «Ботаники, которых загрыз медведь, вернулись живыми и здоровыми».

Позднее Сугавара был сурово отчитан руководителями губернаторства за опоздание из экспедиции.

НАУЧНЫЙ ВКЛАД

Сугавара опубликовал ряд отчетов по своим биологическим исследованиям. Среди них особенную научную ценность представляют четыре. Первый, «Растения Сахалина», он опубликовал к своему 60-летию (1937). Он включал описание 1.388 видов папоротникообразных и семенных с иллюстрациями образцов растений с севера и юга. В описаниях растений северного Сахалина автор опирался на отчеты других ботаников. Кроме того, в книге содержались сведения по истории исследования сахалинской флоры.

Второе исследование касалось «линии Шмидта» в сахалинском растительном мире. Оно было опубликовано в «Бюллетене № 1 (1938) Сахалинского музея». Ф. Шмидт⁴, изучавший в 1868 году растительный мир Сахалина, разделил его на два качественно различных региона, по 50 градусу северной широты, утверждая, что к северу от этой линии флора родственна Камчатке и Охотску, к югу — японским видам растений. Позднее, в 1935 году профессор Хоккайдского университета К. Мнябэ согласился с утверждением ученого и назвал

эту границу «линией Шмидта». Сугавара же, опираясь на свои собственные научные исследования, пришел к заключению, что такая линия в действительности проходит несколько наклонно — от Дуэ (50 градусов 05 минут с. ш.) на западном берегу до Найеро⁵ (около 49 градусов с. ш.) на восточном берегу. Именно по этой границе, считал Сугавара, проходит линия, разделяющая две растительные зоны Сахалина.

Третья знаменитая работа ученого — четырехтомное исследование «Флора Сахалина» — первый том издан в 1937 г., второй — в 1939, третий и четвертый — в 1940. В этом издании описаны 104 семейства, 423 рода и 1370 видов и форм сахалинских растений, приведены 812 иллюстраций. Среди растений — 12 новых видов, открытых им лично, что позднее было подтверждено другими учеными.

Четвертая работа представляет собой дополнение к «Флоре Сахалина», изданное в 1956 году Ботаническим обществом в Хакодате. Здесь дано описание еще 68 видов папоротникообразных и семенных, а также 167 видов мхов и 146 видов лишайников.

Но кроме изысканий в области ботаники музей нуждался в научных исследованиях в зоологии, геологии, истории и фольклора Сахалина. И Сугавара занимался всем этим. Многие образцы для музейных экспозиций собраны и подготовлены его руками.

ОТСТАВКА

Я работал в музее помощником Сугавара с апреля 1936 по март 1937 года. Мне было тогда 18 лет. Потом я уехал в Токио на учебу. Позднее несколько раз приезжал на Сахалин и встречался с Сугавара. В августе 1941 года, когда я был студентом университета и приехал на Сахалин на летние каникулы, я зашел в музей, но Сугавара там не было. В это время он находился у себя дома, буквально напротив музея, на противоположной стороне улицы. Когда я вошел, он сказал мне: «Я уволился из музея, поскольку сахалинские власти изменили свое отношение к музею. Теперь они больше заинтересованы в привлечении посетителей, нежели в научной работе. Так что теперь они не нуждаются в моих исследованиях. По этой причине я вышел в отставку и живу здесь с моей женой».

Произнеся эти слова, он кротко улыбнулся мне. На полу валялись груды высушенных растений, его одежда была в беспорядке. Я понял, что его материальное положение оставляет желать лучшего. Мне стало грустно. По правде говоря, до отставки он был официальным сотрудником музея и жил в общественном жилом доме, не внося квартплаты.

Теперь же он стал безработным стариком, ему следовало платить за жилье, а никаких источников дохода у него не было. Его сын Норимицу в это время находился в Токио.

ЖИЗНЬ В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

В январе 1944 года умерла его жена Суэ Сугавара. Он почувствовал себя совсем одиноким, вдобавок ко всему ужасно боялся, что какая-нибудь трагическая случайность может повредить его уникальные коллекции растений, ведь шла вторая Мировая война. В конце концов он принимает решение уехать с Сахалина, захватив с собой наиболее ценные коллекции растений. Транспортировка такого груза была делом весьма непростым, но Сугавара воспользовался любезностью своего приятеля из японских ВМС и переправил свои коллекции в Канагава, близ Токио. Но этот район часто подвергается бомбардировкам американской авиации, и хранить здесь коллекции было опасно. Ученый перевозит коллекции в Окаяма, близ Хиросима, а позднее — на Хоккайдо, где отдал их на хранение на школьный склад в пригороде Хакодате.

После окончания второй Мировой войны Сугавара получает должность лектора в Хакодатском филиале Хоккайдского педагогического института. Там он вступает во второй брак и поселяется с женой по имени Фуса в небольшом коттедже в горах, откуда открывается прекрасный вид на море. В 1958 году он получает премию по культуре от муниципалитета города Хакодате, а через год — такую же премию от губернаторства Хоккайдо. Так был оценен его вклад в ботанические исследования северных регионов.

В ноябре 1959 года он возвращается на родину, в префектуру Ямагата, живет с женой в маленьком домике посреди яблочного сада в Дзинмати. Его единственным занятием здесь становится прогулка в горах и коллекционирование дикорастущих растений. В те дни я был профессором биологии в университете Ямагата, совсем рядом с тем городком, где жил Су-

гавара. Время от времени я навещал его, иногда он сам приезжал ко мне в университет. Нельзя сказать, что он жил в достатке, скорее наоборот, у него порой не хватало самого необходимого. Однажды, когда я навещал его зимой, я нашел его в холодной комнате, жавшегося к жаровне с древесными углями. В доме не было ни радио, ни телевизора. Я собирался помочь ему и организовать сбор средств в его пользу, но не успел этого сделать. Вскоре он тяжело заболел и скончался 6 июля 1967 года в возрасте 91 года. Его похоронили на кладбище буддийского храма Седзэнди в Дзинмати.

Сугавара был человеком, отдавшим всю свою жизнь изучению сахалинской флоры, как и работе в других научных сферах деятельности Сахалинского музея. Из собранных им гербариев 5 тысяч образцов были подарены высшей школе в Эсаи, а 30 тысяч находятся в Хоккайдском педагогическом институте. У него не было никакого образования, кроме школьного, которое он завершил к своему 14-летию. Большую часть своих знаний он приобрел путем самообразования. Его старший сын Норимицу стал замечательным писателем, известным под псевдонимом Котаро Самукава. Он умер в Токио в 1977 году. Двое других детей тоже умерли. Как утверждают его вторая жена и внуки, тут кроется какая-то тайна: люди, близкие Сугавара Сигэдо, уходят из жизни один за другим.

Перевод с японского **В. В. Переславцева.**

Примечания:

1. Сотрудники Сахалинского областного краеведческого музея считают свой музей преемником Сахалинского музея, открытого 6 декабря 1896 г. в посту Александровском.

2. Пересечение современных улиц Курильской и Дзержинского.

3. Пересечение современных улиц Бумажной и Миллишейской

4. Шмидт Фридрих Богданович (1832-1908) — академик, известный ботаник, геолог и путешественник. Родился в Эстляндской губернии (современная Эстония), образование получил в Дерптском и Московском университетах. В научной экспедиции на Сахалине вместе с П. П. Гленом, Г. В. Шебуниным и А. Брылкиным провел 1860-1861 гг. Трудами Ф. Б. Шмидта и П. П. Глена положено начало систематическому изучению флоры Сахалина. С 1872 г. Ф. Б. Шмидт — действительный член Академии Наук. Ф. Б. Шмидту принадлежит разделение Сахалина на две физико-географические области: северо-восточную и юго-западную. Линия раздела не совпадала с 50 градусом северной широты. Недавно для анализа всех данных по районированию Сахалина привлекли ЭВМ, машина повторила границу областей Ф. Б. Шмидта.

5. Найеро — с 1947 г. рабочий поселок Гастелло Поронайского района.

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Б. ПИЛСУДСКОГО

Письмо Б. О. Пилсудского профессору Д. И. Литвинову

В наследии ученого всегда особенное место занимают письма. Являясь ценнейшим источником для биографов, они в то же время дополняют многое в научных работах, позволяют заглянуть в лабораторию исследователя, прикоснуться к часто мучительному поиску истины. Как правило, письма являются и наименее изученной частью архивов ученых. Рассеянные у корреспондентов, они не всегда доступны, а зачастую исчезают бесследно.

Письма Б. О. Пилсудского пока малоизвестны. Они почти не публиковались, а между тем его эпистолярное наследие значительно, как по объему, так и по богатству разнообразной информации. Обстоятельства почти восемнадцатилетней жизни на Сахалине и Дальнем Востоке складывались так, что переписка для него часто была единственной возможностью поддерживать отношения с цивилизованным миром, с учеными и единомышленниками. После, уже будучи в Европе, выдвинувшись в число ведущих айноведов и получив мировую известность, он поддерживал тесные связи со многими учеными и научными учреждениями разных стран. Среди них Л. Я. Штернберг, В. Л. Серошевский, Б. Лауфер, Ф. Боас, С. Н. Бранловский, В. В. Бартольд, Д. Н. Анучин, А. Л. Чекановский, Н. В. Кирилов и многие другие.

Публикуемое письмо Б. О. Пилсудского адресовано профессору Дмитрию Ивановичу Литвинову, бессменному ученому, хранителю Ботанического музея Академии Наук в Петер-

бурге с 1898 г. до конца жизни (1929 г.). К сожалению, на письме не проставлена дата. По-видимому, оно относится к 1909-1910 гг., когда Б. О. Пилсудский некоторое время жил в Париже. В это же время вышли книги Д. И. Литвинова «Библиография флоры Сибири» и «Гербарий русской флоры», о которых идет речь в письме.

Для сахалинских краеведов письмо интересно, прежде всего, тем, что в нем рассказывается о людях, изучавших сахалинскую флору в конце XIX — начале XX вв., собравших ценнейшие коллекции и гербарии. Эти коллекции были переданы в музей Владивостока, Хабаровска, Петербурга. Судя по письму, они не были введены в научный оборот, незаслуженно были забыты и люди, их собиравшие. Очень мало знаем мы о них и сейчас. По-видимому, краеведам стоило бы обратить внимание на работу, проделанную по изучению сахалинской флоры доктором медицины П. И. Супруненко, врачом М. М. Добротворским, инспектором сельского хозяйства А. А. фон Фрикеном, лесничим И. Д. Шредерсом. Это были люди, много сделавшие для изучения Сахалина, по-настоящему их вклад в этот процесс еще не изучен и не оценен.

Большой интерес представляет письмо и для биографов Б. О. Пилсудского. В настоящее время выявлено много ранее неизвестных рукописей ученого. Возможно, будет обнаружен и «полубеллетристический очерк» о 12-дневном путешествии Б. О. Пилсудского «на горы внутри острова», во время которого был собран прекрасный гербарий, переданный в Академию Наук.

Одно небольшое письмо значительно раздвигает рамки краеведческого поиска. Насколько же он обогатится, если будет выявлен и опубликован весь огромный массив эпистолярного наследия ученого.

Документ публикуется впервые, хранится в Ленинградском отделении архива Академии Наук СССР. Текст воспроизводится без изменений. Сокращения раскрываются в круглых скобках.

Париж, ул. Нотр Дам де Чамрс 103

Многоуважаемый профессор¹,

На днях только имел возможность просмотреть присланные Вами две книги, за которые приношу искреннюю благодарность.

Думаю, что Вы будете довольны моими замечаниями, которые я делаю, просмотрев все, что относится к Сахалину.

В числе коллекторов по Сахалину пропущены: 1). Л. Я. Штеригберг² (ныне этнограф Музея Антропологии при Академии Наук в Петербурге), который собирал гербарий во время своих разъездов по Сахалину. 2). Д-р Супруненко³ — один из первых работников в области коллектирования на Сахалине. Он вывез с Сахалина богатые коллекции. Не знаю только, кому он их подарил. 3). Иван Донатович Шредерс — лесничий, собирал в 1903-4 гг. гербарий — кажется, отдал его вместе со своим отчетом о произведенном им описании лесов Южного Сахалина — Управлению государственных имуществ в Хабаровске. 4). Алексей Александрович фон-Фрикен⁴ — бывший агроном Сахалина и знаток его, собирал гербарий — не знаю, куда его направил.

Мне думается, что гербарии с Сахалина, которые должны находиться в Музее Хабаровском, Вам неизвестны. Я послал туда как-то гербарий ядовитых растений Сахалина и некоторых полезных. Знаю, что посылали туда и другие лица. Конечно, могло растеряться, ибо одно время в музее были беспорядки.

Теперь по поводу библиографии флоры Сибири: Пропущен по Сахалину такой многолетний работник и знаток Сахалина, каким был А. А. фон-Фрикен. Он писал в «Сахалинском календаре» о сахалинских лесах, долине р. Лютоги, о сахалинской гречихе и др. В своих отчетах по сельскому хозяйству (он) тоже, наверное, упоминал про флору острова. Он сейчас в отставке и живет в Новгородской губернии в своем имении. Знатком ботаники на Сахалине был смотритель поселений, получивший агрономическое образование Эдуард Карлович Безайс⁵. Он мне много помогал в определении растений, когда я пытался сличать названия инородческие с научными. Его следовало бы разыскать и просить что-либо написать. Кажет-

ся, научно не описан особый вид хвоща, который имеет большое значение в хозяйстве, ибо скот питается им ранней весной, выкапывая его из-под снега.

Если сохранились журналы прежней Рыковской Метеорологической станции⁶, то в них имеются записи цветения деревьев и цветов за много лет, произведенные первыми наблюдателями М. И. Кржижевской⁷, И. П. Ювачевым⁸, потом мною и другими лицами, бывшими там наблюдателями.

Пропущены в библиографии: Мицуль⁹ — о Сахалин, Д-р Добротворский¹⁰ — Медицина у айнов и его статья в Записк (ах) Сибир (ского) Отдела Геогр (афического) общества — о Сахалин.

Я был бы очень благодарен, если бы кто просмотрел растения, собранные мною во время экскурсии на горы внутри о(стро)ва и сказал, нет ли среди собранных вещей чего-либо нового. А также м(ожет) б(ыть) я мог бы получить тетрадь, приложенную к гербарии, ибо она помогла бы мне приготавливаемом мною полубеллетристическом очерке об этой экскурсии 12-дневной.

Прошу принять уверение в совершенном
моем почтении и преданности
Бронислав Пилсудский

ЛО ААН СССР Ф. 70, О. П. 2. — № 359. — Л. 1-2. Автограф.

Примечания:

1. Литвинов Дмитрий Иванович (1854 — 1929) — известный русский, советский ботаник. Ученый-хранитель Ботанического музея Академии Наук. Изучал флору, высших растений Европейской части России, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Маньчжурии. Автор ряда трудов по исторической географии растений.

2. Штенберг Лев Яковлевич (1861 — 1927) — известный советский ученый-этнограф. За участие в народовольческих организациях был сослан на Сахалин (1889—1897). Изучал этнографию коренного населения о Сахалин. В 1891 г. познакомился с Б. О. Пилсудским, дружба и тесное сотрудничество с которым продолжались до трагической смерти последнего. С 1901 г. Л. Я. Штенберг работал в Музее этнографии и антропологии в Петербурге. Профессор Ленинградского университета (с 1918), член-корреспондент Академии Наук СССР (1924).

3. Супруненко Петр Иванович — доктор медицины, статский советник. На Сахалине с 1880 г. по 1890 г. С октября 1884 г. заведующий медици-

ской частью на о. Сахалине, одновременно старший врач Александровского лазарета и заведующий метеорологическими станциями В 1889 г командирован в Петербург на международную тюремную выставку, где экспонировались богатые этнографические и природные коллекции, собранные П. И. Супруненко на Сахалине с 1881 г.

4. Фон-Фрикен Алексей Александрович (1858-1924) — агроном, инспектор сельского хозяйства на Сахалине (с 1888 г.) В 1890-1892 гг. — заведующий метеорологическими станциями, автор ряда работ по флоре Сахалина, опубликованных в «Сахалинских календарях». Большой интерес представляют «Отчеты о состоянии сельского хозяйства» фон-Фрикена.

5. Безайс Эдуард Карлович — агроном, геоботаник. Проработал на Сахалине 10 лет. В 1899 г. — смотритель поселения 2 участка Тымовского округа В 1908-1909 в Камчатской экспедиции под руководством В. П. Комарова. С 1911 г. агроном в Амурской области.

6. Метеорологическая станция в с. Рыковском (современное с. Кировское) открыта в 1886 г.

7. Кржижевская Мария Антоновна (1854-1892) — акушерка-фельдшерица Тымовского лазарета, заведующая Рыковской метеостанцией. Самоотверженная работа М. А. Кржижевской среди каторжных и поселенцев снискала ей огромное уважение и авторитет. Похоронена в с. Рыковском.

8. Ювачев Иван Павлович (псевдоним И. П. Миролюбов) (1860-1936) — бывший мичман, революционер-народник. По «процессу 14-ти» приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. До 1887 г. отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости, с 1887 г. до 1895 г. на Сахалине. Был наблюдателем метеорологической станции в с. Рыковском в 1887 — 1893 гг. Вернувшись в 1897 г. в Европейскую Россию, сотрудничал в «Историческом вестнике». Автор известных воспоминаний «Восемь лет на Сахалине», СПб., 1901, и ряда других литературных произведений.

9. Мицул Михаил Семенович (1836-1883) — агроном, участник экспедиции В. И. Власова в 1871-1872 гг. на о. Сахалин. С 1880 г. агроном о. Сахалина. Автор исследования «Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении» СПб., 1873.

10. Добротворский Михаил Михайлович (1836-1874) — врач, исследователь Южного Сахалина В 1865 г. окончил Медико-хирургическую академию. С 1867 г. по 1872 г. старший врач 4 Восточно-Сибирского линейного батальона на Южном Сахалине. Составил «Аинско-русский словарь», изданный в 1875 г. в Казани. Автор работ «Южная оконечность острова Сахалина» // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, — № 1, 2/3. — Иркутск, 1870; «Русская престолярная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов». Записки общества врачей г. Казани, 1874.

**Предисловие, публикация документа
и комментарии В. М. Латышева**

САХАЛИНСКАЯ И КУРИЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЕПИСКОП СЕРГИЙ

НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ

(из путевых заметок)*

В августе 1909 г.

Город Отару, на острове Хоккайдо. 1-е августа. Сегодня я отправляюсь на Карафуту: так называют японцы Сахалин. Цель моей поездки: разыскать тех русских, которые там — слышно — еще остались, и удовлетворить их духовные нужды; с другой стороны — посетить и успевших уже переселиться туда некоторых из православных японцев. Сопровождает меня священник из г. Салпоро о. Николай Сакураи.

Утро прошло в сборе нужного для далекой поездки багажа. Постепенно приходят с прощальными благожеланиями христиане. Вот уже и 12 часов. Помолившись перед путешествием, мы большой уже компанией направляемся к пристани. Из попутных домов выходят христиане и присоединяются к нам. Наша компания растет и растет! Но вот уже и гавань... До 20 пароходов, и больших, и маленьких стоят в ней... Среди них где-нибудь и тот, на котором я должен через какой-нибудь час уехать на Сахалин.

Куплены уже билеты... Паспортов при этом не спрашивали! Да их и нет в Японии. Однако, требуют или визитную карточку или словесный ответ на вопросы: имя и фамилия, возраст, народность, род занятий, постоянный японский адрес... Это же спрашивают и при остановках в гостиницах, когда почти сразу же является к тебе «бантоо» (приказчик) и от имени «ядочео» (хозяйина гостиницы) просит дать ему, для доклада

*© Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Печатается по тексту издания в журнале «Православный Благовестник», М., 1914.

в «кейсацу» (в полицию) сии сведения... И если тебе «не имуть веры», то спросят еще и добавочно, где ночевал предшествующую ночь, и где будешь ночевать завтра...

Толпятся христиане, спеша сказать какую-либо любезность, пожелание... Суетятся пассажиры... Томительные полчаса проходят, и нас перевозят на пароход. Для сего подали небольшой портовый пароходик и громадную баржу у него на буксире. Разделили овец от козлиц: пассажиров I и II кл. усадили на пароходик, пассажиров III класса погрузили на баржу... Краткий свисток... Последние прощальные благожелания... И мы поехали к своему пароходу.

«Камикава-мару», так называется наш пароход. Он не из малых пароходов (1457 тонн), принадлежит богатейшему из японских пароходных обществ — обществу «Ниппон Юсен Кайся» (Японское Общество почтовых пароходов), имеющему прекрасные, большие пароходы и установившему рейсы и в Америку, и в Европу, и в Австралию, и по внутренним японским водам.

Ровно в 2 часа дня по расписанию подняли якорь. Раздался густой бас парохода... Сирена то и дело взвизгивает, переливаясь эхом по береговым горам. Осторожно лавируя среди пароходов в гавани, мы выходим в открытое море и берем курс прямо на север.

* * *

Я иду по второму классу. Помещается он в корме парохода. Есть каюты. Но что за каюты! Теснота в них поразительная! В моей, например, каюте 6 мест, и пять из них заняты пассажирами. А в каюте нет и 9 кубических аршинок воздуха! А сегодня еще к тому же и жарко... Придется ли хоть сколько-нибудь заснуть?

Однако, среди кают, расположенных «покоем», есть и столовая. Здесь можно и чаю выпить, если он у тебя имеется... Здесь же можно и пописать свои впечатления.

О. Николай Сакураи едет по третьему классу. Он расположен в носовой части парохода, теснота в нем еще большая! Каждый пассажир, правда, имеет спальное место, но на нем кроме досок — ничего: обыкновенные русские нары в два этажа! О. Николай не без удовольствия поэтому проводит время на полунейтральной почве в нашей столовой. А полученные

«боем» (вою) от меня 50 коп. не только мирят его с присутствием в моем помещении о. Николая, но и побуждают предупредительно ухаживать за обоими нами.

Мерно постукивает машина... Вспенивают винты морскую воду. Лазоревая, она перекачивается волнами позади парохода. Мы стремимся на север. Налево сливаются с горизонтом воды «Ниппон-кай» — Японского моря; направо синеют в дымке берега Хоккайдо. Первую остановку будем иметь завтра на Сахалине.

Пассажиры поснимали свои «рейфуку» — парадные кимоно и хаори. Уже в упрощенном костюме, в соломенных «зоори» (сандалии) выползают они на палубу. Вот одни из них играют в кольца, бросая их на один из 9 клиньев, стоящих перпендикулярно к квадратной доске. В другом месте на полу мелом нарисованы клетки с написанными в них цифрами: пассажиры и пароходная прислуга гоняют особой палкой плоские круги... Но или рука игроков непривычна, или глаз не умеет определять расстояния, или просто нет охоты играть,.. но редко-редко кольцо повиснет на клин, или круг попадет на намеченную клетку...

Клонится к вечеру день... Исчезают один за другим пассажиры... Но какова же была моя радость, когда пришел ко мне из III класса земляк Сергей Григорьевич Ел-в. Сын одного из петербургских домовладельцев, молодой человек учился в Берлине, где и изучил японский язык теоретически. Теперь же он — с прошлой осени студент университета в Токио, владеющий японским языком настолько, что на нем уже сдавал экзамены и писал сочинения. Путешествуя с чисто образовательной целью, он со своим спутником-французом едет по III классу. А это на японских железных дорогах и пароходах равняется подвигу.

Льются без конца разговоры наши с земляком. Но всему приятному бывает конец. Да и чай формозский уже выпит. Стеннело... После дневной жары так начала пронизывать вечерняя прохлада! Волей-неволей пришлось поспешить в свою каюту, где сон не заставил себя долго ждать!

* * *

2-е августа. С утра небо облачное. Дует прохладный ветер. Холодно на палубе... Но не особенно тепло и на душе!.. Ведь

по этому проливу, быть может, по этому самому месту избитый, израненный, без запаса топлива уходил от неприятеля наш герой «Новик»... Не судил ему Бог добраться до материка, но все же он достиг родного еще тогда берега... Погиб, герой! Слава и честь ему и его героям...

И все же... наша гордость, если за грехи наши Бог ему не судил возвратиться в Россию, почему не покоится безмятежным сном в пучине морской? И вот: открытки с поднимаемым и поднятым «Новиком» и сейчас продаются в Оотомари (рис. 1, 2); а из железа его изогнутый «ялик» и доселе висит для «позора» (для обозрения) в парке г.Отару, где действительно подвергается позору (в ялик забираются дети для пьянства и... т. д.)... Почему «Новик» стал теперь уже «Судзуйя» и незабвенный защитник русского Порт-Артура ныне послан охранять японский «Редзюнка» (П. Артур)?! И неужели не воскреснет в русском флоте другой могучий богатырь «Новик» в память потомству о герое?..

Обо всем этом горько сокрушалось сердце!.. Ждет оно лучшего будущего... Но кто уразумет пути Господни?..

* * *

Налево невысокой полосой тянется берег Сахалина, японского Карафуто. Как забилось бы сердце прежде при виде этого клочка родины, родной земли? Но теперь в душе лишь горькое сознание: было наше, да теперь не наше?.. Краска стыда на лице, боль в сердце!

Около 10 ч. утра «Камикава-мару» бросил якорь по крайней мере в версте от берега: мы прибыли в г. Оотомари (быв. Корсаковский пост).

Уже поджидали нас здесь баржи и пароходик. Опять разделили пассажиров на «чистых» и «нечистых». Я с пассажирами I и II класса поехал пароходиком налево, в собственно Оотомари, а пассажиров III кл. повезли направо, в так называемый Сакан-мацц (часть Оотомари).

* * *

Не знаю, чем был Корсаковский пост при нашем русском владении южной частью Сахалина. Теперь же здесь вырос настоящий японский городок «Оотомари»! Новые дома, широкие улицы, масса магазинов, школа, казармы, буддийские кумирни. Говорят, в городе уже сейчас есть до 700 «домов» (т.е. квартир). Весь берег уставлен лодками рыбопромышленни-

ков. Погружают в пароходы лес, привозимый из тайги. От Оотомари начинается Дековильская железная дорога и тянется к северу до г. Тохара (быв. Владимировки).

Выйдя на берег, я достоверно знал только одно: в д. Третьей Пади есть русский Никита Иванов, к которому мне теперь и нужно было прежде всего добраться. Правда, можно туда поехать и поездом; но ведь он идет лишь через 2 часа, и этим поездом я уже намерен ехать дальше, до г. Тохара. Необходимо было взять экипаж и лошадь. Подскочил какой-то японец с услугами... «Нам нужен экипаж до Третьей Пади», — спрашиваю я. «Есть», — отвечает японец и забирает наш багаж... Идем... Порожные экипажи встречаются и проезжают мимо... Я не понимаю, почему же их не нанимают... Начинаю беспокоиться... Но о. Николай уверяет меня, что у сего японца и собраны все бася! Минут 15 шли. И что же оказалось? Японец притащил нас в свою гостиницу для отдыха!. А это — в лучшем случае чашка японского чаю, 20 коп. «часовых», да потерянный час времени; а в худшем — опоздание на поезд и ломка всего маршрута путешествия!.. Разумеется, экипажа при гостинице не оказалось!

Я возмущен был таким обманным обращением с пассажирами до глубины души; сконфужен был и о. Николай. А наш спутник взялся сейчас же достать экипаж и побежал обратно за теми экипажами, которые уже встречались. С кучером мы сторговались сами; а спутнику-японцу пришлось уплатить 50 копеек за «далекий» путь и хлопоты...

Не отметил бы сей бесцеремонности приказчиков гостиницы, если бы она была случайною. Но вот, в конце июля минувшего года я прибыл поездом в порт Удзина. «Есть пароход до Такахама? Когда уходит?» — «Есть, сейчас уходит»... Берутся приказчиком наши вещи... Мы спешим за ними... И вдруг наши вещи вносятся в гостиницу, и нам приказчик «с сожалением» заявляет, что пароход пойдет лишь в 6 ч. в., и нам «здесь» — удобно подождать остающиеся 4 часа...

Разумеется, раз нет парохода, — обождать где-нибудь нужно. Но так пассажиру и нужно сказать: «нет парохода, у меня обождите»... А тут обман и обман!..

Это неприятное явление очень нужно помнить всем путешественникам по Японии. Иначе их притащат в гостиницу, и

они будут кушать «гохоп» (рис), пить японский чай со сладостями... Счет будет расти и расти!.. А в то же самое время и пароходы могут уйти, и экипажи разъехаться!

* * *

Уселись мы на телегу. Телега рессорная, сиденье удобное, лошадка прекрасная. Мы поехали в д. Третья Падь.

Грунтовая дорога от Оотомари до Тохара тянется почти всюду вдоль железной дороги. Лишь до Третьей Пади она идет через тайгу и горы, с большими подъемами и с большими же спусками. По сторонам дороги еловые леса, много пихты, много берез, есть даже и рябины! Словом, даже деревья-то напоминают Россию, а не Японию!.. Около лошади масса слепней, «крючков», мух... Ну, чем не русская деревня!

Уж побольше полдороги проехали мы, а и всего-то не больше 6-8 верст! Встречается нами двуколая русская телега, с русской дугой, со старичком-русским в кучерах. На телеге сидят еще кавказец и кореец.

— Здравствуйте, батюшка, — здоровается старичок, снимая шапку... Лицо его расплывается в широкую улыбку.

— Здравствуйте, дедушка! Не ты ли — Никита Иваныч?

— Так точно, батюшка! Я самый и есть! Да откуда вы меня знаете?

— Семен Савельич мне про тебя в Японии сказал, — говорю я.

При имени Семена Савельича даже кореец оживился и пробормотал: «Семен Савельич»: так хорошо здесь помнят этого благочестивого старца, ныне разносящего по Токио хлеб!

Поговорили мы с Никитой Иванычем. Православным оказался и кавказец Чемия. Условились, что я в Третью Падь приеду на обратном пути из Тохара завтра утром; а они сегодня и завтра поговееут перед исповедью и св. причастием. Сегодня же лишь отдохнем в доме Никиты Иваныча, где сейчас осталась его «база».

Потряслись мы далее... Вот уже и д. Третья Пады! Обычные русские бревенчатые дома, при них дворы, хлева. Но во всех домах живут уже японцы. Лишь под окном одного дома

стоит русская женщина — это и будет дом Никиты Ивановича решили мы.

Домик довольно старый, покосившийся, внутри теснота, не особенно-то и чисто. Но образов, правда, дешевеньких, много. Есть портреты Российского Царствующего Дома.

В связи с домиком дворик для коровки, — ходят по нему телята, курицы. В конюшне стоит лошадка. Невдалеке русская курная баня... Словом, не особенно богатое, но полное хозяйство у старика!

Устинья Елисеева оказалась бабой говорливой. Много жаловалась на японцев, которые-де в войну перерезали у нее всех коров и куриц... Говорила и о притеснениях, чинимых им теперь: пашню-де отобрали под железную дорогу; а когда старик в обмен попросил себе земли, — ему-де предложили се в тайге. «Было время, — корчевали; теперь годы ушли, и не в мои 70 лет корчевать тайгу», — будто бы только и мог ответить Николай Иванович. «Один разор (разорение), батюшка», — жалуется Устинья...

Однако приближалось время прихода поезда, и мы пошли на «станцию».

* * *

«Станция»... Громкое название... Но напрасно вы думали бы, что здания ее в самом деле похожи на станцию!.. Вот какой-то сарайчик, скорее — будка: здесь склад предполагаемых товаров. Сейчас — двери открыты, пустой... В маленьком станционном здании даже и пола-то настоящего нет! И обитателей нет. Грязь невозможная: даже вещей негде поставить! — Прибежал откуда-то японец, и от него мы узнали, что поезд идет в свое время, и что билеты продаются в поезде... Расположились ждать.

Подбежали ребятишки, довольно грязные, руки в бородавках: они приехали сюда с родителями с о-ва Сикотан (из группы Курильских). Младший из них — видимо посмелся — после некоторой нерешительности: «этта — рука»? — Рука, отвечаю... «Этта — море»? — Море... И т. д. с неизменным в начале «этта» (это). Но запас слов известных — видимо — истощился... Тогда мальчики, указывая предмет и говоря: «этта»? — спрашивали его название... Этот неожиданный урок

русского языка продолжался у нас до самого прихода поезда. Оказалось, что в начальной японской школе на Сахалине японцев уже обучают русскому языку. — А обучают ли русских мальчиков на русском Сахалине японскому языку?.. Или... «на что нам японский язык»? Или — «обойдемся и без него»?.. А тогда нечего и удивляться, что о нас все знают, а мы о других ничего не знаем!..

* * *

Подошел поезд... (рис. 3). В составе его — вагончики II и III класса и товарные платформы. Мы буквально «влезли» в вагончик и поехали к северу. В вагончик может поместиться не больше 12 человек без багажа; а с багажем (для которого единственное место — пол!) трудно сидеть и восьмерым! Локомотивчики — парные, платформы приспособлены для перевозки леса прежде всего. Билеты продают в вагонах, кроме конечных пунктов дороги, где продают их и на станциях. Всех станций — 8: Сакан-маи, Оотомари, Первая Падь, Третья Падь, Соловьевка, Мицулевка, Хомутовка, Тоехара.

Железная дорога проходит равниной. Направо и налево видны громадные леса, выжженная трава, отчасти засеянные полосы. Дома в деревнях исключительно русской постройки: новых японских домов не видно совсем... Вот на пожарной лестнице (хиноми) виден русский колокол: непременно или от часовни, или от русской церкви!.. Сейчас этот колокол извещает о пожарах... Что ж?... Все же лучше, чем звонить на молитву в тера (буддийской кумирне)!... На ст. Мицулевка тонкий голосок кричит: «пан-пан» (хлеб-хлеб). Оказывает-ся, — продает его полячек Миша...

Жарко. Местами пыльно. Даже в вагонах масса слепней! Высхав в 2 ч. 20 м., мы в 5 ч. дня были уже в Тоехара.

* * *

В ТОЕХАРА

Тоехара — административный центр японского «Карафуто», местопребывание японского губернатора. Во время русского владения здесь был русский поселок «Владимировка». Дома русской постройки сохранились еще и теперь. Покосившаяся на юго-восточный угол, с неснятым еще крестом, стоит и большая церковь. Всюду полуразвалившиеся заборы, забро-

шенные дворы.

К «Владимировке» с южной части примыкает правильно распланированный новый японский город Тохара. Широкие улицы; конечно, — всюду новые дома; красиво отстроенные присутственные места (управление островом, дом губернатора, почта); на всех углах улиц — колодцы, с тесовыми шатрами над ними; несколько в стороне — дымящиеся трубы завода; казармы местного гарнизона... Масса магазинов... Словом, настоящий город! Правда, пока есть лишь 300 домов; правда, не все улицы мощеные; конечно, — масса еще пустырей... Но, видимо, администрация верит в возможное развитие города, ибо распланированные улицы тянутся далеко к югу... (см. рис. 4).

Еще во время остановки на какой-то станции просунулось в окно вагона знакомое лицо... «Да ведь это услужливый человек из гостиницы в Оотомари!».. Сейчас справляется о моем благополучии. А от о. Николая узнаю, что отделение их гостиницы есть и в Тохара, и что «они уже сговорились» по 1 1/2 руб. в сутки за человека... Какова настойчивость! Не пожалел денег за проезд, лишь бы уловить меня в свою гостиницу!

По прибытии на вокзал он, конечно, опять завладел нашим багажом и провел нас в небольшую, спокойную гостиницу. Посетителей в ней не было. И нам в 2-х комнатах второго этажа удобно было не только отдыхать, но и молиться с христианами.

Впрочем, отдыхать положительно было некогда! Завтра в 4 ч. дня снимается с якоря наш пароход, и до этого времени мы с о. Николаем должны по возможности окончить здесь все свое дело. Поэтому, заказав к возвращению обед, мы и пошли прежде всего отыскивать христиан.

Нашли Иоанна и Зою Накао, — муж служит в конторе лесопильного завода; нашли Тита Миура — служит в аптеке; Кирилла Огасавара, — служит переводчиком русского языка в «Карафуточео», в управлении островом. Всех их вечером пригласили к себе в гостиницу для молитвы. А затем пошли искать русских.

Ипполит Федоровский, Иосиф Чибашвили, — вот русский и «почти русский», оставшиеся в Тохара! И еще есть «русские», но тоже — с прибавкой «почти», ибо они мусульмане и католики. Случайно здесь же был и Алексей Богданов из Муравьевс-

кого... «Эх! Баба дома осталась! Вот жалеть-то будет!» — «Так позови ее скорее!» «Батюшка! Да до Муравьевского от Корсакова верст 60 будет! Пароходы не ходят, берегом дороги нет. Разве лодкой попадешь!» — Пришлось и мне весьма пожалеть, что 60 верст, и обратно, без дороги, я в этот раз никак не могу сделать: приехал так сказать «для разведок» лишь — и времени в распоряжении мало!

Все русские с великой радостью встретили меня и с «восторгом» приняли приглашение сегодня вместе помолиться, исповедоваться и приготовиться к принятию св. таин.

Зашли к большой церкви... (рис. 5). Совершалась прежде в ней служба Божья... А потом, говорят, в ней поместилось то, что и называть-то омерзительно... На смену сей мерзости, в церковь поместили частного жильца... Подхожу к бывшей церкви, из нее женщина-японка выносит ушат с помоями... Больно-больно сжалось русское сердце... Неужели, в самом деле, нельзя было сохранить церковь, хотя бы и запечатанной, но все же церковью? Неужели нельзя было не допустить, чтобы место святых вздохов молитвенно-настроенной души не было обращено, хотя бы и временно, вместо пьяного, мерзкого разгула?...

Пред церковью налево какой-то досчатый шатер-сарайчик... Говорят, здесь свалено церковное имущество... Если «свалено», то — разумеется — теперь немного от него осталось!.. Но... наверху бывшей церкви и доселе еще стоит крест... Не уверяет ли он душу твою, что наступит время, когда изгонится из-под него мерзость запустения, и снова под сводами дома Божия немного оставшиеся русские вознесут хвалы и прошения Господу?.. Ей, буди-буди, Господи!

* * *

Вечером собрались в нашем помещении, в гостинице, и японские христиане, и русские — православные. Я с русскими в одной комнате, о. Николай с японцами — в другой. С чего начну?.. Слезы на глазах русских, шесть лет не выдавших священника, подсказывали мне, что прежде всего нужно утешить наболевшую русскую душу... И я начал «Канон молебный к Пресвятой Богородице». Пришлось самому и петь и читать... И горячо молилась душа за тех, вздохи коих как бы рассекали воздушные пространства, достигая святого подно-

жия престола Божьего!..

Окончив молебен, я прочитал молитвы пред исповедью, а потом принял и исповедь сих трех русских, из коих были двое... по 18 лет не бывшие на исповеди!.. А потом — молитвы приготовительные после исповеди, — каноны и акафисты и молитвы ко св. причащению... Как мирно, как свято прошло время до полуночи!.. Общей молитвой русских и японских христиан, общим моим наставлением, правда, японцам — по-японски, и закончил я свой день, в который мое русское сердце приняло много скорбей; но мое пастырское сердце получило не малые утешения!

* * *

Не могу не отметить двух впечатлений дня. Проходим мы по улице, мимо казарм местного гарнизона. В какой-то лавчонке, полулежа, расположился солдатик... И только что мы миновали его, как вдогонку раздается: роске, роске!.. (так японцы презрительно обзывают русских, на подобие русского «япощка», коверкая по-своему непонятное им слово «русский»). Мы с о. Николаем продолжали путь, не обращая внимания на безобразника... Тогда крики: «роске, роске, роске» — раздавались все сильнее и сильнее... Разумеется, и собака — полагает, полагает и перестанет... Перестал и сей безобразник... Но ведь это был не уличный мальчишка, а представитель армии, столь прославленной своей дисциплиной!.. Вскоре нас обогнал другой солдат, и зайдя в «сакая» (винная лавка) покупал «саке» (рисовая водка). Итак, — на окраине можно и в «сакая» заходить, можно и безобразничать?.. Четырнадцать месяцев не слыша в Японии ни от кого слова бранного, — услышать брань, да еще от солдата — тяжело!..

А вот и другое впечатление... Захожу в аптеку к христианину Миура... Сюда же входит вскоре и С. Г. Ел-в... — «Да вы каким образом узнали, где я?» — «А я спросил городского, который мне и сказал, что сейчас вы ходили туда-то, а теперь находитесь здесь»... — Карточки визитной в Тохара я еще никому не давал... А кто приехал, — городской уже знает!.. Восхищаюсь его «все-видением» и особых комментариев не делаю, они понятны без слов.

В ТРЕТЬЕЙ ПАДИ

3-е августа. Сегодня утром, рано встав, и за обедницей приобщив Св. Таин. земляков, я в 7 час. утра сел в поезд, направляясь в Третью Падь. Проезжаем мимо деревни Елани: мелькает еще русская вывеска, с русским гербом... За ст. Хомутовкой — заросшее высокой травой русское кладбище, с крестами, стоящими прямо, покривившимися, повалившимся... Вдоль линии железной дороги проходит дорога грунтовая... Едет верхом кавказец... Увидя меня в окно, снимает шапку... На телеге развалились татарин и русский... Опять издали снимают шапку... Да! Как все же русское сердце сживается с батюшкой!.. И побранит оно пола, и песенку про него сплет, и в присловья его вставит... А встретится с попом, — и благословение берет, и руку целует, и — слезы на глазах!.. Эх, неизведанная еще ты, но добрая-предобрая душа русская!..

Но вот мы и в Третьей Пади! Когда батюшку поджидают, чего можно ожидать в русской избе? Конечно, все прибрано и подметено. В переднем углу стол, покрытый скатертью, с блюдом воды для водосвятия... Зажжены лампадки... Лежат свечи... А Устинья? Да разумеется, засучив рукава, печет пироги и сажает булки в печь... Но чувствовалось, что рановато мы приехали...

И, вероятно, Устинья сильно обрадовалась, когда я, давая ей время управиться с печкой, предложил той порой съездить на кладбище, где не отпегими погребены «Петра», а раньше его — Иван и Трофим... Быстро запрягли в русскую двукольную телегу лошадку... Положили куль сена. И какой приятной показалась русская трясушка-телега, после рессорных японских «бася»... По косогору, постоянно переваливаясь слева направо, справа налево, ползла наша телега, и, наконец, она остановилась перед молодыком лиственницы и березки... «Приехали», — говорит Никита Иванович... Но... где же кладбище?..

Перед нами стоит один крест с русской и японской надписями: «здесь, батюшка, Петра будет»... Но других могил не видно! Иван и Трофим где-ниб. здесь», — утешает себя Никита, разыскивая могилки среди молодняка... Но поиски не увенчались успехом!.. «Батюшка! Да много их здесь нахоро-

нено! Помяни их всех!»... И вот я, среди леса, при жужжании слепней, изьедаемый комарами, пел надгробные песни над костями тех, кои нашли себе покой за старые грехи свои вдали от родины... Призри, Господи, на их тяжкие работы, на их душевные муки! Упокой души их вместе с праведными! Всечный покой дай им!..

С обнаженными головами стояли у могилы сотоварища по горю Никита и кавказец... «Спасибо, дорогой батюшка», — как ласково прозвучала их душа, отдохнувшая в молитве по сотоварищам!..

Недалеко от могилки Петра — разбросанные головни дров... «А это — что?» — «А это они — значит — жгут своих покойников, батюшка»... — «Так, прямо на костре и жгут?» — «Так, батюшка, на костре и жгут!.. А смороду-то! И на версту близко не подойти!»...

Как грубо жгут они своих покойников здесь, на Сахалине! И как благоустроены их «касооба» (крематории) в таких, например, городах, как Отару, Кобе!.. (Называю только эти крематории, ибо только их я осматривал).

* * *

Возвращаемся... Впереди скачет на своей лошади кавказец, и из-под густых, нависших бровей весьма-таки свирепо поглядывает по сторонам... Молодецкая посадка на лошади, ловкая езда, но... взгляд!.. Впрочем, был бы, вероятно, лихим казаком-горцем, если бы не попал сюда.

О. Николай по-русски ничего не понимает, и это обстоятельство совершенно развязало язык Никиты... «Эх, батюшка! И побранились же мы после войны! Ведь... кому нас отдали? Хоть бы людям отдали, а то — сущим дикарям!»... — Я пробую возражать, но мой Никита непреклонен: «Ты сам, батюшка, рассуди: никакого образованного понятия не имеют! Мы, к примеру, ежели рыбу ловим, — одно берем, другое отбрасываем. Они — нет: начисто берут! Все — значит — скушают!.. Да что ты говоришь, батюшка! Это, — у меня собака пропала... Где бы ей, родимой, деваться?.. Они сожрали!.. Все, батюшка, кушают! Простите за выражение: и крысы кушают, и змею кушают... Сущие дикари.»... Разошлась душа Никиты, вспоминая «всеядение» японцев... — Что мне было говорить?

Опровергать его слова? Но мне самому, на Кюу-сюу, один японец, показывал шкурку-чучело змеи... «А мясо жена съела», — заявил он в простоте... «Как, съела?» — изумился я... «Да была больна и съела, как лекарство.»...

«А пахнут ли они землю? Сеют ли что-нибудь?» — «Как ни сеют, батюшка! Сеют! Редьку свою сеют», — и Никита засмеялся довольно злым смехом... «Только им до нас далеко! Вот, скажем — мы: ярицу сеяли и сеем, и хорошо родится. А они — редьку! А и здесь: у нашей бабы уже огурцы, а у них — одна мякина... Вот на море так они молодцы!»... Однако, я разочаровал, кажется, несколько Никиту, сообщив ему, что в Японии и на полях они молодцы, и делают чудеса... — За разговорами незаметно мы возвратились и в деревню...

Пироги и булки уже спеклись... Устинья поэтому встретила нас торжествующим взглядом. Я начал молитву... отслужил молебен Спасителю, Божьей Матери, Св. Николаю и всем Святым... Совершили чин водоосвящения... Исповедал Никиту, Устинью и кавказца Чемию и, возможно, полнее, приготовив их ко св. причащению (а они — со вчера постились) — приобщил...

В тесной, жаркой комнате часа три продолжались молитвы... Утомился я... Подали опять чай из розовых цветов: прекрасный чай! Подали огурцы свежие (— из Японии), разные русские пироги... И закусив немного, мы опять взгромоздились на куль сена, и провожаемые благодарностью Устиньи, под конвоем кавказца Чемия, переехали версты за 2, во Вторую Падь; здесь дом Иакова Маркизовича Чемия, при нем Стефанида Мартынова с девочкой Марией. Здесь же оказались Николай Зеленов и цыган Николай Копаненко.

Конечно, и здесь опять — молебны, исповедь, молитвы, св. приобщение... Стефанида, не вставая с колен, все время плакала, рыдала... Пусть они были и есть — грешники!.. Но Христос для грешников, для их спасения и пришел с небес! И Он видит сердце людское, Его горячо любящее; и облобызает это сердце... И Он прострет к сим страдальцам Свои Пречистые, изъявленные, наболевшие руки и привлечет их, за веру и любовь их, к Себе в обители, убелив багряное, как снег... Господи, спаси сих малых!..

Время летело, а не шло среди молитвы... И когда я окончил все, было уже так поздно, что нужно было поспешать: иначе уйдет наш пароход. К Никитиной лошади припряг Чемня свою... С Никитой мы простились... На телегу уселся Чемня, на облучок — цыган... «когда я у генерала (— японца) служил в кучерах, как пушу — бывало — пару вовсю, так и кричит! А на тройку и не усадить было!.. А на свою тележку усядется, ноги подберет, на спинку откинется и... доволен», — разглагольствует цыган... А сам, действительно, пускает пару «вовсю». Подпрыгивает моя телега, подпрыгиваем мы с о. Николаем на куле сена, невольно ухватившись за веревки... А пара несется! И лишь боязнь опоздать на пароход, да нежелание уподобиться в глазах цыгана японскому генералу удерживали меня от того, чтобы попросить: «Потише! Поосторожней!» ...И мы не опоздали: приехали вовремя... «До Владимировки летом два часа еду», — торжествующе заявил цыган.

Мы сели на пароход «Камикава-мару», который вскоре и снялся с якоря... Усталость необыкновенная... Жажда страшная... Напившись чаю, я улегся на «часок-другой» отдохнуть. Но каково же было мое удивление, когда вдруг слышу пароходный свисток и вижу свет в каюте: оказывается, я проспал всю ночь, не просыпаясь; было уже 5 ч. у., и мы подъезжали к г. Маука, на западном берегу японского Карафуту...

В г. МАУКА

4-е августа. Погода стоит прекрасная. Пароход наш близко к берегу не подошел: бухты настоящей нет; а в небольшой заливчик небезопасно входить и маленьким пароходикам. Часов в 6 утра мы уже были на берегу и направлялись вслед за «банто» (приказчиком) в гостиницу. Итак, мы уже в Маука!

Маука — совершенно новый, японский город. У нас, русских, здесь был небольшой рыбачий поселок, кажется — рыбные промыслы г. Семенова. А теперь здесь город из 800 домов; поэтому он растянулся далеко по берегу. Главное занятие населения — рыбный промысел. До г. Маука установлены правильные рейсы пароходов «Ниппон Юусень Кайся» (японское общество почтовых пароходов) и «Оосака Сеосен Кайся» (Оосакское общество коммерческих пароходов). Ходят па-

роходы и большие, до 1500 тонн; но придерживаясь больше берега, ползают и маленькие, в 100-300 тонн, частных лиц.

Есть и пассажиры. Но прежде всего удивляет количество грузов! И они-то, эти неисчерпаемые нами, русскими, богатства, дают возможность видеть, хотя бы в Маука, ежедневно, до 5 пароходов! Везут рыбу, везут «комбу» (морскую капусту), везут «касу» (рыбное удобрение), «Абура» (неочищенный рыбий жир) и даже лосось!

Мы поместились в гостинице. Узнав адрес японцев-христиан, уже успевших переселиться и сюда, направились к ним. Семья Хебииси (Иоанн, Оотиния, Петр) с радостью встретила нас. В семье Ямамото (Иосиф, Марина, Дарья) дедушка-плотник отсутствовал: ушел на заработки в Томариоро. От Хебииси узнали, что в Маука есть и еще христиане: Такеуци Петр, к сожалению, бывший в отлучке, и переселившаяся с Курильских островов семья рыбака Такеда Ефрема... — В домах Хебииси и Ямамото мы совершили краткие молебны, вечером назначив исповедь и крещение младенца. А к Такеда Ефрему решили идти. Живет он верстах в 6 от г. Маука, в д. Томаманай, на берегу моря, от Маука к югу.

Дороги настоящей до д.Томаманай нет, как нет и настоящей деревни! Мы все время шли морским берегом, переходя от одного рыбацкого жилища к другому. Направо — лазурь моря, гладкого «что масло» (по-японски, вместо «что стекло», «что зеркало» у нас). Дымит только что отправившийся в обратный путь наш пароход «Камикава-мару». Кое-где видны рыбацьи лодки: достают японцы морскую капусту. На берегу — ямы с котлами и подобиями печек под ними: здесь вываривают рыбий жир. Теперь его не варили. Но запах оставался еще сильный и очень тяжелый! Кое-где, на берегу, по камешкам разложена и сушится морская капуста — «комбу»... (см. рис. 7). Налево невысокие береговые горы острова, покрытые выжженным погибающим лесом... Изредка пробивается ручеек, мы его переходим по перекладинам. Вот идет густо обросший волосами айну: совсем русский мужичок, с хорошей бородой, но непричесанной головой... Взгляд суровый... За ним — женщина айну с курчавыми черными волосами, но японского типа, и едва ли настоящая айну... (см. рис. 8).

По пути зашли мы прежде всего на русское кладбище... На берегу, на вершине пригорка залегли земляки!.. Вот моги-

ла с большим синим крестом, обнесена оградкой... Вот еще крест... В надписи кто-то прощается с милой Лизой... Могилки без крестов... А вот опрокинутый, и не временем, а людьми, прекрасно сохранившийся гранитный памятник... Около кладбища никакой ограды нет. Я совершил литию по всем, здесь погребенным землякам...

Однако, добрались мы и до дома Ефрема Такеда!.. Его дочь еще издали увидела нас и, прибежав навстречу, довела до дома отца... Впрочем, дома, собственно говоря, нет: устроен наскоро большой шатер, по бокам обколоченный тесом, а наверху покрытый тростником. Конечно, нет никакого потолка; вместо него — нары из жердочек. Но пол какой-то есть; а когда его прикрыли соломенными циновками, — он выглядел весьма прилично... В углу, под закопченными жердочками, под закопчелым тростником крыши висит св. икона. А когда пред нею, во время молитвы, загорелись свечи, — каким миром повеяло в этом, почти нищем, жилье! Я не без труда, конечно, согнувшись, стоял под жердочками, стараясь не зацепить головой всюду развешанных над дымом курящегося костра лососей.

Совершив обычный краткий молебен, я семье Такеда сделал наставление, как должно жить, будучи христианином. О. Николай приступил к исповеди его и всей его семьи, а я той порой пошел на близлежащее кладбище. Оно небольшое, семейное (г. Семенова), обнесено забором; хорошо сохраняются кресты и памятники. Совершил я и здесь литию.

Рядом с этим кладбищем — кладбище айну. Над могилой, где у нас ставят крест, они вкапывают простой обрубок дерева, но непременно с обрезком торчащего кверху сука. И этот сук, и самый обрубок дерева выше этого сука украшены, правда, не особенно изящной резьбой (см. рис. 9). Вблизи этого кладбища началось уже и японское кладбище.

К концу исповеди возвратившись в жилье Такеда, я вместе с ним молился во время св. причастия. И после разных бесед с ним все мы поспешили обратно в Маука: начинало уже вечереть. Вечером была совершена исповедь христиан г. Маука и крещение младенца...

5-е августа, Около 10 час. утра мы сели на пароход «Дайре-мару» (1335 тонн), принадлежащий обществу «Оосака Сесен Кайся» (см. рис. 10). Это — прекрасный пароход, с 24

местами в каютах II класса, с обширной столовой, с электрическим освещением, в дополнение — и с недурным столом. Он, несомненно, дает путешественнику все удобства, какие только можно желать в море; да и цены за проезд куда дешевле цен «Ниппон Юусен Кайся!» Пароход-ледокол поддерживает постоянное сообщение с Карафуто даже в глухую зиму. Он обслуживает ныне две линии: западную — Отару, Оотомари, Маука, Наяси и обратно; и восточную — Отару, Оотомари, восточный берег и обратно. Рейсы совершаются попеременно. Если прибавить сюда еще два парохода «Ниппон Юусен-Кайся» до Маука и обратно, да рейсы пароходов других обществ и предпринимателей до Наяси и обратно, — можно себе представить то лихорадочное оживление, какое наблюдается около южного Сахалина в сезон рыбной ловли!

Погода опять роскошная. Идем вдоль берега, но на почтенном расстоянии. По берегу нет, кажется, версты, где бы не было или рыбацких домов, или промыслов, или целых селений. В наиболее оживленных пунктах имеют остановки даже большие пароходы. Так, от Маука до Наяси мы заходили и грузились или разгружались (— рис, рогожи, веревки, японские «татами», «сеодзи» и т. п.) в Нодасон, Одеккоро, Томариоро, Кусуннай, Мосбисинной и Наяси. А грузили всегда одно и то же: «касу» (удобрение из остатков вываренной рыбы), «комбу» (морская капуста) и лес.

В Томариоро выходил я на берег. Это пока не очень большое селение. Однако, его будущее несомненно, в 8 верстах отсюда найден каменный уголь и уже прокладывают к нему «дековильку». В ожидании «жизни» строят всюду новые дома.

В числе плотников оказался и Иосиф Ямамото из Маука. Ради него мы выходили на берег. А потом, пригласив его в гостиницу, за него и с ним помолились, его довольно питали наставлениями. А в заключении все вместе пообедали... Уже под вечер мы возвратились на пароход, доставив старичку Иосифу своим посещением большое утешение.

* * *

6-е августа. Продолжаем ехать, направляясь прямо на север. Опять прекрасная погода... Пассажиров II класса немного и — конечно — все мы перезнакомились. Говорили о мно-

гом. Но не все разговоры приятно вспоминать. Так, однажды краска стыда за Русь Святую покрыла мне лицо... Я слышал, что в д. Кусуннай есть «русские», но православные ли они, — неизвестно... Пароход будет стоять в Кусуннае мало. Выйти на берег «на авось», — можешь остаться и без парохода (ибо селение далеко от берега) и без русских (если они или католики, или мусульмане). Как быть?.. А с нами как раз ехал какой-то чиновник-японец из д.Кусунная... Я его и попросил передать русским, что я такого-то числа буду проезжать обратно, почему — если среди них есть православные — они выехали бы к пароходу: тогда можно было бы высадиться на берег. А чтобы он не «спутал», я то же самое написал на визитной карточке... Но как же стыдно мне стало, когда сей самый японец-чиновник заявил, что ни один из семи русских, проживающих в Кусуннае, моей карточки прочитать не может, ибо все они неграмотны... Для выразительности японец закрыл глаза ладонями и сравнил русских в Кусуннае со слепыми...

Японцы, сами почти все без исключения грамотные и хорошо грамотные, с удивлением видят неграмотность русских... Что чувствует русское сердце при виде этих, столь оскорбительных жестов?! Горько, больно, досадно... И все же мало сказано для того, чтобы назвать своим именем твоё чувство...

Эх, взойди скорее над Русью солнце просвещения! Скорее, шире, глубже озари ты своим светом Родину милую. И тогда... тогда: православно и твердо верующая, царю своему великому беззаветно преданная, и вместе с ним — хорошо просвещенная Русь — каким она могучим великаном, каким паразитическим колоссом станет среди народов света! Скорее, скорее! Приди это золотое время!

* * *

Как проходил у нас день на пароходе?.. — Часов в 6 утра все вставали (в Японии всегда и все встают в 5-6 часов утра). Пассажирам бой подает японский чай. Но «бою» уже вручено 50 коп. «на чай», и он с удовольствием во всякое время нам подает кипяток и чайные приборы. А чай я всегда имею свой. После ночлега в довольно жаркой каюте чай пьется с особенным аплетитом.

В 8 час. утра подают асамеси — утренний завтрак. Как и в частных домах, к «асамеси» рыба не полагается; а о мясе и

говорить, конечно, нечего: его японцы почти в обычном быту не употребляют. Утром подавали, например, следующее: нечто вроде русских кислых щей — «мисосиро» (но... всего 5-6) глотков, на дне маленькой чашечки); нечто вроде супа — «сумоно» (напр., с тофу, истертым горохом, приготовленным в виде густого киселя); нечто вроде яичницы (а иногда и она). И, конечно, на крошечных блюдечках (меньше, чем наши для варенья) разное «о-коко»: тут и два пласточка соленой редьки (такван), тут и два ломтика наarachуке (в гуще от водки sake выдержанная дыня; маленькие, безсемянные еще арбузики, огурцы и даже редька); тут и насу в соли и горчице (баклажаны), и просоленные, засыпанные сахаром, сливы (мме)... Счетом — иногда очень много, но содержанием всегда мало...

Но ведь все это, в сущности, дополнение! А фундамент — три чашки теплого, только что сваренного риса... Однако, и с ним даже тяжело на желудке не станет!

После «асамеси», что делать до 12 час. дня? Газеты и журналы — одни и те же со дня отбытия парохода из Отару... Музыки нет. И вот, многие пассажиры, не теряя дорого времени, опять забирались в каюты, опять сладко засыпали! Другие поднимались на палубу и немного посмотрев в бинокль на окрестности, где-нибудь на плетеном кресле или на плетеной кушетке тоже начинали сладко дремать... К моему счастью, в моем чемодане оказались книжки, и они-то спасли меня от безделья и его верной подруги — скуки.

Ровно в 12 часов дня приглашает бой к «хиромеси», к дневному завтраку. Это опять еще не обед, а лишь завтрак; но он полнее утреннего, и за ним подается рыба. Вот, напр., точное меню одного из таких завтраков: суп из травы, кажется — шнитки; рыба «бури» под соусом; рыба «сяке» (или «сакэ» — кета) под уксусом, с луком... Конечно, как и утром, разный десерт в виде «о-коко»... А фундамент и этого завтрака — три чашки теплого риса!

После 12 часов все правоверные японцы, разумеется, ложились опять спать, вероятно для того, чтобы лучше варил желудок... А я опять поднимался на свою позицию, где у меня было уже и «мое кресло»... И опять: читал и учил; учил и читал... А иногда и пел... Так, пел я, и очень много, и сегодня... Ведь сегодня — Спасов день... Сегодня — двенадесятый праздник... А я без служб, среди моря... Где-то далеко-далеко по-

ют крестьянские голоса: Преобразился еси на горе, Христе Боже... Вот, как бы я слышу: старческий голос стройно запеваёт: «На горе преобразился еси, и яко же вмещаху, ученицы Твоя, Христе Боже, видеша»... То — на моей родине справляется сегодня храмовый праздник... А я здесь, в море, вторю этому лению... Долго я пел!.. Кажется, всю всюнощную спел... И этим хотя отчасти выполнил лишение службы в этот день ...

* * *

Часа в 3 выползает из своего помещения о. Николай. «О-ча доо-дес ка?» — «На счет чаю как?» — спрашивает о. Николай... Опять раздаётся: «бой-сан! О-юу хитоцу» — «г. бой, кипятку!» Забегал бой, зазвенела посуда... Выползают из своих кают (а столовая — среди них) полусонные пассажиры... Уже знакомым стало: «о-ча хитоцу икага дес ка?» — «Аригато го-замас» (чаю чашку не угодно ли? — Благодарю вас): это мы с о. Николаем «утешаемся» чайком... А около нас угощаются пассажиры.

В 5 час. вечера опять приглашает бой в столовую: подан «Бонмеси», вечерний завтрак, по составу своему скорее всего подходящий под наше понятие «обед». Дают перемен больше; почти все — рыбные; иногда подают если и не мясо, то во всяком случае что-то вроде него, чаще всего обрезки кожи какой-то птицы... Вот образец «бонмеси»: кислое «мисосиро», суп с рыбой «сося», рыба «бури» под соусом, рыба жареная (или чаще — печеная). Неизменное «о-коко». Рыбу подают «по сезону»: то вас закармливают всяческой рыбой «сяке» (кета); то царицей стола является «каре» (камбала); то вас всюду преследуют «иваси» (сардинки) и т. д.; верный определитель, какая рыба сейчас ловится...

И вообще — рыба здесь вовсе не монашеское, и не постное блюдо. А также, и даже более в употреблении, как в России яйца, масло, молоко, мясо. Рыбу варят, рыбу пекут, посыпав солью и положив на особые проволочные решетки; или — просто лишь продев на деревянные иглы — палочки; рыбу жарят, — подражание «западу»; рыбу маринуют; наконец, нарезав пласточками, рыбу подают сырую (так, наз., «сасими», но, непременно, с соей, тертым хреном или тертой редькой... «Сасими», безусловно, вкусная пища; лучшая «сасими» — из рыб «кацуо», «магуро» и «тай»...

«Оцури» — повторение блюда — разрешается лишь для

«мисосиро», ...Разумеется, самое меньшее — по три чашки едят риса... При этом в последнюю чашку просят влить или чаю или кипятку (и это блюдо называется или «чадзуке», или «юдзуке» и уверяют, что... вкусно...

Впрочем, если в виде блюда подано «тороро» (тертая горная картофель, дающая тягучую, слизкую массу), то рису едят и по 5, и по 6 и даже по 10 чашек! Налив сверху немного «тороро», чашечку риса опускают в горло буквально в 2-3 секунды: рис делается скользким и... сам спешит в горло...

В «заключение» обеда в чашку, из которой вы ели рис, наливают «юу» (кипятку); японец пополощет в этом «юу» свои «хаси» (палочки для еды), ополоснет этим «юу» края чашечки... Словом: вымоет посуду и... сию водицу выпивает «непреремненно»!.. А затем — в руки «зубочистка», кои непременно подаются к обеду и, начинается поголовное «ковыряние» в зубах, удаление остатков обеда изо рта...

Все, что подано на подносе, для еды подано... Однако, европейцу придется быть очень осторожным, ибо подают не только воробьев, или мясо кита и акулы... Вот «подано на тарелочке несколько мелких рыбок и рачков: все залито какой-то черной, сладковатой массой... Однако, среди рыбок и рачков вижу и не рыбу, и не рака, а всего лишь небольшого водяного таракана, слепками, роговыми крыльями... «О. Николай, что это такое?» ...Даже о. Николай, прищурившись, покачал головой: «муси?» (т.е. насекомое?), — спрашивает он у боя. «Нет, рак»... И о. Николай успокоился, и лишь отплюнутые крылышки сказали ему, что за рака он съел...

Впрочем, «муси» (насекомые) сами по себе не претят вкусу японца... «Какая интересная муха», — говорю я, увидев муху с длинными крыльями и тонким, длинным брюшком... «Эта муха — очень вкусная», отвечают... Ушам не верил... «Едят ее?» — «Едят...». «Эх, прав Никита Третьей Пади», только и мог я сказать!..

* * *

Но вот и солнышко уже зашло!.. Минут 15, не более, и становится уже темно. Зажигают электричество; но лишь до 10 часов вечера. А потом — лампы с довольно вонючим керосином... Часов 9 вечера: появляется о. Николай. Бегаёт бой. Выползают пассажиры... Наливается чай. Как все изо дня в день — одно и то же! О. Николай пьет чай уже который раз! Тем

не менее, взяв его на язык, или прыгубив, уже в 20-й раз чавкает губами, то ли — определяя все еще вкус чая, то ли — желая продлить вкусовое удовольствие...

Начинаются между ним и пассажирами разговоры... Говорит что-нибудь пассажир... О. Николай, прищурился (вероятно, чтобы не так было видно небольшое бельмо на одном глазе), постукивая грубкой о коробку с пеплом и углями, поддакивает пассажиру своим «наруходо»... «Наруходо»... «наруходо»... «наруходо»... только и слышишь в комнате...

Но вот заговорил и мой о. Николай... Говорит всегда о буддизме и синтоизме... Говорит как-то отрывисто, отдельными фразами; скажет и задумается: как бы после думает: «а что я сказал»... Теперь уже пассажиры курят табак и отвечают ему своим: «соо-дес не!». И этом «соо-дес не», с не, всегда произносимым в верхних нотах, в тон вопросительного согласия, и это безучастно-загадочное «наруходо» продолжалось каждый вечер часа по два...

Что они? Друг другу верят, или не верят, — старался я дать себе ответ, слушая разговоры, пересыпанные знаками согласия: «наруходо» и «соо-дес не!».. И ответа сего я себе не дал...

Не досиживал я до конца этих «наруходо» и «соо-дес не»... Часов в 10 вечера уходил я в свою каюту и укладывался спать... Все глуше и глуше доносятся до меня сии «сфинксы»... Вот я почти заснул... И лишь время от времени долетающий до меня взрыв японского тонкого трескучего смеха будит меня... Но вот, очнувшись, я вижу около себя лишь мрак... Слышу слабый стук поворачиваемого руля, да и глухие удары об воду лопастей винта... Но и тишина в столовой и каютах, и мрак кругом, и это равномерное постукивание винта, — все это лишь убаюкивает и... я снова засыпаю, теперь уже до утра, не беспокоемый надоевшими «наруходо» и «соо-дес не!».

В д. НАЯСИ

7-е августа. В 5 час. утра «Дайрей-мару» остановился против д. Наяси, крайней цели моего путешествия. На берегу видны японские строения рыбных промыслов. В глубине долины, на значительном расстоянии от берега, раскинулась русская деревня. Вот издали выделяется новенькое здание церкви... Невольно поднялась рука... Снимаю шляпу и молюсь на высо-

ко к небу поднимающийся крест... Но горько разочаровывает меня японец: теперь это уже не храм Божий, а всего лишь временное помещение «кейсацу» (полиции)... (рис. 11).

Лодочка доставляет нас на берег... Тихо море... Прозрачна зеркальная поверхность воды: виден на дне каждый камешек... Солнышко начинает пригревать, и обещает день жаркий. На берегу одним из первых, нас встречает городской, которому и вручил я свою визитную карточку. «Русские в Няяси есть; их здесь до 50 человек», — вот положительное, что я узнал от него. Он же любезно довел нас с о. Николаем до деревни и передал нас первому встретившемуся русскому. Растерялся земляк от неожиданной встречи: «батюшка, пойдем к старосте, уж он тебе все изъяснит»... Пошли к старосте.

Высокий, широкоплечий мужик Евстафий Емельянов Лысенко, несмотря на ранний час, уже был на ногах. Справила печку и его жена Анна. Вхожу я в дом, — обомлела она от неожиданности. Евстафий цинками будит своих детей, — а их шестеро... Ползут из-под полога белоголовые ребятки. Наскоро подметает избу Анна. А Лысенко расспрашивает, какими судьбами и откуда Господь привел меня к ним, в д. Няяси...

Как молния, разносится весть по деревне: «батюшка приехал»... А батюшка в последний раз был здесь еще перед войной... С тех пор, лет 6 никто из духовных в д. Няяси не приезжал.

Идут мужички, бегут бабы, толкуются дети... Бабы берут благословение и плачут... ручьем льются их слезы!.. «Да чего вы, тетушки, расплакались?» — «Батюшка, да что Христа тебя видим! И откуда тебя Господь прислал? Шесть лет, что гильяки, живем: священника не видали»... И опять слезы... «Нет, — неужто это не сон? И кто нас, ссыльных, мог вспомнить?»...

Слезы вначале так много было, что даже мужички не сдержались: «Ну, чего расплакались? Приехал батюшка, — слава Богу: все нам теперь, значит, справит», — утешает Кузьма Ефимыч... А сам говорит дрожащим голосом и рукавом слезы утирает.

Выталкивают детей, толпящихся позади... «Складывай руки!.. Ишь, дурень!.. Да ты, батюшка, уж прости: только что, кажется, креститься не забыли!».

* * *

Поуспокоились земляки. Мне и о. Николаю подали чай. «Батюшка! А это кто же с тобой будет?» — спрашивают... «Да это о. Николай, священник из японцев...» — «Японец, и — священник?.. И у них, стало быть, есть православные?». И как же поражены были земляки, когда узнали, что православных в Японии — до 31000, и что я среди них-то, и для них и служу!.. «Говорит батюшка, что священник, — бери благословение... Что ж, что японец», — наставляет староста... И о. Николай благословил всех, и все ему целовали руку.

Поразвеселились все... Разговорились... Друг другу рассказывают, как кто узнал о моем приезде, где узнал, от кого узнал... — «Батюшка приехал!»... — откуда? «Из Александровки что ли?» — «Нет, не из Александровки, а из Японии»... — «Русский?» — «Да говорит по-русски; стало быть, русский» — «Врешь! Бабыя брехня! Кто нас здесь вспомнит...».

Но все по «бабьей брехне» бежали, смотрели, плакали и радовались! Уже одни эти слезы; слезы искренней радости, показали мне, как я здесь был нужен. А что было дальше в течение дня?! Как русская душа постаралась от батюшки взять все, что только ей хотелось!.. И с какой радостью сердце мое вралось все это им отдать!..

* * *

В церкви, правда, еще не освященной, а лишь пред войной построенной, «полиция». Где же будем молиться? После некоторого совещания выбрали избу Кузьмы Евфимова, хозяйка которого Марина и побежала все готовить для молитвы. А я той порой намечал себе, что же я должен сегодня сделать? Чем я должен утешить этих русских, истинно забытых сирот!..

Вижу, есть грудные дети... Вероятно, есть некрещенные...

Вот — думаю — первое дело... — «Тетушки, а некрещенные дети есть у вас?» — «Ой, батюшка! Да уж в тайгу за ягодами ходят, а все еще не крещены! Это Бог тебя прислал к нам, кормилец наш! А если бы, чего не дай Бог, да умерли некрещенными?.. Да по смерть сего греха не отмолить бы! Глаза все выплакали бы!»... И опять слезы!.. А ведь слезы — заразительны!..

У кого же дети некрещенные?.. «Да у меня — Федька, пятый годок, у Мусатова — Антошка, пятый годок; у Суворова — Павлушка, на четвертом году»... Всех оказалось шестеро. Однако всем уже даны христианские имена... — Я распорядился найти чистую кадку, вымыть ее и приготовить воду. Да и детей хорошенько вымыть.

* * *

Шесть лет не был здесь священник... А люди-то, кроме детей, да частью жен, ссыльные... Исповедь, вероятно, им нужна, — рассуждаю я... «Конечно, братцы, вы все должны будете исповедаться, а кто достоин будет, тех я и Св. Таин. приобшучу», — предлагаю я. — «Родимый наш! Да есть у нас до 18 лет «на духу» не бывшие! Живем, что гиляки! Грешим, а душу открыть некому! Вот моя девка-то: «а что я батюшке скрывать-то буду на духу», — спрашивает. Забыла, как и исповедаются-то! А ведь 16-й год ей пошел!»...

Я распорядился, чтобы все, кто сегодня думает принять Св. Причастие, отнюдь ничего не пили, не ели, не курили. Вместе помолимся усердно; и Господь, видя наше желание и усердие и один день нашего говения не отринет!..

Однако, среди общего хора радующихся нашлись и «уроды»... «Мы — что ж? Исповедаться — не прочь! Только, батюшка, отпусти нас сейчас: нужно идти в тайгу, на соболя», — упрашивают меня трое, все не старше 30 лет... Один — из бывших фельдшеров...

«Не в тайгу вам, а водки захотелось! Бесстыжие! ужо, — успеете насосаться! Не слушай ты их, батюшка! Непутевые они у нас», — шумят мужички...

«Соболи от вас, братцы, не уйдут; а я от вас сегодня уеду. Шесть лет священника не было. Я вот приехал сегодня... А когда в следующий раз священник придет, — знаете ли? Пьете — значит: грешите. А если Бог по душу пошлет? А если вас в тайге медведь заломает? Кому вы на том свете в пасть попадете?.. И погибнет на веки душа ваша!.. Подумайте: я для вас откуда приехал? А вы от меня в тайгу бежите! Душу свою на соболя меняете... А может быть — и на водку? Нехорошо!.. Должны остаться и усердно Богу молиться».

И остались! И со всеми исповедались сия ветром колеблемые трости!

«А много ли, братцы, похоронено у вас за это время неотпетых?» — спрашиваю я. Начинают считать: Иван, Петра... Насчитали 11 человек. Да кроме них — еще два католика... Все особенно жалеют бабушку Пелагею: «всех детей у нас принимала, и все боялась, как бы не умереть без священника... Вот, двух неделек только не дождалась: схоронили ее...».

«Да как же вы, братцы, погребли без священника?» — спрашиваю. — «Вестимо как, батюшка! Книжки, по чему бы читать, нет. Да и грамотных нет! Почитаем молитвы, кто что знает. Разумеется, свечи зажжем. И ладону курить много. Вот и все!»...

Конечно, решили непременно побывать на кладбище и там совершить общую ланихиду по всем усопшим, поминая неотпетых поименно.

«Батюшка! Воды священной который год уже нет», — перебивают друг друга бабы. «Коровушку, подмыть, или в колодезь касть попадет, — нет водицы! Насвяти ты нам ее побольше!».

«Чего затараторили? Вишь — сам приехал: все нам, значит, исправит батюшка», — уже обещают за меня мужики.

И разве можно было в чем-либо отказать этой скучающей без святой воды русской душе?.. О, глубоко — в самые тайники русской души залегла православная церковность! Лежит она часто годами, не питаемая... Питают ее иногда все, только не мы, пастыри... Питают, и в «ин двор сманивают»... И кто виноват в этом блуждании забываемых овец нашего стада? Умолчим мы пред своею совестью? Но сурово взыщет с нас эту погибшую, но русскую, значит — в основе православную, душу Господы!..

* * *

Труды дня намечены. Необходимые приготовления сделаны. Да и 8 часов уже! Перешли мы в избу Кузьмы Евфимовича. В переднем углу обычные деревенские иконы. Прилеплены к киотам свечи. Под иконами столик, предназначенный для Дароносицы и прочего, нужного для св. таинств и молитв. Но...тараканов, клопов!.. И откуда только они брались? Особен-

но клопы, и большие, и маленькие ползли и по книжкам, и в книжки! Вероятно, намереваясь почистить угол, растревожила их Марина... Пришлось просить что-нибудь другое, свободное от насекомых, на чем можно было бы расположиться... Принесли тогда большой стол. И хотя он стеснил нас, но можно было, не видя на книжке клопов, начинать св. Таинства.

Перед купелью выстроились с детьми. Полная изба народа. Здесь же и один японец, пришедший «посмотреть», как мы молились (и смотревший до отъезда...).

Особливо внятно стараюсь читать я молитвы. Молятся мои земляки. Каждую попытку малюток заплакать успокаивают словами: «не плачь, батюшка крестик даст». Вот всех уже я троекратно погрузил; спели уже «Елицы во Христа крестистесея»... А вот и конец св. крещению!

«Батюшка! Да думали ль мы, что нам сегодня такую радость Бог пошлет?! Целуйте батюшку, ребяташки!» Благословил я новокрещенных, поцеловал их. А они — какими «именинниками» выглядывали весь день!! Все-то их особенно ласкали, с особенным вниманием все к ним относились. Чувствовало русское сердце, что сии малютки сейчас больше, чем когда-либо после, дети Божьи.

* * *

Терять времени нельзя было. Я собрал всех. Прочитал «покаянный канон», вычитал молитвы пред исповедью и обратился к исповедникам «приблизительно» с такими словами:

«Братья и сестры! Если кто-либо из вас упадет в грязь, ведь не остается лежать в ней? Если таковой в разуме, если он не пьян, — сразу же встает и прежде всего «обчищается»: он вытирает руки, он чистит шапку, одежду, он моет ноги. И только вычистив всю грязь, трезвый человек не стыдится продолжать путь свой.

Что для тела — грязь, то для души нашей — грехи. К сожалению, подобно телу, и душа наша часто падает в разную грязь — грехи и этими грехами грязнит себя!

И кто из нас не осквернял своей души грехами? Кто?.. Все мы постоянно грешим!.. Нет дня, чтобы мы не согрешили, души своей не пачкали!

Конечно — согрешали и вы, братья и сестры! Может быть, тяжело согрешили, душу свою грехами пачкали...

Но вставали ли вы из грязи духовной? Пытались ли вы очистить душу свою от грехов?..

Вы плачете?.. Чувствую, что грехи — эта грязь духовная давила вас... Но знаю, что у вас и священника не было, который помог бы вам душу вашу очистить...

Вот теперь Господь привел мне приехать к вам и для вас... Очистите же свои души от всякого греха, как бы тяжки они не были, как бы давно они ни были совершены!

Вы среди горя роптали на Бога: вы думали о дурных делах: кайтесь! И Господь рукою моею грешною очистит помыслы ваши.

Ваше сердце сквернилось при виде чужой красоты, чужой женщины, чужого богатства; вы в сердце носили вражду на брата, завидовали ему: кайтесь! И сделаетесь чистыми в сердцах своих!

Вы своими руками били брата, убивали человека, воровали вещи соседа; ваши ноги носили вас в тайгу красть соболей товарища, ваши ноги не ослабевали, увлекая вас в заведения пьянства и разврата: кайтесь! И Господь не помянет вам беззаконие ваших, простив вам все прошлое дурное!

Кайтесь и ничего не утаивайте! Иначе — сокрытый грех вдвойне вам поставится в вину! Вам каяться стыдно? Вот именно: пристыдите себя пред Господом. И тогда впредь не сделаете много из того, ради чего вам было стыдно!

А очистив свою душу, берегите ее, как новую, чистую, дорогую одежду! Ведь всех нас ждет Господь в Своем царстве, на Своем брачном пиру... Как же мы войдем туда, если будет у нас одежда-то небрачная, нечистая?

Подходите же сюда. И кайтесь не мне, а Самому Христу, обремененные грехами братья и сестры! И от Самого Христа рукою моею грешною получите полное грехов отпущение!

С сердцем сокрушенным сюда приступайте, — тогда с миром душевным отсюда возвратитесь».

* * *

Конечно, трудно после записать чернилами то, что говорила душа!... Исповедь началась.

Идут девочки, мальчики. Крестятся все хорошо. И краткие молитвы знают.

Идут подростки — девушки, юноши... На последних пьяные примеры уже налагают свою печать.

Подходят к тебе женщины, мужчины, начиная с молодых... Сколько слез! Сколько и в слезах, и в речах чувствуешь пережитых скорбей! Но... жизненные катастрофы почти у всех были «из-за вина»... И все эти катастрофы — дело прошлого. А теперь, в общем, как добра, хотя и позаросла тернием, сия нива Божья!

Да, святое дело делалось в сей час в убогой хижине: души грешных к Богу возвращались! В душе — возвышенное настроение. И как иногда, помимо твоей воли, в сие святое дело врывалась улица!..

Вот я исповедую девочку. Открывается ее детская душа... А сзади слышится из сеней: «ишь ведь руками заходила! Отпусти руки!»... И душа малютки на время опять скрылась в раковину, что улитка...

А вот и еще... Исповедую... Первый взрослый дает несколько серебряных монет мелких... Не беру, — оставляет. От второго решительно не беру и первому деньги возвращаю... И вот слышу под окном: «а сколько ему готовить?» — «Готовь-то, пожалуй, готовь. Только этот что-то не берет.»...

И так больно на душе стало, тяжело!.. Не за себя, ибо сам я не брал просто потому, что и нужды не имел брать служа на жаловании... Горько за тех, кои, если не возьмут, — с голоду помрут!.. А разве возможно при этом сохранять ту поэзию отношений, какая наблюдалась, напр., у нас в д. Няиси?.. Скоро ли, когда-то и все пастыри получат возможность «не брать»?..

Кончилась исповедь. Я прочитал канон и молитвы ко св. Причащению, совершил обедницу. Трудно петь одному, но пришлось, ибо помогавший временами староста Евстафий лишь приводил меня в замешательство: слишком немужыкален он.

Все удостоились св. Причастия... Конечно, мало было говения! Да и не было его почти! Но Господь видел сердце сокрушенное и смиренное земляков моих. И верю, что «веру вместо дел вменил» Он им. И они приобщились Св. Таин. не в осуждение, но во оставление соделанных ими грехов и в жизнь вечную...

* * *

Уже 12 часов миновало. Пересохло горло. Чувствуется усталость. Жара в избе и на улице большая. Решили с часок отдохнуть.

Мне подали чай. Пересматриваю запись оказавшихся налицо крестьян в д. Наяси: Павлюк Соколов, Тарнешинский, Осинцов, Ананьев, Иванов, Таскиных двое, семья Ефимовых — восемь человек, семья Лысенко — восьмеро, семья Рачук — девять человек, семья Стрюкова — четверо, семья Суворова — восемь человек, семья Мусатова — четверо. Всех русских в д. Наяси нашел 49 человек. Сверх сего семья Лех, католика, состоящая из 10 человек, живет с русскими душа в душу. Итак: 59 человек заброшены, забыты, оставлены без религиозного утешения, без нравственного назидания!.. Прибавить сюда не только мною посещенных на юге японского Сахалина, но и рассеянных сверх сего по восточному берегу единицами, — какая нива, жаждущая влаги, пастырской о ней заботы!..

Пью чай.. Но чем бы закусить?.. Пост. Молока, масла, яиц — нельзя, хотя всего этого в д. Наяси — в изобилии... Подали рубленой кислой капусты, да принесли малосольную горбушу с черным хлебом, которого я так давно не видел, показало мне все это роскошнейшим обедом. Хотя все же я недоумевал, почему бы меня не угостить было хотя бы деревенскими щами и кашей?.. Или постеснялись предложить столь «грубую» пищу?.. Жаль лишь о. Николая: без риса он, вероятно, «страдает»...

* * *

Солнышко после полудня всегда как-то скорее катится к западу. Нужно временем дорожить... Принесли чистое железное ведро с водой из ключа, и я начал чин водоосвящения. Староста по-прежнему старается подпевать, подтягивает, но лишь пугает меня. Отец Николай читает «апостол» по-японски (умеющие читать по-русски не нашлись). Но вот и погружение св. Креста. «Спаси, Господи, люди Твоя», — запеваю я... И ушам не верю!.. «И благослови достояние Твое», — подпевают, и не очень уж врозь, и правильно поют до конца... Вторично запеваю: «Спаси, Господи, люди Твоя»... На этот раз староста даже пальцем кому-то пригрозил: рано де.. И как

дружно допевался тропарь св. Кресту»... Проявились и тени на словах «победы благоверному Императору нашему»...

Да, проснулась русская душа, когда запели «Спаси, Господи»... Проснулась, ибо услышала пришедшуюся ей по душе песнь церковную, молитву за своего Царя-Батюшку, за Его победы... И никакими гимнами не заменить для сердца народного сей чудной церковной молитвы-гимна!

Освящена вода. Как в деревне вечером под Крещение Господне, — звон бутылок, начавшаяся было толкотня. И как в деревне же, — покрывающий этот шум голос старосты: «тише, не напирай, всем хватит! Не хватит, — батюшка еще насвятит»... Радовался я... Не шуму, конечно, а тому живому религиозному чувству, которое «нудить» поскорее взять св. воды... А без ней — так тяжело в быту русского человека!

* * *

В чашку взяли св. воды и пошли по русским домам... Был второй день Преображения Господня. С пением «Преобразился еси на горе, Христе Боже...», — «Спаси, Господи, люди Твоя...» и «На горе преобразился еси...» — я обошел все русские избы. Везде непременно св. иконы. Обстановка везде самая русская... Окропил я св. водой давно, вероятно, не окропленные жилища земляков.

«Отец просит зайти и к нам», заявляет Лехе-сын. Просят за него и все русские. Захожу я и к Фабиану Леху. Фабиан и Франциска сыновья Теофил с Михаленой, Войцех с Юзефом, Ян, Францишек, Болеслав, Изидор... Трое последних, начиная с 10-летнего (!) Франциска — не крещены; вторично женатый Фабиан и оба сына — не венчаны! «Батюшка! Да нет ли у вас в Японии и наших-то? Скажи им, что совсем забыли нас...». И заплакал старик!..

В углах его дома — православные иконы, лампы... «Да он лучше нас», — нахваливают русские... «Это они, батюшка, сейчас говорят... А вот напьются пьяные и кричат: твоя вера — польска вера!.. Нет и моя вера — не польска вера, а Христова вера», — рассуждает Фабиан.

Чтобы быть понятнее душам католиков, я спел краткий молебен Спасителю («Пречистому Твоему образу») и Божией Матери («К Богородице прилежно ныне притецем...»). Молились все на коленях, но крестились, конечно, по-своему. Ко св. кресту подползали на коленях, приняли кропление св. водой.

Окропил я их дом, а старик даже скотный двор просил окропить!

Живет он зажиточно. Хозяйство большое. Дом широкий. Семья согласная. Здесь, закончив дневные труды свои в деревне, я и отдохнул несколько, уложив свой багаж. Ибо время было уже направляться и к пароходу, куда пойдем не прямо, а зайдя прежде на кладбище...

Вся деревня, как один человек, пошла со мной. Идем мимо бывшей церкви. В открытые двери видны перегородки с проволочными решетками: совсем присутственное место. Чины полиции смотрят на нашу процессию из дверей.

Вот строят новый дом: не то — для полиции, не то — для солдат, говорят. Спускаемся в очень мокрую долину и с подмоchenными ногами поднимаемся на пригорок, с недавно вырубленным еловым лесом: здесь-то и находится кладбище. Обнесено забором... Все заросло травой саженной вышины. Пришлось ломать и утаптывать ее, чтобы пробраться к могилке недавно погребенной бабушки. — Вместе с нами пришли и католики. Просят помянуть и их умерших, двое из коих погребены тоже без отпевания.

Под открытым небом начал я панихиду... Горячо молились земляки... Ладонь высоко поднималась к небу... Посылало нам свои мягкие лучи клонившееся к западу солнце... Молились души наши за души страдальцев, тела коих сокрыты под сими крестами. И верилось, что к небу, мощно раздвигая пространства, несется наша соединенная молитва за почившую скорбную русскую душу; и милостивым оком, как, это солнышко, взирает Господь на молитвы наши...

* * *

Свисток... Первый!.. Спешно собираем свои узелки и берегом идем до лодки...

«Батюшка! А все же возьмите хоть на дорогу! Ведь ты же расходовался из-за нас», — уговаривают дорогой земляки. «Нет, я не возьму: я жалованье получаю и ваших денег мне не нужно. А если другой батюшка приедет, да без жалованья, — не обидьте его».

«Что вам прислать из Токио?», — спрашиваю... «Батюшка, свечей пришли: без них и праздник не в праздник; что нужно

будет, заплатим», — просят одни. «Батюшка, да пришли ты к нам хоть какого-нибудь «учителишку». Стыдно нам перед японцами!» «Даже не учителя, а хотя бы лишь «учителишку», — просят другие. «Батюшка, если уж священника нельзя к нам, хоть бы сам-то приезжал! Часто ты не можешь? Ну — раз в год», — просят все...

Вот чего просили у меня земляки на прощанье! Дай им священника питать их душу, дай им учителя питать ум их ребят, дай им свечей (а иконы есть у них)... И заброшенная на чужбину, когда-то преступная, а теперь добрая душа русского сахалинца будет довольна!

О посылке свечей я сразу же написал в Токио владыке архиепископу. И он послал в Няяси не только свечей, но и иконок, и даже псалтырь.

А сам в душе дал себе слово: еще раз побывать у сахалинцев, и по возможности — в будущем году.

* * *

Взяли все благословение... «Отец ты наш родной! Вечно твое имя поминать будем», — причитывают, крестясь, женщины... Спускают с песка на воду свою лодчонку мужички. Последнее благословение издали еще стоящим на берегу русским... Последнее «прощайте» проводившим меня на своей лодке мужичкам... Я поднялся по трапу на «Дайрей-мару». А через каких-нибудь полчаса он уже снялся с якоря... Мы вышли в море, и взяли курс на юг: возвращаемся опять в Отару... Д. Няяси, где столько святых часов провел я в этот день, быстро скрылась из виду. Но остались навсегда в моем сердце ее обитатели! Управь и утешь их Ты, Господи!

* * *

8-го августа весь день шли морем. В Кусуннай не заходили: не было ни туда, ни оттуда груза.

9-го августа часов пять провел я на берегу, у христиан г. Маука (Рис. 12).

10-го числа, не заходя в Оотомари, пароход мой «Дайрей-мару» благополучно возвратился в порт Отару, откуда я и направился 1-го августа на Сахалин.

В девять дней объехал я и юг и запад японского Сахалина: слава Богу. А восточный берег — делать нечего — посетить придется в другой раз...

II

В МАЕ 1910 ГОДА

Вторично пришлось мне побывать у русских на южном Сахалине гораздо раньше, чем сам я мог думать в прошлом году, прощаясь с земляками в д. Наяси. Дело в том, что в первых числах мая я снова отправился на остров Хоккайдо докончить обозрение тех церквей, коих не успел обозреть прошлой осенью. Опять я буду около гор. Отару... А от Отару так близко и до Сахалина! И вспомнилась мне та великая духовная радость, какую я принес русским «сиротам» на Сахалине в прошлом году... И неодолимо влекло сердце еще раз съездить на Сахалин и еще раз порадовать русскую душу ссыльных.

Но и рассудок оправдывал мне эту поездку... В прошлом году краткие строки мои о сахалинцах в «Московских ведомостях» вызвали такую горячую редакционную статью... А отзывчивые души стали даже жертвы присылать в «миссию, вспомнившую сахалинцев»... Не обязан ли я был нравственно пред сими жертвователями еще раз съездить к русским ссыльным? — А с другой стороны, — в июле-августе мне придется быть на Иркутском миссионерском съезде... И там могут заинтересоваться остатками нашего православия на южном Сахалине... А съезд — величина настолько почтенная, что не хотелось являться на него с впечатлениями только «прошлогодними». Нужно было пережить и видеть все вторично, чтобы при докладе чувствовать себя твердым.

А так как и сердце, и рассудок только «поддакивали» друг другу, то я и поехал, получив разрешение своего владыки-архиепископа. Но для сокращения путевых расходов наполовину, поехал на этот раз один, без спутника.

* * *

17-го мая. Я выехал из Отару на пароходе «Цуруга-мару». Небольшой, тонн в 700, грязненький пароход... Какую роскошь мне представились прошлогодние «Камикава-мару» и «Дайре-мару», когда я познакомился с сей посудиною. Совершает «Цуруга-мару» рейсы срочные, по восточному берегу Сахалина... И конечно, имея грузов всегда больше, чем пассажиров, он не особенно-то и заботится о сих последних!

По II кл. кроме меня едет еще какой-то японец. В III классе пассажиров много. Преобладают женщины и молодые, и средних лет. Распоряжается ими какая-то уж очень бойкая женщина... Что же бы это за компания, думаю я... Но вот эта бойкая женщина с помощником капитана заходит в нашу столовую. Не удивила она меня своим табаком... Но этот звонкий, деланный смех, с откидыванием головы на спину... Но это хлопанье руками по рукам и коленям соседа!.. Ах, — думаю, — вот ты кто! Идут к ней одна за другой, якобы по делу, девицы... Одни — с открытым лицом, другие — закрывают рот передником, третьи — даже нос почему-то прячут... Нет сомнения: в новоприобретенные владения высылаются передовые отряды населения, пересылается на южный Сахалин людской «товар».

На палубе — оживление среди служащих. А полчаса пробыл я там, — и противно стало... Противно не среди гор зеленого луку, не среди тюков рогож и соломенных веревок (для рыбного груза), а среди той «развязавшейся» нравственно команды, которая, вероятно, решила: «и стоит-ли одного стесняться». И я поспешил заключить себя в каюту.

Сергий-сан! Сергий-сан! Интересное явление», — кричит, вбегая в мою каюту, бой. Я поднялся на палубу... Оказывается, мы окружены дельфинами... Вот они в стороне идут стадом, — потемнело полосой море! А здесь одиночки, пары, тройки сопровождают... Вот изгибается в полудугу их зеленоватая спина: дельфин выпрыгивает из воды и затем «ныряет», но движение его тела и на двухсаженной глубине так прекрасно видно с палубы! Нет-нет, — и далеко отстанут они. Но потом опять сзади видны их прыжки... Всплески воды все ближе, и ближе... А вот наш «почтенный конвой» опять уже с нами!..

Долго я наблюдал жизнь этих созданий Божьих... Что их влечет к нам, к пароходу, к опасности?.. Конечно, — жажда пищи! И неразумная тварь так разумно и «смело» ищет себе пищи.

А на палубе... увь... Разумные творения, испугавшись труда, торгуют собой... Хочется верить все же, — торгуют для получения «пищи», а не для развлечения... Как мы часто в своей пошлой жизни бываем ниже неразумных тварей!..

* * *

Пароход вышел из Отару в 3 часа дня. Было пасмурно... Не летел, а как бы «пылил» дождик... Погода ускорила сумерки... А вот и ночь — благодетельница, так помогающая коротать морские переходы!

* * *

18-го мая. В 6 часов утра прошли маяк «Вакканай». Вот его башня, которую с ее фонарем я осматривал в прошлом году. За стеной виднеется дом, где я молился у чиновника маяка Григория Ивата, где потом кратко беседовал о Боге и Христе для всех обитателей маяка.. Заглохло ли посеянное слово Божие? Или, сохраняемое благодатью Божьей, мало-помалу растет, корни дает; а может быть, есть и ростки уже...

Направляясь к северо-востоку, вошли в пролив Сооя. Говорят, всегда в нем покачивается. Но на этот раз нас качало весьма сильно. Попытался я писать что-нибудь. Но неожиданно вдруг как бы исчезает под тобой стул, куда-то вниз уплывает бумага... И ты прерываешь работу в недоумении... Полчаса напрасных попыток, — и я пошел поближе к машинному отделению, на палубу, где качка не ощущается столь сильно.

В 10 ч. у., пересекши пролив, прошли мимо мыса Ниси — «Ноторо-Мисаки» (мисаки — мыс; у нас — Крильон). Солидные кирпичные здания маяка говорят тебе, что они прежней, русской постройки... Случайно услышал я здесь, что на днях «Дайрей-мару», на котором я с таким удобством путешествовал в прошлом году, во время тумана идя из Оотомари в Маука, несколько «взял вправо» и всем корпусом перескочил через гряду камней. Счастливым проскочив, он, однако, сейчас в доке исправляет помятое днище, и едва ли мне придется воспользоваться его услугами.

Пароход наш плетется по-черепашьи... Но все ближе и ближе берег, к которому направляешься. Фиолетовые краски заменяются постепенно зелеными. На зеленом поле начали выясняться подробности — ущелья, лес, кустарник... А вот уже успевшие как-то посереть, потускнеть так ярко блиставшие своей белизной здания бывшего Корсаковского поста, ныне Оотомари... Раздается свисток, а через ¼ часа уже мы на якоре, вдали от берега.

* * *

Что муравьи найденного червяка, сразу же окружили па-
роход и как бы присосались к нему многочисленные баржи.
Вот здесь сбрасывают в лодку под почтовым флагом почту...
Много тюков!.. И все, конечно, газеты!.. Ибо разве можно
представить себе японский дом без газеты и свежих новос-
тей?! Вот почему во всякую минуту, от Сахалина до Формо-
зы, вся страна от верхов до низов ее населения знает, что она
желает, — ибо дышит одним воздухом, питается одной пищей,
по всем ее органам течет одна и та же кровь.. А когда нужно,—
встает опять вся страна, как один человек... Вспомнить хотя бы
1904-5 годы! А достигнуто это с одной стороны образованием
всеобщим, а с другой — дешевой газет поразительной!..
Совершенно в другом конце выгружают в баржу рис, рогожи,
веревки... Бережно укладывают старые комоды. А вот баржа
и для нас, пассажиров... Показываются из «нутра» парохода
невиданные, позеленевшие лица: сильно, вероятно, постра-
дали они в море... А вот и «они», несчастные женщины! Но как они
изменились! В шелковых кимоно, в роскошных «оби» (поясах),
с белыми лицами! С «белыми» больше, чем у европейцев! При
этом белизна лица на шее постепенно принимает оттенок ши-
рокого воротника, то розового, то голубоватого, то фиолетово-
го... Ловко выкрасили снаружи «смердящий изнутри духовный
гроб»... И жалко их... Но не одни «они» красятся! Большая
часть женщин здесь при выходе «в свет», в парадных случаях
красятся... И невольно улыбнулся я, вспомнив одну карикату-
ру в японском журнале... Причесанная по всем правилам го-
лова японки по плечи... Недостает ей чего-то... И вот около
головы масса «пожарных лестниц», а взобравшиеся на них ма-
ляры своими громадными кистями наводят «белизну» на эту
голову.

Все высадились... Выгрузили сюда же наш багаж. Заскри-
пело заднее колесо, и управляющее лодкой, и дающее ход лод-
ки, наподобие рыбьего хвоста... Полчаса езды... Заплачены 25
сен (коп.) — «хаскецин» плата за «хасике», за лодку... И мы
уже на берегу, но не в Оотомари собственно, а в так называе-
мом «Сакаи-мацэ».

Рвут друг у друга мой багаж «банто», приказчики гостиниц.
Но я предложил им самим выбрать не самую роскошную, а са-
мую тихую («сидзука-наядоя») гостиницу. Задумались они,
посоветались... И я оказался в одной из ближайших гостиниц

«Муц-кан». 3 часа дня уже миновало. Последний поезд в Тоехара (быв. Владимировка) уже ушел. И мне предстояло в «Муц-кан» непременно ночевать.

До обеда и наступления сумерек время еще есть. Можно и город посмотреть, — а в прошлом году я его видел мельком.

Пошел я ненадолго, а прогулял 2 часа. Широкая шоссированная улица (рис. 13), длина ее версты 2. По обе стороны улицы японские дома, вернее — магазины. Все, что в обычном японском городе, то же и здесь: ничего нового, оригинального. Те же «гетая» (магазины «гета» — деревянной, японской обуви; «я», прибавленное к названию предмета, дает понятие магазина, лавки, где им торгуют; напр., «Сакана+я» — «саканая» — рыбная торговля, лавка), то же «о-касия» с гостиницами на сумму в 1 1/2 рубля; неизбежные лавки с зеленью (из Японии) и всякими «соленьями»; вяленая и соленая рыба; парикмахерские, часто в избушках на курьих ножках, но с зеркалами... В белых кимоно, с белыми наносниками и наротниками стригут и бреют и лица, и головы положительно всей мужской половины Японии парикмахеры... Много им дела!.. Вот книжный магазин. Здесь — игрушки детские... Вот грохочет молот кузнеца... Обычная картина всякого японского города.

Но необычно то, что так много домов пустых и заброшенных. Дома заколоченные досками... Выбитые стекла... Изорванные бумажные сеодзи (ширмы)... В другом месте — навешанные замки, покачнувшиеся столбы... Нередко увезенные уже сеодзи, амадо (дождевые ставни), татами (соломенные маты)... Уныло лишь на столбах висит крыша!.. Но ветер свое дело делает, — и вот в ином месте столбы, потолок, крыша — все обрушилось в одну общую грудку... На одной только главной улице (Ханчео) я видел до 120 сих развалин-домов! А такие же развалины и на боковых улицах...

Что это значит? — недоумевал я... Но случайно приставший ко мне японец-спутник все мне разъяснил. «Было до 1300 домов жилых. Но только теперь половина из них опустела!» — куда же делись? — «О-куни-е кафимасита» — возвратились в Японию, на родину... Не мог я не поверить сему японцу... Ведь «дом», по понятию японскому, это «квартира» (а не крыша!). Если под одной крышей — пять квартир, по-японски будет — «пять домов» (так получаются страшные цифры пожаров: в

Осака сгорело 15.000 домов, в Аомори — 7.000 с большим. Не домов, а квартир!) А в таком случае и виденные мною с 150 домов-крыш дадут 150×3 (а может быть и 150×5) — 450 или даже 750 пустых «домов»...

Словом — невеселая картина, картина запустения... Что случилось? А вероятно: новые владения, неведомые владения, неиспользованные русскими сокровища, северная Калифорния, новый Тайвань (Формоза), — так вообразили себе некоторые предприимчивые победители. — А им еще вторили: скорее заселить, скорее утвердить, удивим мир «культурой» на бывшей пустыне... И размахнулась широко страна, кинула туда большую волну предпринимателей... Понастроили они города... Вот вырос из земли Оотомари...

Но чем жить? Рыбный промысел — с мая по сентябрь... Хлеб и овощи — плохи... О рисе и думать нечего... В недрах острова или мало, или ничего... А что есть, — то удел богачей... Лесные дачи? Поставка шпал?... Но и это не дело мелких!..

Пришлось друг у друга покупать гета (обувь), каси (гостинцы), зелень, соленья, посуду... саке... Но стоило ли для сего ехать сюда? А наступившая зима заставила многих поторопиться с отъездом... «Не стоило сюда ехать», многие — полагаю — со слезами, бросая понастроенные ими дома... И вот, — всюду пустые дома, разваливающиеся и развалившиеся дома!..

На склоне горы устроена большая начальная школа... без школы японское население немислимо. Тем более — город, имеющий все же тысячи жителей!

Вот буддийская кумирня (тера)... Это «Хигаси-Хонгандзи» восточный Хонгандзи... Довольно скромное помещение... «Амида» рисованный: здесь статуи не признают.

А вот довольно изящное здание буддийской кумирни, с тремя башенками: это «Ниси-Хонгандзи», западный Хонгандзи... (рис. 14). Место для богомольцев в 72 татами (36 кв. саж.), золотом горящий «буцудань» (нечто вроде «божница», со статуей «буцу», т. е. будды...). Кроме главного, еще два боковых, т. ск. «придельных» «буцудана»... Впрочем, богатство секты «Монтосю» (или Хонгандзи), особенно его западной (Ниси) ветви — общеизвестны...

Зашел я к главному «бонзе» (боозу или осео-сан)... Но и он, несмотря на свои блестящие буцуданы, жалуется, что и их секта здесь не процветает... Бросая насиженные места, родство, связи, привычки, — японцы часто вместе с этим как бы

освобождаются от связывающих их пут, цепей... Ни «свой» кумирни, с их праздниками; ни «свой» кладбища с неизбежными буддийскими панихидами; ни родство с банзами; ни влияние консервативных дедов и бабушек, — ничто не связывает уж их... И вот «не процветает», — жалуется бонза...

Но где у них «не процветает», — почти всегда «процветает» у нас, христиан... И кто знает, не будет ли успешна проповедь Христова и среди японцев Сахалина так же, как она успешна среди переселенцев Хоккайдо? И не ждут ли уже ее здесь? Ведь вот: прохожу мимо большого пустого дома... «Что здесь? — спрашиваю... «был клуб, да прекратился. А теперь, говорят, придет от Николая учитель и откроет здесь проповедь», — так мне уже толковал мой собеседник, не подозревавший, что и я ведь от Николая!..

* * *

Совершенно особняком стоят казармы местного гарнизона... (рис. 15). Среди зданий есть и безусловно хорошие: напр. почтовая контора... (рис. 16). Собственно, в Оотомари можно видеть и рубленные из бревен дома: это то, чего не успели сжечь русские... К 6 час. веч. я уже добрался в свой «Муцкан»... Добрался никем не потревоженный... Лишь сотни сахалинских собак, несмотря на их видимую скромность, всегда тебе напоминали «бди»... Да возмущали часто твою душу эти «зазывания» ударами в стекла из многих домов... «Где я?... Неужели в каждом доме притон?» И быть может, в этом вопросе не так много преувеличения?! Ведь сколько «их» вышло сегодня навстречу вновь прибывшему товару!!!

По возвращении в гостиницу пообедал. Что за «обеднище» предложили мне! Мисоеиро (кисловатый суп — щи), суп из камбалы со стручковым горохом, сырая рыба с морской капустой, раки (омары) с зеленью, печеные рыбки со свежими огурцами, раковины «хотате», жареная по-европейски рыба... Для «Сахалина» более, чем замечательно!

Прямо, против окон моей комнаты, по ту сторону долины, по склону горы видна большая русская деревня «Порандомари» (рис. 17). На крышах заплаты белые, красные, серые; то японцы уничтожили печи, посрывали трубы, заделав их отверстия железными листами и дранками.

Вечером пришел городской... Кто я, откуда, куда направляюсь, по какому маршруту буду путешествовать; что я проповедую... Вот темы нашей более, чем часовой беседы. Что ему нужно было, — он записал в свою книжку. Моей же проповеди ему о Боге, о Христе и его учении он, кажется, совершенно не уразумел!.. По крайней мере, уже простившись, уже выйдя в коридор, — он снова возвратился ко мне, и видимо, собравшись с силами, спросил: «а все же, сюкео Сергей и находящийся в Токео Дай-Сюкео Николай — «ками-сама», или нет (боги, или нет?). И был порадован моим категорическим заявлением, что мы решительно не боги, а такие же, как и он люди, — лишь верующие в истинного Бога...

Ушел городской, — пришли юноши Акила Симода (служит в пароходной конторе) и Сергей Исе (служит на телефонной станции), — их я через приказчика гостиницы вызвал к себе. Совершил для них краткий молебен, наставлял доброй жизни в этом городе разврата, одарил их образочками, крестиками. Добрые, честные, верующие юноши!.. Незаметно за разговорами и чаем летело время. Простились мы до утра, а я попросил себе постель.

19-е мая. Но плохо спалось ночью. С одной стороны, — в соседней комнате поместились очень беспокойные люди. Да и через улицу, в разукрашенном японскими фонарями большом доме, всю ночь раздавались дребезжащие звуки японского «сямисен», кони вторили визжащие какую-то песню женщины, и гогочущие мужчины. Лишь пред рассветом кончилась эта оргия!.. Уж не дебют ли вчера прибывшей партии?..

В 7 час. 20 мин. утра я уже уехал в Тохара (Владимировку), провожаемый на станции Акилой Симода.

Поезд ходит в составе II и III кл. и нескольких товарных платформ. До Третьей Пади линия проходит исключительно берегом (рис. 18); а затем на полпути к Соловьевке, море остается налево и позади, а линия направляется прямо на север, до Тохара, по низменной равнине.

С 16 августа (н. ст.) 42 г. Мендзи (т. е. 1909 г.) действует на линии следующий тариф:

	до Сакамацзи		Отомарн		1 Пади		3 Пади	
	II	III	II	III	II	III	II	III
От Сакамацзи	—	—	09	05	11	11	11	11
Отомарн	09	05	—	—	19	10	29	16
Первой Пади	19	10	10	05	10	05	20	11
Третьей Пади	29	16	20	11	—	—	10	06
Соловьевки	41	22	32	17	10	06	—	—
Мицугевки	70	38	61	33	22	12	12	06
Хомгутовки	1-10	55	1-10	50	51	28	41	22
Тоехара	1-30	70	1-21	65	1-11	60	1-01	54
	до Соловьевки		Мицугевки		Хомгутовки		Тоехара	
	II	III	II	III	II	III	II	III
От Сакамацзи	41	22	70	38	1-10	55	1-30	70
Отомарн	32	17	61	33	1-01	50	1-21	65
Первой Пади	22	12	51	28	91	45	1-11	60
Третьей Пади	12	06	41	22	81	39	1-01	54
Соловьевки	—	—	29	16	69	33	89	48
Мицугевки	29	16	—	—	40	17	60	32
Хомгутовки	69	33	40	17	—	—	20	15
Тоехара	89	48	60	32	20	15	—	—

Принимая во внимание, что расстояние между Сакаемацци и Тоехара всего верст 36, — плата 1 ен 30 сен по II классу и 70 сен по III кл., безусловно высокая.

В сторону Сакаемацци почти все товарные поезда идут груженые лесом, и, главным образом, шпалами. 60 шпал на платформу, 10 платформ в поезде, — и 600 шпал поездом уже доставлены.. Целые штабеля шпал занимают берег в Сакаемацци. А небольшой пароходик постоянно подвозит баржи с ними от берега к пароходу: шпалы идут для постройки железных дорог в Корею. При мне пришел и начал погрузку шпал большой пароход «Модзи-мару».

Лесные заготовки — около ст. Хомутовка и г. Тоехара, главным образом, везут лиственницу.

Все берега и моря в 1-й, во 2-ой, в 3-й Пади заняты селедками. Ловится она здесь во множестве (рис. 19). Но ее, селедку, не солят японцы! Часть ее сушат на солнце, на мухах. Маску же варят, добывая рыбий жир (рис. 20). Вываренные же остатки сушат, или прессуют, или просто в кулях отправляют в Японию для удобрения «хатаке (сухих полей) и «та» (водных, рисовых полей). Это — т. наз. «кас» (рис. 21).

На ст. Мицулевка Миша Любовицкий, полячок, опять продает хлеб. Их здесь — семья: отец, мать, 3 брата, 4 сестры. Имеют пашню, скот. Пекут к проходу поездов хлеб. Все катлики. В прошлом году посетил их ксендз-француз. Но они все — неграмотны! Миша благоговейно принял благословение.

Говорят, что дековильку между Оотомари и Тоехара нынче перешьют в обычную линию типа японских железных дорог; и железную дорогу протянут далее на север до селения Дубки (Найбуци), — земляные работы на этом последнем участке уже производятся.

Таким образом, железнодорожная паутина, начавшись на крайнем юге японского Сахалина, постепенно расширяется к северу. И никто не заметит, как сия паутина в самом скором времени дойдет до 50° сев. широты!

Выехав из Сакаемацци в 7 ч. 20 м. у., в 10 ч. я прибыл в г. Тоехара, где и остановился в гостинице «Хокунцукан». Станция жел. дороги — уже на новом месте, в связи с перешитием и удлинением всей железнодорожной линии.

В г. Т О Е Х А Р А

Совершив в гостинице обычные обрядности, т. е. отдав свою визитную карточку и записав в «домовой» (гостиницы) книге: «кто, откуда, куда, когда», — я отправился сразу же в «Карафуточео» (главное управление Карафуто) за получением сведений о количестве русских — православных на Сахалине и о селениях, где они еще остались. Если бы встретились мне в получении сих сведений затруднения, намеревался побывать у «чеокан» (у губернатора).

И главное управление островом, и дом губернатора, и дом начальника гарнизона — деревянные, хорошие здания; красиво серое здание почты. И вообще в городе много домов «европейской» постройки, с окнами, с трубами печей. Город распланирован красиво, улицы вытянуты прямо, улицы широкие. Для выдержания плана не останавливались ни перед чем! Так, на месте задуманного и разбиваемого города оказалось оставленное русскими кладбище: все гробы вырыли и с костями и трупами их сожгли. И теперь — от бывшего кладбища и следа нет!

Жилые участки — благоустроены. Но масса участков лишь намечены вырытыми вдоль улиц канавами. На них, вместо жилья, лишь ямы и рядом груды добываемого щебня.

Дороги — ненаезженные. Движения на улицах нет. Случайно прошедшая девочка — что тень, одна куда-то задумчиво бредет... Но — «оодоори», главная улица (рис. 22) много оживленней!

Пришел в «Карафуточео». Приняли предупредительно и провели к какому-то большому чиновнику, который, выслушав мою просьбу, откровенно заявил, что кто из русских, и где сейчас находится, — они и сами с достоверностью не знают, ибо последние их сведения — относятся к 40 году мендзи (1907 г.)... Но перепись «русских», по их местожительству в 40-м году — есть, и ее он предложил мне для соответствующих выписок.

Однако, сделать выписки оказалось не так легко: переписаны не только русские по рождению, но все русские подданные: здесь и русские, и польские, и грузинские, и немецкие, и татарские имена!! А кто из них «православный» — сведений совершенно нет, ибо нет и графы о вероисповедании!.. Приш-

лось по фамилиям и именам догадываться: «вероятно, русский, вероятно, православный»... И кроме рассеянных по разным местам острова одиночек, я выписал было цельными семьями оставшихся русских в Ново-Александровске, в Магунготан, в Сикка..., — в селениях по восточному берегу... Но один из русских, Федоровский, дал мне о сих русских более точные сведения: «Мартын — католик; эти — возвратились «на материк; этот — бродяжничает.... А «Павел Дымский» — лишь назвался так «по бродяжничеству», есть же он — еврей чистой крови Розенберг»... — Но, может быть, он православный? Веры он какой? — спрашиваю я. «Веры? — Смотря по обстоятельствам; но, конечно, на самом деле никакой»...

Но все же отдельные лица оказались и в Магунготане, и в Сикка, и в д. Елани, в д. Романовского, в д. Муравьевском, в д. Малое Такое; конечно, в прошлогодних местах...

Надо бы их посетить, но они так разбросаны, а восточная пароходная линия так бедна срочными рейсами (вместо 9 рейсов по западному берегу, здесь лишь 3 рейса!), что на посещение всех христиан мало было бы и месяца! Нет, — особаго иерея для православных сюда нужно просить!

* * *

Окончив свое дело в Карафуточео, сходил я в большую Владимировку, а ныне часть г. Тохара (рис. 23). До 40-50 домов бревенчатой русской постройки; есть и хижинки в 2 окна, но есть и большие, на две избы, дома в 6 окон. Наличники, под окнами березки, все это так напоминает русскую деревню! Но... трубы и здесь разрушены, тоже — и печи; для переносных же печей — железные рукава выведены в сделанные в простенках отверстия. Надворные постройки — всюду одно разрушение!

А вот и бывшая Церковь! Имеет форму креста, вышина сруба 17 венцов. Крыта тесом, есть обитый железом шпиль, не снят еще и крест. Покосилась на юго-восточный угол; но далеко еще не сгнила. Из бывшего алтаря и из южного окна — железные трубы. Сейчас в ней живут «писаришки», — объяснил мне Федоровский.

При церкви — сколоченный из досок шатер. В нем есть какие-то два ящика. Может быть — и с церковными вещами, хотя большая часть их принята консулом из Хакодате. Валя-

ются металлические свечи, есть поломанная гробница плащаницы. Разбросанные книжки, среди коих немало «Бросьте курить».

Тут же примитивная бывшая звонница; но колоколов уже нет. Один из них, пудов в 15, висит на «хиноми» (пожарной вышке) в д. Хомутовка; на колоколе видна надпись «Валдай»... Другой, пуда 2, то же на «хиноми» в д. Соловьевка... — Да! Грустно-грустно стало на сердце, когда я посмотрел на сие «разорение» и домов русских, и дома Божьего... И неужели так и не очистится от мерзости запустения дом молитвы?.. А ведь как было бы удобно именно в нем совершать молитвы во время посещения русских, будут ли то впоследствии мои посещения, или — посещения другого народа...

* * *

Из русских нашел одного лишь Ипполита Федоровского, да больную, с отнятыми ногами, Анну Богданову. К вечеру, впрочем, пришли еще — Дмитрий Кутузов и Никонор Щербаков, последний из д. Малое Такое...

Федоровский пьян не был, но и трезв не был; Кутузов, по определению Федоровского, был в «настроении», т. е. тоже полу-пьян, полу-трезв. Щербаков — трезв; но и он, как и первые двое, в каторгу попал «из-за вина»... Сколько зла причинило, и причиняет это «вино» русскому люду, — кто изочтет! Гибнут души людей русских, гибнет здоровье, разрушаются семьи, доходит до нищеты страна... А мы все пьем и пьем с одной стороны; предлагаем и предлагаем — с другой... И кто грешнее пред Богом, пред страной, пред своею совестью: — пьющие ли, часто слабовольные, еще чаще безграмотные; или предлагающие сознательно вредоносное зелье?..

Нет! Не «попечительства» разные; не меры борьбы с пьянством, самые энергичные; не словесные убеждения, — ничто не удержит «слабую волю»... Удержит же ее одно: отсутствие абсолютное вина... Но для сего от нашего государственного бюджета не должно нисколько «пахнуть вином»... И неужели сохранить в кармане народа 700 миллионов страшнее для государственного хозяйства, чем заставить народ пропить 700 миллионов?!

Жалкий народ — эти слабовольные пьяницы!.. «Ваше пресвященство! И этот домик был мой, и этот — был мой...», —

говорит мне Федоровский, из бывших дьячков... — «А теперь?» — «А... все пропил! Постройки — пропил... Денег тыщонки 4 было: пропил... Лошади были, скота много было: пропил... Как скоронил свою покойницу, — каждый день пью, кажется», — плачет, но повествует Федоровский...

А мы, зная таких, будем проектировать: цену на бутылку поднять, по мелочам не продавать, на этикетках череп изображать?.. Нет, — если совершенно производство водки воспретить, перестанет пьянствовать Россия... И чем скорее, — тем лучше: ведь и Китай уже воспретил и бросает употребление опиума!

* * *

Посетил я семью японских христиан: Накао Иоана и Зою... До слез были обрадованы моим приходом!

В их доме вечером и устроили молитвенное собрание. Желая доставить радость русским, я спел Пасхальную утреню. Федоровский уже совершенно трезвый, все время стоял на коленях и молился, плача: «истинная Пасха для меня! Ну, а завтра и умирать готов! Только бы Господь укрепил меня не пить»... И широкий крест сказал мне, сколько доброго чувства было сейчас в его душе!

Прочитал молитвы пред исповедью, канон покойний. А исповедь отложил до завтра, в надежде еще более трезвого настроения.

Уже поздно вечером, в доме татарина Садыка Гафорова, я посетил лежавшую в постели Анну Богданову и отслужил за ее здоровье молебен Божией Матери. Завтра же здесь исповедую всех и кого можно будет приобщу. Да и водосвятие совершу: просит освятить дом не только Анна Богданова, но и Садык Гафоров: «Бог-то один», — говорит он.

Поздно вечером возвратился я в «Хохуицукан», где меня «с интересом» спрашивал «банто», где я был, с кем виделся, что делал и т. д. Удовлетворил полностью столь неожиданное любопытство.

* * *

20-го мая. Рано утром у Садыка Гафорова собрались все русские. Я всех исповедал и совершил утреню и обедницу, всех приобщил Св. Христовых Таин. В 8 1/2 ч. утра я уже окон-

чил все свои дела в Тоехара и, собрав вещи, решил отправиться до д. Хомутовки на телеге («бася»), ибо по пути, в 6 верстах от Тоехара в д. Елани, есть русский Николай Зеленов.

Попросил в гостинице нанять мне «бася», но после переговоров по телефону с кем-то, мне ответили: «дорога худая, а поэтому бася нет». — Что дорога до Хомутовки не худая, я сам видел: ведь она все время проходит мимо железнодорожной линии... И я начал тревожиться: «почему бы не было бася!».

Приходит проститься Зоя Накао. Я ей говорю, что не могу получить бася... «Неправда! бася есть. Мои знакомые и дают экипажи. Сейчас устрою»... — Побежала к телефону, говорила с несколькими местами, то соединяя, то разъединяя. С полчаса я ждал. И дождался! Возвращается она, совершенно потерявшаяся, боясь смотреть в глаза, говорит: «дорога худая, а потому бася нет». — Плохо дело, думаю: кем-то не приказано давать. — «В таком случае найдите мне «аннаи», водителя, который проводил бы меня через д. Елани до ст. Хомутовки, да и багаж бы помог нести!»... Пошли. Искали или нет, не знаю, но ответили: «теперь рабочая пора, и свободных людей-то нет»... Ответ был настолько лживо-деланный, что я решил «действовать»: попросил счет, расплатился, вызвал Ипполита Федоровского и, дав ему один саквояж, а сам, взяв чемоданчик, простился с хозяевами гостиницы... «Вы бы подождали поезда», — в десятый раз советуют растерявшиеся от неожиданности хозяева «Хокунцукан».

Итак, я пошел с Федоровским. И вопреки, несомненно, чьему-то желанию, ибо и дорога оказалась прекрасной, и экипажи встречались. Жарко было. Да и небольшой багаж обоим нам постепенно стал казаться большим. Но путь сокращался разговорами: Ипполит Иванович рассказывал разные эпизоды из истории завоевания Сахалина японцами и их первоначального «военного» хозяйничания на острове. 1 ¼ ходу — и мы в д. Елани. Николай Зеленов был в тайге; но возвратился сразу же по лаю собаки. А встретила нас маленькая Маня Козловская (хозяева Езед и Ядвига были в отлучке; у них Зеленов служит работником). Для Зеленова отслужили молебен Св. Николаю. Напились молока, закусили черным хлебом и пошли далее до ст. Хомутовки.

Козловские, поляки, имеют землю и скот; и живут исправно... «Почему же они-то богатеют, а не беднеют», спрашиваю

я... — «А потому, отвечает спутник, что Езд во время войны не только был полезен, но был, наоборот, нам, русским, вреден: всегда шел де впереди японцев, указывая им местонахождение дружин и все тропы»... Грустное, но многопоучительное для нашей дальневосточной земельной политики сообщение!..

Через час мы были уже в Хомутовке, у станции... Встречает нас жандарм: «Вы были в Елани?» — «Да». «Вы были у Козловских?» — «Да, в доме Козловских; но не у них, а у Зеленова». — «Теперь поедете куда?» — «Я в Третью Падь...» Честь под козырек... Да: что значит «телефон»? Все-то всюду знают, где я и что я...

Время до поезда есть... Пошли с Федоровским на кладбище, где в числе прочих есть и его «покойница», жена Розалия. Кладбище заросло травой. Но крестов много, есть и очень даже большие! Я отслужил литию, во время которой Федоровский плакал на могиле своего «ангела-хранителя»: жива была — берегла меня; не стало ее, — все пропил... Жалко смотреть на эти горькие-горькие слезы: много горя сказывалось ими!..

Во время литии подошел какой-то японец... «Го-куро десита» («проявили почтенную заботу!» Проще: благодарю вас), — говорит он, язычник, мне. А потом дополняет: «Как видите, забор рухнет и кладбище не в должном порядке. А души предков нужно чтить. Поэтому я уже однажды просил в деревенском управлении починить забор»...

Меня тронула и эта благодарность за молитву на забытых могилах; и эта трогательная забота о сохранности кладбища... Но все же... неужели же и о наших кладбищах будут заботиться лишь японцы-язычники? А мы-то что же? Ведь есть же русские на острове? И разве не может быть при них иеромонаха, который бы и соблюдал всюду среди русских остатки веры и церковности?..

В ТРЕТЬЕЙ ПАДИ

Поезд в Третью Падь пришел в 4 ч. дня (рис. 24). От станции до дома Никиты Иваныча — недалеко. Взял я чемоданчик и саквояж и иду помаленьку пешком. Рисуется моему воображению радость Никиты Иваныча и Устиньи, когда мы сейчас встретимся... А вечером? В тиши побеседуем обо всем,

а затем и помолимся, сколько душе будет угодно! Есть у дедушки баня: схожу в русскую баню; и, заночевать здесь, завтра поеду до Второй Пади... Так мечтает душа моя... Но вот я и у дома деда!

На дверях — замок. Дома никого нет. Ставлю багаж на крылечко и сам усаживаюсь здесь же. Подходит мальчик — японец, и сообщает, что дед «пашет»... Но другой его поправляет: пахал, но уже сейчас не пашет, а пьет... — Я попросил их сообщить деду о моем приезде.

Прошло полчаса, не меньше... Идет дед... Идет и покачивается... В сапогах, в красной рубаше с жилетом... благообразный мужчина! Но — несомненно нетрезв.

«Батюшка! Да ты опять приехал! Вот-то спасибо!» Открывает дверь... Входит в дом... Ходит курица-наседка с цыплятами... Деду это показалось «неприличным», и — давай ловить цыплят и сажать под печь! Кричит курица, пищит в пьяных руках цыплята, пыль в избе. Напрасно убеждал я деда, что он лишь больше грязи наделал!

«А Устинья где? — «Сейчас, батюшка, придет! Она в горах скот пасет»... Действительно, скоро и Устинья пришла... Вошла в избу, бросилась в ноги ко мне и зарыдала: «Батюшка! Да хоть ты-то вразуми его, бесстыжего! Что заработает, то и пропьет! Вишь — опять наакался!» — «Молчи, молчи», — ворчит Никита... А Устинья продолжает: вот при батюшке-то «молчи, молчи», а без батюшки, скажешь ему вот так, а он — «в харю»... И бьет»... — Но тут и «при батюшке» пьяный Никита сказал так сильно, что Устинья заплакала, но разговор прекратила...

Какая уж молитва, какой ночлег в избе с пьяным хозяином! И я попросил Никиту запрячь лошадей и отвезти меня во Вторую Падь. — А той порой Устинья все же успела дать мне стакан чаю и угостила кислой капустой.

Уселись мы на куль соломы и поехали... — Дедушка, и зачем ты так пьешь?» — Батюшка, дорогой! Да как не пить, когда водка сама в рот льется! Вот сегодня: приходит японец... «Дед, спаси полосу»...—«Давай 1 1/2 рубля»... Дает... Ведь они — дураки! Работы на 2 часа, а 1 1/2 рубля дают! Ну, — спашешь, — и сам выпьешь, и ему поднесешь»... — «Дед, перестань пить! Ведь тебе уже под 70 лет! Живи трезво по Божьи!.. Береги деньги»... Усовещаю я... — «Батюшка!... береги

деньгу... Да для кого ее беречь-то? Эх, жизнь наша сахалинская!.. Там, на материке была жизнь... А здесь — не живем, а доживаем»...

Как-то тяжело, душно стало от этих слов деда... Да, — они здесь доживают свою разбитую жизнь... И потому, конечно, что в свое время никто не научил их начать новую жизнь... Да и как они «доживают-то свою незадачливую жизнь? Не «доживают», а «пропивают»... И здесь уже виноваты те, которые и на острове не научили каторжную массу не пить...

Помню Никиту Ивановича в прошлом году: одна доброта на трезвом лице старичка... Символ трезвой России... А сегодня пьяное лицо, грубые слова, отчаянная философия... Словом, — в миниатюре пьяная Россия... Темно, грустно было на душе, когда наша телега, переехав громадную гору дворового навоза и едва не опрокинувшись, остановилась у дома Чемяя во Второй Пади.

ВО ВТОРОЙ ПАДИ

Яков Маркизович Чемяя — Маркизович хозяин этого дома. Живет с женой и дочерью. У него же работают Иосиф Чибашвили и цыган Николай Копаненко. Все выбежали на улицу. Чемяя захватил мои вещи и напрасны были мои протесты: «чтобы русский батюшка, да от русских уехал ночевать в японскую гостиницу! Нельзя допустить!» И я остался... Отвели мне чистую комнату, угостили меня горячим молоком с хлебом... И долго вечером мы беседовали о разных предметах. Оказывается, от страха перед японцами русские бежали, побросав все; а другие и после войны уходили или на «материк», или на север Сахалина... Но таковых убеждали японцы не бросать «даром», а «продать» им собственность... И вот простецы заключали «для формы» запродажные, а японцы за 2-5 руб. делались «собственниками». Чемяя не оказался из таковых: вся его земля осталась за ним со всеми на ней постройками. А это дает ему хороший доход. Напр., нынче он сдал свой берег (песок) в аренду на 2 месяца рыболовного сезона, для вяленья селедки и просушки «кас», за 500 рублей, — деньги хорошие! — Впрочем, любопытен вообще факт: оставшиеся на юге Сахалина русские — почти все одиночки, или бобыли, а грузины, мингрельцы, поляки, армяне, татары, — почти все собственники...

Но Чемия и землепашеством занимается: сеет овес, пшеницу, ячмень, картофель. Не бездельничает он и прочие месяцы: ловит соболей, по 2 месяца не возвращается из тайги... Однако, будучи должен скупщику соболей крупную сумму, он 43 соболя продал ему за 500 руб.!. Дешевизна поразительная!

Приходило время и спать... Через комнату из коридора доносятся странные звуки... Вслушиваюсь: несомненно, есть там сильно пьяные... — «Кто?»... Расстроился мой Чемия!.. «простите, но сейчас пришли совершенно пьяные Егор Бубер и Иван Рыбкин... Ничего не сознают... завалились в коридор»... — «Да откуда они?» — «Собственно из Оотомари; там хлеб пекут и продают... Но сейчас пьянствуют».. Противные звуки страдающих пьяниц доносились до нас... Опять мрачно стало у меня на душе... Кого из собственно русских я видел! Федоровский, Кутузов, Рыбкин, Бубер, Ник. Иванов, Щербаков, Зеленев, Богданова... И первые пятеро были полу-трезвы, или полу-пьяны; а вот — сейчас и безобразно пьяные!.. А Садыки, Чемия и т. п. — трезвы... Мрачно, больно на душе.

Совершил я с трезвыми насельниками дома Чемия вечерние молитвы и лег спать на мягкой перине... Ничего не думая, ложился спать. И нужно же было войти Чемия и предупредить (с грузинским выговором): «пожалуйста, чтоб в голове никаких мыслей не было! Спите совершенно спокойно!»... И лишь после его милого предупреждения «некие мысли» полезли в голову, и я несколько искоса поглядел на висящие на стене два ружья... Но отдавшись в волю Божью и поверив человеку, я спал спокойно...

* * *

21 мая. Встали все в 5 час. утра. Пришел из Третьей Пади в новой пиджачной паре, вымытый, пригладившийся Никита Иваныч. Можно было начать посему и службу. И здесь я совершил Пасхальную утреню, всех шестерых исповедал, четырех приобщил Св.Таин...

Весьма просил исповедать его Иван Рыбкин, уже пришедший в сознание (не больше). Но я пьяного исповедать отказался, а он в эти два дня вытрезвиться не обещал!.. Раб вина! Оно им владеет.

А рассуждения даже не вставшего на ноги, а лишь «очнувшегося» Егора Бубера так типичны, и так вместе с этим

дики: «как, значит, увидишь земляка, — так и обрадуешься; а как обрадуешься, — так, значит, и выпьешь». И по такой пьяной логике, несомненно, весьма многие пьют!..

Уже 9-й час утра был, когда кончились наши молитвы. Цыган взял мои вещи и проводил меня до станции Первая Падь... Здесь, когда мы ожидали поезда, подошла какая-то японка... «Это — баба Бубера»... говорит цыган. Оказывается, разыскивает своего Бубера, который подрядился в какие-то места доставлять белый хлеб, а сам третий день пропадает... Вот оно пьянство-то, что делает! Разумеется, — погулял и поставку прогулял!

Наконец я в 11-м часу снова в Оотомари!!!

В ООТОМАРИ

На станции встретил меня Сергей Исе. У него в квартире я совершил молебен, напился чаю и отдохнул. Душой отдохнул, попал опять в атмосферу трезвости, чистоты, вежливости...

«Наверно, и рады же были все русские», — говорит Сергей Исе... И я вспомнил полу-трезвого Федоровского, «в настроении» Кутузова, «не живу, а доживаю» Никиты Иванова; с омерзением представил плававших на утро в своих же извержениях Бубера и Рыбкина...

А вместе с сим предносятся мне и трезвый Садык, и земельные собственники Козловские, Любвицкий, Чемян... И больно стало на душе... Словно что-то тяжелое подступило к моему горлу... И я, как ни старался скрыть свою душу, горько зарыдал, заплакал, к ужасу Сергея Исе, прекратившего свои разговоры...

«Пьют они, но они все «отонаси» (скромные, тихие), как бы отгадывая меня, читая мою душу, говорит Исе... И, конечно, — говорит правду...

Какой-то камень налег на меня... Уж продолжать ли? Не возвратиться в Японию, к своим христианам, — там и пьяных среди них не видал ни одного...

Но рассудок говорит: а кто же узнает о сей тяжелой болезни русских на Сахалине? И лучше — узнать болезнь во всем ее ужасе и приняться за ее лечение, нежели — испугавшись ее размеров, сбежать и предоставить землякам потонуть в вине.

Да и те же жены и дети, да и мужчины, что с такою радостью встречали меня в минувшем году в дер. Наяси, разве не порадуются моему приходу, приходу «батюшки» и нынче?..

После обеда еще раз провел время в молитве и беседе с добрыми юношами Сергием Исе и Акилою Симода. Расплатился с гостиницею и около 3 ч. дня сел на пришедший пароход общества «Ниппон» Юусен Кайся «Хиросаки-мару» (более 1.400 тонн). Пароход (сестра «Камикава-мару») хороший; капитан понимает по-русски. На рейде стояли еще — «Модзи-мару» (грузили лес и шпалы), три рыболовных парохода по 100-300 тонн, «Рясю-мару» (ок. 3.000 тонн; правительственный пароход, обслуживающий маяки)... Итого, — три больших и три маленьких парохода!.. Конечно, все в торговой, восточной части порта.

Вдали, в западной части, почти сливается по окраске с водой охранное военное судно... И туда торговым судам и лодкам вход абсолютно воспрещен... Интересное, почему-то неотмечаемое явление: у японцев никогда военный и торговый порты вместе не устраиваются! На юге (Кюу-сюу) торговый порт Нагасаки, военный — Сасебо, во внутреннем море — торговый порт Кобе, военный — Куре, в Японском море торговые порты Миядзу и Цуруга, военный — Майдбузу, вблизи Токео — торговый порт Екохама, военный — Экосука, на севере Японии — торговый порт Хокодате, военный — Ооинато... Наконец, разделили громадной дистанцией и здесь военного судна от торгового порта...

В г. МАУКА

28-го мая. Вчера снялись с якоря в 6 1/2 час. вечера. Мне предоставили четырехместную отдельную каюту, в которой я спал прекрасно. Переход от Оотомари до Маука занимает 13 часов. В 7 час. утра мы уже высаживались в Маука. Был сильнейший от берега («ямасе») ветер. Но нас вел пароходик, и напрасно пассажиры ахали и кричали: «кикен-да» — (опасность!); мы благополучно добрались до берега.. А за сорванными с привязи у парохода баржами поспешил в море портовый катер. Меня встретил «банто» (приказчик) из гостиницы «Кобай-кан», — сообщили о моем приезде телефоном. Гостиница прошлогодняя, люди знакомые, будет много спокойнее!

а с ним вместе до обеда посетил всех, здесь находящихся христиан: Петра Такеуци, Марину, Ямамото, дом его, Хебинси. А после обеда, до 6 час. сходили с ним в дом Томаманай к Ефрему Токеда. Все христиане-японцы были порадованы моим посещением и молитвой у них. А я был утешен, видя твердое стояние в вере чад японской церкви, в такой дали от иерея не потерявших ревности своего сердца.

Этим дело мое в Маука и было уже кончено. Можно было бы завтра и ехать далее... Но заменяющий пострадавшего «Дайрей-мару» пароход «Сумидагава-мару», слышно, старый и тихоход.. Едва ли он сможет выполнить рейс по расписанию!

24 и 25 мая. Я напрасно ждал парохода; в море — буря, и «Сумидагава-мару», где-то оставалась.

Наконец, 26-го числа мне телефоном сообщили, что пароход после 12 часов придет, и, действительно, я в 3 часа сел на «Сумидагава-мару» для того, чтобы ехать до деревни Нааяси.

Итак, Маука позади. Большой город, и по-прежнему «живой», торговый город! Десятки раз в месяц издается даже небольшая газета (впрочем, по небольшой газетке есть и в Тохара, и в Оотомари). Соединен телефонами с Оотомари и Тохара. Разговор с Оотомари за 5 минут — 50 коп., разговор с Тохара за 5 минут — 20 коп. Пароходы заходят ежедневно, по нескольку... А зимой — через Маука идет сообщение и почтовое, и товарное с Тохара и Оотомари, ибо порт Оотомари совершенно замерзает, и около месяца не может ходить даже ледокол!

Рыба в Маука дешева. Десятифунтовая кэта — коп. 80, а такая же треска — коп. 15, селедки — на 10 коп. 15 штук. Особенно много ловится трески. (Рис. 26). И сетке ловилась, но нынче здесь ничего не поймали! Крабов («кани») — масса!

Конечно, и здесь есть школа, больница, кумирни... Пустующих домов не видно... Несомненно, Маука, — город с будущим..

* * *

«Сумидагава-мару» (около 700 тонн) — один из пароходов-ветеранов «Оосака Сеосен Кайся», постройки 1887 года. В настоящее время перевозил только грузы. Но за аварией «Дайрей-мару» пришлось вспомнить и его, и поставить на столь долгую линию.

Удобств для пассажиров — никаких. Кают II кл. нет; все помещаются на корме, в общей каюте. Каждому пассажиру дается одно одеяло (вместо матраца) и подушка-катышек. Спят рядами на полу... Нескоро я выйду из этого парохода и перспектива нескольких подобных ночлегов не очень-то радовала меня!

Но услышал нечто и утешительное для себя... С нынешнего лета пароходы «Оосака», «Сеосен», «Кайся», через рейс, идут за «Наяси» почти до русской границы, до дер. Анбецу (в 3 верстах от Пилева)... (рис. 27). Итак, 4 часа стоянки в Наяси, 4 часа ходу до Анбецу, 2 часа стоянки в Анбецу, 4 часа обратного хода до Наяси... Я имею 14 часов в своем распоряжении, — время совершенно достаточное для того, чтобы исправить для русских все гробы.

Погода серая... Холодно.. Но остров довольно красив! По темно-зеленому фону пихт и елей, как резко выделяется свежая зелень кудрявой березки!.. Красивый, природой устроенный ковер!

Утром, днем и вечером — кормят. Но не очень-то хорошо! Так, на обед подали «сасими» (сырая рыба), суп из раков и печеная, не очень свежая рыба... Все же лучше, чем ничего!

* * *

В ночь на 27-е мая пришли в Нодасан, грузились, а потом стояли до 3 ч. утра (рис. 28).

Немного пройдя на север, снова заходили на какой-то промысел и грузились.

27-е мая. Вознесение Господне. Утром пришли на промысел — 197 и грузили «касс» (рыбное удобрение)...

Провел я первую ночь на «Сумидагава-мару»... Холодно, а имею лишь одно одеяло... Как быть? Пришлось лечь на пол в подрыснике и двух рясах, не раздеваясь, да прикрыться одеялом.. И все же было холодно... Однако, сон взял свое, и я спал.

Стояли в Томариоро. (Рис. 29). Быстро развивается это место! Вот уже коптит на берегу локомотивчик, доставляющий по дековилъке вагоны с каменным углем из начатых колеи... Шумят вагонетки, — то устраивают пристань, очевидно, для погрузки каменного угля...

Медленно плетемся мы на север! Ведь для пассажирского парохода от Маука до Нодасан ходу 2 часа, от Нодасан до Томариоро 2 часа, от Томариоро до Кусинной 2 часа — всего 6 часов.. А мы вот уже больше суток ползем, и все еще далеко до Кусинная!..

28-е мая. Вчера к вечеру разъяснено. И пассажиров осталось мало: в I кл. — один и во II — двое... Мало пассажиров — можно попросить лишнее одеяло!.. Но мне даже и просить не пришлось, за меня попросил у боя два одеяла для меня мой сосед, не предполагая, что я понимаю его речь: «иностранцу дай два одеяла... Вообще к ним нужно быть внимательным! А иначе, — возвратятся в свою страну, и кто знает, что он напишет про нас в своих журналах и газетах»...

По какому побуждению, для меня было безразлично, но я был очень благодарен бою, из 2 одеял мне приготовившему матрац, а 2 одеяла давшему мне для тепла... Теперь уже можно было спать и раздевшись!..

28-е мая. Утро совершенно ясное. Остановились в Успиро (или Усиеро, промысел — Усутоманай). Ровно в 10 ч. утра пароход пришел в Наяси и бросил здесь якорь... Сильный прибой волн... Однако, высадка на берег произошла совершенно благополучно. Слава Богу! Я — у крайней цели моего путешествия!

В д. НАЯСИ

Еще из г. Маука я послал в Наяси, в полицию телеграмму, с просьбой известить русских о моем прибытии пароходом. «Сумидагава-мару». Но пароход шел не по расписанию, с опозданием на 2 суток. Да и как определить, что за пароход идет! И вот все русские и 26 мая в среду, и 27-го в Вознесение выходили к каждому пароходу встречать меня... А пароходов-то приходило по 4 в день! Вышли они и сегодня, все от мала до велика... Разумеется, не с радостью только, а с умилением, с восторгом не только они встретили меня, но и я встретился с ними!

Здесь же на берегу встретил меня и полицейский чиновник, коего я и поблагодарил за оказанную услугу по извещению русских... После сего, полиции я больше не видал.

В доме старосты Евстафия Емельяновича Лысенко отдохнул, со всеми поздоровался, напился чаю. Конечно, — все, ожидая меня, постились сегодня и просили исповедать их, приобщить Св. Таин. Я поэтому немедленно и приступил к исполнению тех треб, совершить кои сюда прибыл.

Для молитвы опять отвели дом Косьмы Ефимова. На этот раз — ни клопа, ни таракана! Все полы вымыты, вымыты и окна, и стены; на полах — половики; около икон — расшитые полотенца... То же — и в прочих избах, из коих избы штукатуренные к моему приезду выбелены...

Прежде всего в прошлогодней кадочке-купели я совершил крещение Виктора, младенца Суворовых. Помогали петь мне Лысенко и Ефимов, подтягивали и дети. Немного занятий с ними, — и получился бы недурной хорик!

После крещения младенца я приступил к исповеди всех, бывших в Наяси налицо. Предварительно я сказал им поучение, располагая их к исповеди сокрушенной, смиренной и откровенной. Исповедались 27 человек; из прочих 13 православных, живущих в Наяси, 2 вечером лишь возвратились из тайги, где охотились на медведя; 5 — малолетних детей; 3 уехали в Александровское за покупками, 1 — в няньках, 2 — в отхожих работах.

Кроме сих 40 русских, здесь же семья католика Леха в 10 человек. Так что вся наша колония — в 50 человек. Сравнительно с прошлым годом выбыли Тарношенский (в Пилево), Таскиных двое (в Пилево), Мусатовы четверо (в Пилево), — всего 8 человек. Да умер Николай Стрюков...

Окончив исповедь, я вычитал молитвы пред Св. Причастием, еще раз сказал поучение, призывая всех молить Господа, да сподобит Он нас, причаститься не в суд, или во осуждение, но в жизнь вечную... Спели мы опять не очень стройным хором обедницу. И я удостоил всех не по говению их, а по вере и душе их причастия Св. Таин.

В заключение сей благодатной службы я еще раз сказал поучение, убеждая земляков жить так, как тому учит и словом, и примером жизни Сам Христос, Которого только что они восприняли в себя... С глубоким вниманием все слушали меня. А Лысенко, Ефимов, католик Лех и женщины сначала плакали, а под конец почему-то и разрыдались!

— «Ждали мы тебя, батюшка, со среды. Думали, — Пасху ты нам отпоешь. Яиц наготовили. Не привелось!..»

— Я объяснил землякам, что и я стремился в день Отдания Пасхи быть у них. Но пароход из Отару вышел на день позже, в Оотомари из-за бури простоял еще день... И вот я, прожив без дела в Маука два лишних дня, лишился вместе с этим радости вместе с земляками петь Пасху... — Но на половину «лишение» мы восполнили, похристосовались после Причастия «по-русски»... Для нас и сегодня была «Пасха»!

Совершив крещение, исповедав всех и приобщив, я решил отдохнуть. Подали самовар, соленую горбушу, кислую капусту, черный и белый хлеб, яблоки и даже лимонад. Не без аппетита я весьма «насолчился», и конечно, напился чаю. Разумеется, зашел с русскими разговор... О чем? Да все о том же: детей учить негде!

«Спрашивают нас японцы обо всем подробно... ну, конечно: где будете учить детей... А нам, батюшка, уже так-то стыдно! Где уж будешь их учить! Вот, — ихние дети все в школу идут, а наши шатаются»...

«Батюшка, да пришли ты учителя! Век за тебя будем Бога молить! Вот, — письмо прислали: двое только могли читать. Да туго читают! А церковную печать — и туго, да и не всю! Умер Стрюков. Конечно, собрались все, как следует... И японцы горячо приняли участие. Кутья. Ладану много. Свечи. А кто будет вычитывать? Алешка зачитал было... Да не все мальчишка может»...

Да! слушаешь эти жалобы-просьбы русского сердца... и стыдно становится за нашу здесь безграмотность, и больно от сознания: «а как же помочь-то можем?»...

Но нужен, непременно нужен здесь учитель! А что нужен священник, — и не говорю уже! А лучше бы всего: благочестивый, самоотверженный иеромонах, и при нем псаломщик-учитель, тогда дети воспитывались бы в страхе Божьем, стали бы грамотными. Тогда и все наяские земляки стали бы добрыми людьми! И если бы возвратились в Россию, то не дикарями, а добрыми крестьянами!

Иеромонаху или священнику теплый дом крестьяне дают; и учителю квартиру дадут. И под школу избу отведут!.. Для совершения же молитв нужно непременно испросить обратно в наше пользование церковь. Этого требует наше достоинство:

все ее доселе зовут: «рококу — но тара» — русская церковь... этого требует правда: церковь строена при помощи казны, бревна ношены обществом... Да и пора место святое очистить от мерзости: сейчас в церкви уже не полиция, для коей построен особый дом, а.. квартира доктора, свою жену и семью оставившего в Японии, а сюда поселившего «жену для карау-дудо», свою «вице-жену» (гон-сай)... И это в бывшей церкви!

* * *

После 4 часов совершил водоосвящение. Святую воду опять всю разобрали в бутылки. А я со святой водой пошел по домам и отслужил молебен: у Ефимова Михаилу Архангелу (— в его деревне праздник), у Соколова — Вознесению, у Суворова — Божьей Матери, у Ананьина — преп. Сергию, у Лысенко — Иоанну Воину, у Павлюка — препод. Серафиму, у Рачука — св. Николаю, у Леха — Спасителю и Божьей Матери...

В каждом доме свечи, кое-где ладан. За образами — вербы... Всюду я кропил и дома, и насельников их св. водой. Со мною из дома в дом ходили все русские, поэтому можно сказать, что я для них отслужил 7 разных молебнов...

Кончили молебен... Роздал всем крестики, образочки... «Батюшка, мне! — протягиваются детские ручонки... Последний молебен был у Леха — католика, где мы и отдыхали за разными разговорами.

Дер. Наяси началась в 1894 году... Жить было весело, привольно! Заимки — большие. Рогатого скота — до 400 голов. Охота на медведей и соболей. А соболя здесь по 25, 30, а иногда и по 40 рублей шкурка! Народ все прибывал и прибывал! Раз в год бывал и священник.

А теперь жить стало скучно, особенно из-за детей: негде их учить! Коровушек держат, лошадей тоже (у Леха напр. 10). Сеют овес, жито, ярицу, сажают картофель. Но рожь последние 2 года родится плохо...

Японцы сначала горячо было взялись: крестьян населять будем, говорили... участки нарезали... с нас налог на землю хотели было брать... но климат не пришелся по ним. Болеть стали. Поумерали многие. В Японию многие стали возвращаться... о переселении крестьян теперь что-то ничего не говорят! А и нас не так уж утеснять стали: вот — весь луг косили, никто не возбраняет!

Праздников не забывают. Так, под Пасху пекут куличи, кра- сят яйца... «Ночью попоем, почитаем, кто что знает, а наутро и разговляемся». В Вербное Воскресенье вербы в дом приво- сим, а в Троицу березками дома украшаем... «стараемся все соблюдать по православному: без этого скучно!... Всячески — блюдем!»...

На русский берег в Александровку прежде ездили свобод- но. Но потом Лысенко и Леха позвали в полицию и вычитали: «это (напр., черный хлеб, по 12 кирпичей чая) можете приво- зить из России; а напр., сахар, табак, белую муку, ситцы мо- жете де и здесь, в Японии купить... А если что привезете недоз- воленное, — тогда везите в Оотомари, и там в таможене плати- те пошлину... так вычитали...

Но разумеется, батюшка, что можно, то открыто привезем, а чего не можно, то и припрячем, да привезем. Только путь-то долгий: если попутный ветер, то суток 4 (180 верст): иначе — и 3 недели пропутаетесь!..

Японцы здесь, в Наяси, много пьют... Вероятно, сюда то- же, кто похуже, приезжают, — полагают земляки... «А заведе- ниев этих!.. Да оборони Бог! открытых четыре! Да в отдель- ных домах сколько их, по одной, по две! Ночью трывкают, по- ют, уму непостижимо, что делается!»...

«И удивительно, батюшка! Нас в гости позовут, — жена сидит у порога.. «Не принято вместе с гостями», — говорят...

«А вот «этих» позовут, — вместе с ними пьют, играют... это «принято»...

Удивительно подметили точно то явление во взаимных от- ношениях мужа и жены, и — посторонних веселых женщин («чейся» и т. п.), которое так удивляет всякого постороннего своим противоречием! Со своей женой — не принято (жена, знай свое место!), с веселыми развратницами — принято...

Но в общем, живут с японцами мирно. А многих из них да- же хвалят.

В свою очередь и японцы отзываются о русских не иначе, как «отонаси» (скромные). Но неизменно прибавляют: толь- ко пьют водки много...

Жизнь теперь в Наяси стала дорога... Даже летом русские продают японцам яйца по 5 к. за штуку, а зимой — и 10 к.!

Много у них покупают японцы и кислой капусты, только рубить просят покрупнее...

* * *

Уже поздно вечером, отдохнув у Леха за чаем и разговорами, пошли мы всей деревней на кладбище. Здесь я отслужил панихиду по новопреставленному Николае (Стрюков), и по всем, здесь почивающим... Просил посреди кладбища для общих панихид, и на долгую память сделать большой крест...

Среди вонючей, разложенной по берегу рыбы, прошли до пристани... Парохода еще нет, но начались сумерки, почему я убедил всех сейчас проститься и идти с богом по домам: может быть, лишь под утро придет пароход!...

Уступили земляки и простились... Все девушки и женщины кланялись в ноги, целуя их... Это на улице-то! А руку целую все почему-то даже по три раза... Да! живо в них сердце верующее!

А говорить ли, как они меня снабжали «подорожниками»? Одна несет черный хлеб, другая два десятка яиц, вот Лех накладывает банку капусты, Лысенко завязывает в бумажку три селедки... «Что ж мы еще забыли? Да! Сахару!» — говорит старик Лех... И тащит большой кусок сахару, отколотый от головы... «Ты для нас тут заместо отца... Бог тебе здоровья дай!.. А уж мы помолимся за тебя!».

Простились мы с земляками... Утирая слезы, поплелись многие в деревню. А я, Лысенко и Лех остались на берегу ждать парохода... Уже стемнелось. А его все нет и нет...

«Может быть он лишь утром придет», — говорит мне служащий в Пароходном обществе... — Как быть? Что делать? Решили: староста Лысенко на берегу будет караулить пароход, а я пойду к Леху и, если не засну, то хоть прилягу...

Пуховая перина, пуховые подушки... Прочитал я наши вечерние молитвы... Молилась вся семья Леха. А старик даже растрогался: «и вы, и мы — одному Богу и обо одном молимся!».

«В России: «сахалинцы, сахалинцы»... Нас боятся... А ты-то, батюшка, не бойся!» — ворчит засыпающий дед... Да разве можно было бояться сих овец!

Однако, ожидание, боязнь проспать слишком приподняли

нервы... Лежал, но не спал. В 12 часов — Сирена... Но — тревога ложная: пришел казенный пароход... Наконец, в 3 часа свисток... Бежит Лысенко... А я уже оделся и захватил багаж — скорым шагом спешил на берег. В 3 1/2 часа бой приготовлял уже мне спанье, и я, один в каюте, спокойно заснул до утра после трудов пережитого дня... Свисток... Простите земляки! А может, быть — кто знает? — и до свидания.

ИЗ НАЯСИ В ОТАРУ

Итак, снова я на «Сумидагава-мару», и теперь уже этим пароходом еду до г. Отару, в Японии! Капитан очень обрадовался моему обратному прибытию на его пароход, и вместо того, чтобы дать мне билет Наяси-Отару переделал мой прежний билет на обратный... А билет «туда и обратно» процентов на 25 дешевле билетов в два конца!

Уже 29-е мая. Но наверху холодно и ветрено. Невольно отсиживаешься и отлеживаешься в каюте.

В Усиро не заходили, пройдя прямо до Кусиннай, куда и прибыли в 5 час. вечера. Лишь час здесь простояли. Взяли пассажиров и почту и к 8 час. вечера были уже в Томариоро. Здесь вышли все, севшие было пассажиры, — партия разведчиков каменного угля, и я опять остался один!

В Томариоро ночевал пароход. Волны не было, постукивания машины не слышно. Правда, после полуночи пошел сильный дождь, и его шум о палубу мешал было спать. Но натянули тент, настала тишина. И я, улегшись под 2 одеялами (не раздеваясь, в подряснике и двух рясах, так было холодно!) проснулся уже под тремя! Это заботливый бой охраняет меня от нападения борсев... Удивительно, вообще, вежливы и услужливы бои!

30-е мая. По причине дождя погрузка была невозможна, и мы лишь в 10 1/2 час. утра вышли за грузом на рыбалку. Одежоро. Утих дождь. Но западный ветер развил сильную волну, почему мы, прокачавшись на волнах до 3 час. дня, пошли было обратно в Томариоро. Но волны расходились настолько сильно, что пароход бросить якоря не решался: может волной сорвать с якорей и выбросить на береговые камни... Как быть? До Маука на юг — 4 часа хода, до Нодасан 2 часа; на север до Кусиннай — 2 часа... Но ни в один из этих так наз. портов

мы не могли зайти: все они одинаково беззащитны от сев.-зап. ветра! Пришлось выйти в море, и там, легко работая винтом, пароход боролся с волнами и ветром до 4 час. утра! И так, — 13 часов мы качались на волнах, а я хотя и не болел, но 13 часов вылежал из-за ветра и дождя в каюте... Тяжелое ощущение во время качки! Сидеть, — сразу закружится голова. Лежишь с открытыми глазами, — опять пред тобой предметы, то представляются двигающимися, а то — и летящими! Но закрыть глаза чем-нибудь, — много легче переносится качка. Ощущение верха и низа так ясно и при закрытых глазах... А когда тебя качнет вправо, когда кинет влево, когда ты поползаешь по полу со всеми одеялами ногами вперед, а когда — головой вперед, — трудно предугадать! Нет аппетита, не хочется даже чая, болят от долгого лежания бока... Неприятные часы!

31-мая. В 4 часа утра снова пришли в Одекоро. Но волна была еще сильная, с берега дали сигналы: «баржи выйти не могут». И мы пошли опять в Оотомариоро! Лишь теперь, в 9 ч. у. мы захватили почту и пассажиров, протолкавшись в Томариоро и около него с 3 ч. веч. 29 числа до 9 ч. у. 31 числа. т. е. 37 часов!!!

Но волна постепенно утихла. Мы снова (уже в который раз!) зашли в Одекоро и погрузили 1.200 кулей «кас» (рыбного тука). Число барж не так велико, — одни разгружают в пароход, другие нагружают на берегу. А до берега — не менее версты. И мы кончили погрузку лишь в 5 1/2 час. вечера...

Все же какова настойчивость капитана! Каково желание взять груз! Сколько раз он проходил и уходил! А не бросил ведь груза! Хотя если бы и бросил, то — не на зиму груз остался бы, а всего на неделю! Нет, — без сомнения «Оосака Сеосен Кайся» недаром называется «Сеосен», коммерческим обществом: интересы и свои, и промышленников блюдет!!

Снявшись с якоря в 5 1/2 ч. веч., мы в 7 ч. веч. прибыли в Нодасан. По пути встретился вычинившийся пароход «Дайтей-мару». Долго капитаны переговаривались системой флагов, где грузы взяты, и куда нужно зайти и взять!

В Нодасане погрузили массу «абура», рыбьего жира, в жестяных ящиках из-под американского керосина пересылают его в Японию, где рыбий жир поступает для очистки на специальные заводы ...

1-е июня. На рассвете ушли из Нодасан в Тообуцу (около Нодасан); здесь погрузили «кас», рыбий жир, сушеную треску.

Пароход наш не только нагружился, но кажется, «перегрузился». Больше нигде не будем грузиться не потому, что грузов нет, а потому, что некуда грузить! Ящиками с рыбьим жиром и сушеной треской завалены все палубы, все проходы! Пароход сел глубоко, и немного кренит его. Но если не будет большой волны, — опасного ничего нет!

В 3 часа дня прибыли в г. Маука, но я на берег не выходил: весь город был украшен флагами, фонарями. Сегодня здесь «праздник завоевания Сахалина». Да, к моему удовольствию, и недолго мы стояли здесь! В 5 ч. веч. уже снялись с якоря, направляясь прямо в Оотомари. В числе пассажиров — профессор и два члена парламента, ездившие в окрестности Наяси и далее, отыскивать уголь. Нашли, и образцы его везут.

* * *

Впервые берег Маука — Ниси Ноторо прохожу ночью. Какая разница с тем, что я видел к северу от Маука! Селений почти нет, рыбалок мало... Чем объяснить, что юг японского Сахалина пустынное, чем его север??

Разговорился я с профессором-геологом. Учился он, оказывается, в Германии.. На положение Сахалина смотрит здраво: летом — да, оживленно здесь, но все эти рыбаки — пришлые люди из Аомори — Акита Ничата — Каназава, и вообще — с западного берега Японии... Зимой же они все уезжают в Японию, и остров «наканак хиракемасен» не поддается развитию. Вот если здесь разовьется каменноугольное дело, требующее круглый год рабочих, — тогда будет надежда на его развитие!

И чувствуется, что в словах представителя науки много «трезвости», спокойного и правдивого взгляда на вещи...

2-е июня. В 8½ ч. утра прибыли в Оотомари. На рейде стоит громадный пароход «Хокуто-мару», грузит шпалы в Корею. При нас из Охотского моря пришел китобойный пароход «Хакуун-мару» с иностранцем-китобоем на борту. Притащил захваченного цепью сбоку кита, но говорят — не из больших: всего сажень 8 в длину. Разумеется, я на лодочке ездил его

посмотреть! В порту еще небольшой рыболовный пароход. И при нас же вошел «Хиросаки-мару»... Итак, пять пароходов одновременно!

Ровно в 12 час. дня снялись с якоря... Слава Богу: теперь без остановки до Отару. Надоело безделье!

Пароход шел, как усталый под большой ношей путник. Но на его, и наше счастье погода стояла хотя свежая, но не бурная, и мы 3-го июня в 3 ч. дня бросили якорь в порту Отару.

* * *

Итак, еще раз я съездил к русским на Сахалин! Где-то позади остались и пьяненькие, и пьяные Буберы, Рыбкины... Но их покрывают собою в моем сердце радующиеся и душу радующие жители Наяси.

Да, одни из них «в опасности». Гибнут они от пьянства в невежестве.

Но и другие без церкви, без учителя, без батюшки, без утешения скорбят, печалются...

Пошли же, Господи, всем им врачей, утешителей, просветителей! Да загорятся ярким светом для сих «сирот» и храмы Божии, и школы в стране чужой!

Иерея, учителя, храмов, школу — вот чего я желаю и прошу для возлюбленных, несчастных русских на южном Сахалине.

III

В СЕНТЯБРЕ 1911 ГОДА

Не напрасны были слезы сирот сахалинцев! Не остались неслышанными Богом вздохи их много-много настрадавшихся сердец! Не отказал, по милости Божьей, в их святых желаниях Св. Синод! С 1911 г. на южном Сахалине открыт приход, в состав коего должны войти оставшиеся в японской части острова русские, переселившиеся на южный Сахалин православные из японцев и все православные орочны. Даны Св. Синодом и средства для иерея и псаломщика. Даже более, чем ожидать можно, получил южный Сахалин: даны Св. Синодом потребные суммы и на содержание учителя.

Слава и благодарение Богу, подвигшему сердца святителей обласкать своею милостью сахалинских сирот!

* * *

Великое дело — средства, деньги... Но кто пойдет из Матушки-России в такую даль? Кто предпочтет благоустроенным приходам сих разноплеменных и всюду рассеянных овец Христова стада? Кто, не прельстившись работают в организованных уже приходах, возымеет мужество идти на развалины и начать снова все организовывать?

И невольно тревогой билось сердце... А что, если опозорюсь? А что, если окажется, что деньги дать много легче, чем найти хороших людей? Что, если и с деньгами останешься без людей? Ведь еще тяжелее будет тогда и твое сознание... А каково и сахалинцам-то сознавать: «и за деньги-то к вам не идут»...

Да, поволновалось сердце немало. И не только тогда, когда не было найдено для Сахалина никого, — ни иерея, ни псаломщика, ни учителя! Но, кажется, еще более тревогой было сердце полно, когда найденный иерей о. Н. два месяца не ехал к нам; да и вестей о себе не давал.

Но, рассеялись, наконец, облежавшие сердце тучи, засветилось в душе яркое солнышко. Весело смотрится на мир Божий. Заранее радуешься радостью сахалинцев: хоть и поздно, но прибыл, у нас уже о. Н.!

Прервал я свое путешествие по северо-восточным церквам Японии и, встретившись в г. Аомори с о. Н., проехал с ним на остров Хоккайдо, в г. Отару, уже знакомый читателям порт. Как дважды побывавший на южном Сахалине, я имею поручение проводить к месту службы прибывшего о. Н.

* * *

ОБРАЩЕНИЕ С ЮЖНЫМ САХАЛИНОМ

Нет никакого сомнения, что только тот, хотя бы и отдаленный, край страны почувствует себя частью единого целого, одной империей, в который вливается постоянно жизнь митрополии с ее продуктами, с ее людьми, с их интересами и из которого обратно льется жизнь в митрополию... Но этот «взан-

мообмен» будет сонным, если мало путей сообщения с краем. А при совершенном отсутствии путей сообщения и совершенно прекратится сей взаимообмен «кровью», жизнью у охраны с центром.

Посчастливилось в этом отношении южному Сахалину! Сообщение Японии с островом устроено идеально хорошо! Но пусть вместо фраз говорит дело! Как можно попасть на южный Сахалин?

Прежде всего, отправляются на южный Сахалин из Хакодате через Отару, с заходом в Оотомари до г. Маука пароходы Ниппон-Юусен-Кайся «Хиросаки-мару» и «Камикава-мару» (по 1450 тонн). С мая по октябрь включительно они делают по 6 рейсов ежемесячно, в ноябре пять рейсов, в декабре — два рейса, в апреле — три рейса. Таким образом, эти пароходы, обслуживающие прежде всего почтово-пассажирское движение, делают 46 рейсов в год, прерывая их лишь в январь-март, когда гавани Оотомари и Маука покрыты льдом.

Но даже в эти холодные месяцы не останавливается сообщение с островом! Его поддерживает пароход «Дайрей-мару» (Оосака Сеосен Кайся). Пароход — ледокол и при своих значительных (1337 тонн) размерах прекрасно справляется со льдами в Оотомари и Маука. Посещает он следующие порты по западному берегу острова: выйдя из Отару и зайдя в Оотомари, он имеет остановки в Маука, Нодасан, Томариоро, Кусиннай, Осеро, Кита-Наяси, Амбецу и на обратном пути — то же, кроме Осеро, но вместо этого заходит на остров Кайбато (Монерон). Итак, — в 9 пунктов заходит «Дайрей-мару», совершая с апреля по ноябрь включительно по 3 рейса ежемесячно до Амбецу (у русской границы), а с декабря по март включительно по три рейса укороченных (Отару — Оотомари — Маока — Кайбато — Отару). Три рейса ежемесячных дают 36 рейсов годовых!

То же коммерческое (Сеосен) общество содержит рейсы и по восточному берегу острова. Но бурное Охотское море дает возможность плавать лишь с мая по октябрь включительно, когда пароход «Цикугогава-мару» (ок. 700 тонн) совершает рейсы дважды в месяц, посещая пункты «Хакодате, Отару, Оотомари, Чибисани, Тоннай, Сакаехама, Хигаси-Сирарака, Моттомари, Сиска, Чиривисани, Аузараси-дзима, Циппутома-

ри, Уеннай (у русской границы) и обратно те же порты». В 6 месяцев «Цикугогава-мару» посещает остров 12 раз.

Но этим еще не исчерпываются срочные рейсы на южный Сахалин. Вот — по восточному берегу, заходя в те же порты, ходит раз в месяц частный пароход «Цуруга-мару»; делаю 6 летних рейсов.

А по западному берегу два раза в месяц, 16 раз в год, ходит пароход «Суруга-мару», выходя из Хакодате, с заходом в Отару, он посещает Кайбато, Хонтоо, Пироци, Маука, Урандомари, Нодасан, Томариоро, Кусиннай, Усиноске, Моебиси, Осеро, Естор, Кита-Наяси, Амбецу и те же пункты в обратном направлении.

Я уже не говорю о грузовых гигантах-пароходах, постоянно грузящихся лесом в Оотомари; о бесчисленных пароходах и пароходиках частных рыболовных компаний, о специальных грузовиках каменного угля... Одних срочных, почтово-пассажирско-грузовых рейсов $46 + 36 + 12 + 6 + 16 = 116$. Количество почтенное, говорящее само за себя! И хотелось бы для уразумения сей цифры лишь спросить: а сколько срочных рейсов делается на северный русский Сахалин?

Да, северная новая окраина Японии связана живыми нервами с новой своей митрополией!

ИЗ ОТАРУ НА САХАЛИН

29 авг. (11 сент.) мы с о. Н. прибыли в Отару. Но срочный пароход «Дайрей-мару» отложил свой отход до завтра. Пришлось дожидать сутки, закупаю кое-что, необходимое для Сахалина.

Ровно в 12 час. дня 30 авг. (12 сент.) загудела сирена: то «Дайрей-мару» выходил из гавани. Погода была прекрасная, расстояние до Оотомари — 227 миль, — должны придти в Оотомари, при благоприятной погоде, завтра в 9 час. утра. Переход занимает всего лишь 19 часов. Впрочем, тихоходы плетутся от 25 до 30 часов.

К сожалению, лишь в море узнал я, что в то время, когда мы выходили из Отару, приехал сюда, направляясь в Токео, сахалинский губернатор г. Хараока. Разумеется, много приятнее было бы иметь дело с самим хозяином, — а дел предстоит мне исполнить много и довольно щекотливых. Но пришлось

утешать себя тем, что не может же остров остаться без хозяина, а если нет дома губернатора, будет всегда на месте его заместитель.

Не мало хлопот причинили нам и билеты! Купили мы их до самой крайней цели нашего путешествия, с правом делать в попутных портах остановки. Билет будет действителен на 3 месяца, — разъяснили нам в агентстве. Каково же было наше удивление, когда контроль заявил, что билет сей допускает перерыв путешествия лишь на 5 дней, а потому у нас он неизбежно потеряет силу. И, вероятно, указание на нелепость сих 5 дней, когда рейсы совершаются через 11 дней, убедило капитана оказать нам особую (чокусецу) любезность, разрешив воспользоваться сим билетом и на следующем рейсе «Дайрей-мару».

Свежий, прохладный ветерок не располагал проводить время на палубе. А скоро наступил и вечер, когда наслушавшись вдоволь грамофонной какофонии, можно было лечь спать: мы с о. Н. в особой каюте. Жаль лишь, что от табаку, да еще дурного, нет спасения и в каюте: ползет его дым через все щели!

31 авг. (13 сент.)... Ясное утро. Давно уже мы оставили налево «Нисиноторо-мисаки».. Налево виднеется берег, который уходит куда-то в глубь залива, постепенно принимая все более бледные цвета... Вместо него вырисовывается все яснее и яснее другая, правая сторона залива... Вот уже заметны крыши, дымит какая-то труба... пред самым входом на рейд Оотомари обгоняет нас вышедший на 2 часа позднее «Хиросаки-мару»... Мы прибыли в Оотомари...

Но как быстро меняется картина! С юго-востока над самой водой надвигается темное облако: то стелется все ближе и ближе туман. Еще пять минут, — и исчез из виду даже наш сосед «Хиросаки-мару», лишь по грохоту подъемной лебедки можно было определить, где стоит гигант, грузящий лес... Не видя ничего пред собой и определяя берег лишь по шуму, по звукам, плывем мы на большой барже... Пронизывает туман до костей, отсырела одежда, неприветливо встречает Сахалин нас!

В ООТОМАРИ

Лишь на полчаса каких-нибудь опоздали мы, и пришлось ждать вечернего поезда. А до него еще 6 часов! Остановились и обогрелись в гостинице. А потом сходили посмотреть город... Одна из первых встреч: идет Егор Бубер... это — тот самый Бубер, который был безнадежно пьян в прошлом году и довел меня почти до слез малодушия... нынче трезв, одет в чистый пиджак... «Прости, батюшка, за все, что было в прошлом году», — догадался начать свой разговор Бубер..

— «Ну, ладно, что чувствуешь свою вину... Бог простит... Все еще пьешь? — спрашиваю я. — «Никак нет, больше не пью... так что ихняя «сача» (т. е. sake) мне вредна, а спирту стало не достать...» — Так или иначе, но даже Бубер не пьян, и кажется — не пьет... — Еще встреча: идет молодой парень с закрученными усами... оказался — Фома Кривовезов, и кажется, весьма рад был, когда пришло время сказать «прощайте»...

В городе перемен мало... Строятся кое-где новые дома.. и рядом с этим — масса домов пустых, заброшенных, полуразрушенных, развалившихся... Оказывается, сначала в Оотомари было «Карафуту-чео», управление островом... Разумеется, масса чиновничества кормила город. Но «Карафуту-чео» перевели в г. Тохара, и отселе началось некое запустение Оотомари...

Впрочем то, что осело, видимо, осело твердо. Что же касается властей города, то ими делается все, что может послужить к процветанию города. Право, глазам не верилось, когда увидел я от самой пристани Сакаимацци до станции Оотомари проложенную легкую конно-железную дорогу в две колес (Рис. 1)... И вот те 4 версты, которые брали столько времени и сил у тебя, теперь едешь в легком вагончике за 5 коп. Да, «по-щучьему велению» выросла эта дорога... и многие за нее спасибо говорят и скажут!

Но это «щучье веление» еще яснее почувствовалось, когда около 4 час. веч. мы пришли на станцию. Где «игрушечная» железная дорога? Где эти «паровозы-самовары»? Где эта дековилька? В мае прошлого года я еще смеялся над нею, а в сентябре того же года дековилька была перешита на обычную японскую железную дорогу! Устроены станции-игрушечки в городах Оотомари (Рис. 2) и Тохара... «Игрушечки» — ибо

так красивы они, окрашенные в бледно-розовый цвет! Увеличено число станций до Тоехара на 2... А говорят — ведут железную дорогу и к северу от Тоехара... Но это увидим после.

В 6 часов вечера прибыли в город Тоехара, где и остановились в знакомой уже мне по прошлому году гостинице «Хокуицукан». Вскоре пришел христианин-японец Иоанн Накао, с которым и провел я свой первый вечер в Тоехара.

В ГОРОДЕ ТОЕХАРА

Итак, я в Тоехара, в столице острова, бок о бок с властями... Можно приступить и к делам...

Но какие у меня дела, — спросит у меня читатель. Разумеется, цель моей поездки — не проводить лишь к месту служения о. Н. Он сам — 31 года, из бывших военных: смог бы и сам на остров приехать, и русских отыскать...

Но есть дела, требующие именно моего присутствия. Дело в том, что получив причт для Сахалина, его высокопреосвященство обратился к императорскому послу, гофмейстеру Н. А. Малевскому-Малевиц с просьбою исходатайствовать нам у японского министерства иностранных дел возвращение церковных зданий и церковных вещей, оставшихся после русских в южной части Сахалина... Официального ответа мы не получали. Но переводчик при «Карафуточео» господин А. известил письмом своего знакомого нерея, отца Павла Морита, что по распоряжению губернатора острова все церкви приготовлены к сдаче, собраны-де и церковные вещи... Ждут лишь из Токео «приемщика»... Поверив всецело сему письму, мы даже спешили «принимать» отдаваемое обратно нам... Тем грустнее было стать лицом к лицу пред некими «недоразумениями»...

Пасмурное утро 1 (14) сент. Я только что отделался от корреспондента, как доложили мне, что пришел из Карафуточео переводчик господин А. С радостью я приветствовал его... Но не столь радостны были вести его... Церкви освобождены от насельников и починаются... Собраны и церковные колокола... Но губернатор уехал в Токео... Сегодня он туда прибудет, и сегодня-завтра он телеграммой же ответит относительно передачи вам церковных зданий и вещей... Дело в том, что нас ждали дней на 10 позднее... Но губернатор уже извещен о ва-

шем прибытии»... — Таковы первые речи; не скажу, чтобы от них ясно стало на душе. Но делать нечего», — нужно ждать телеграммы и распоряжений.

Съездили на извозчике в русскую Владимировку... В доме татарина Садыка Гофорова взяли комнату для походной церкви... Повидались с Анной Богдановой... Порадовал меня старик Ипполит Федоровский: совершенно перестал пить и занимается разноской хлеба. Но узнал я и скорбные вести: цыган Николай Копаненко, мой кучер в третьем году, мой провожатый в прошлом году, убил прошлой осенью на охоте японца и присужден к 7 годам тюрьмы... Убил поляк русского в Мачунготане... От сего русского, Крылов его фамилия, осталась жена и четверо сирот... Скорбно и стыдно, что и на Сахалине не усмирились их души и дерзнули на убийства! Впрочем — в пьяном виде!

К вечеру о. Николай уже раскинул свою походную церковь и начинает в ней свои ежедневные службы... Без них он скучает, — так полюбил он сии часы общения с Богом, всего лишь нынче удостоенный священства, получив к нему подготовку на московских курсах прот. И. И. Восторгова.

2 (15) сент. Ясная погода, хотя набегающие облачки и не дают еще забыть вчерашней непогоды... Весьма прохладно. Ровно в 7 час. утра я был уже в доме Садыка, где и вступил в исполнение неожиданно явившихся моих обязанностей: прочитал часы и спел обедню, ибо псаломщика о. Николай не привез, а петь и читать здесь некому. С великим духовным утешением пел я обедню. И тем лучше молилась душа, что батюшка о. Николай служил как-то особенно хорошо, одухотворенно... В Бога он уходит, с Ним он как бы сливается во время молитвы... И дай, Господи, чтобы поняли его русские страдальцы, услышали глас его и пошли бы на его огонек... Но боюсь, — не огрубели ли их души настолько, что не их нужно будет ждать к себе, а самому придется идти к ним и искать их.. И достанет ли на сие у о. Николая и умения, и желания? Помогни ему Ты, Господи!

Чудно было на душе, когда я возвращался после литургии к себе в гостиницу... Но настроение мое еще более повысилось, когда пришел в 9 час. переводчик и сообщил, что телеграмма от г. губернатора получена, и его заместитель г. Нака-

гава ждет меня с о. Николаем и прислал за нами губернаторских лошадей.

Поехали мы в Карафуточео.. (Рис. 3). В губернаторском кабинете принял нас заместитель губернатора г. Накагава, — симпатичный человек лет 50, в генеральском чине, джентльмен в полном смысле слова, джентльмен не по внешней отделке, а по благородству своей души.

Мы представились ему. А он высказал радость по поводу того, что с приездом о. Николая и русские получают пастыря, попечителя своих душ... А затем сразу сообщил мне, что г. губернатор, повидавшись в Токео с кем нужно, телеграфировал следующее: а) собранные из разных мест церковные колокола, числом 7, они теперь же «сасиагемас» дарят нам обратно; б) не имея по закону права уступать землю в собственность иностранцам, — они теперь же дают на 10 лет в бесплатную аренду участки земли под церковными зданиями, с правом возобновлять при надобности аренду; в) что же касается церковных зданий в Тохара, Крестах, Галкине-Врасском и На-ясах, то вернуть их нам в собственность здесь, на Карафуте, есть полное желание. Но в Токео вырабатывают какие-то особые правила, по объявлении коих и может лишь состояться официальное возвращение нам церквей... А до той поры-де губернатор разрешает нам пользоваться зданиями и починять их...

Конечно, приятнее было и о церквях услышать: «каесимас» — «возвращаем». Но пришлось пока удовлетвориться и тем, что получили! Особенно ценно возвращение нам колоколов: душа удовлетворена!

Только что я успел возвратиться в гостиницу, как г. Накагава прибыл с ответным визитом. Право, как-то невольно влечется к сему благородному человеку. Но недолг был наш разговор: в 11 ч. 30 мин. дня отходит поезд на север от Тохара, и этим поездом я намерен выехать для осмотра и «чернового» приема церквей в Крестах и в Галкине-Врасском.

В КРЕСТАХ

Ровно в 11 ч. 30 м. дня уселся я с переводчиком г. А в вагон и поехал от ст. Тохара (рис. 10) на север. И так, — дорога на север от Тохара не в разговорах только: она — «по шучь-

ему велению» явившийся факт! Пока открыто движение лишь верст на 15, до деревни Березняки (рис. 11). На этом пространстве однако устроены три станции — Кусано (Луговое), Конума (Ново-Александровское) и Томиока (Березняки). Но полотно железной дороги почти совершенно готово и далее на север, проходя через Кресты, Большое Такое, Галкин-Врасский до Дубков (рис. 12), частью и на этом пространстве движение начинается нынче осенью; но совершенно открывается вся линия будущей весной.

Оотомари — Тоехара — Сакаехама (т. е. Корсаков — Владимировка — Дубки), — вот линия железной дороги... И сколько удобств она доставляет рыбопромышленникам! Теперь не нужно будет ждать в Оотомари 10 дней парохода, чтобы попасть в рыбалки по восточному берегу. Четыре-пять часов езды, — и ты дважды в день можешь прибыть туда!

А говорить ли, сколько удобств эта линия доставляет жителям той долины, которая от Солонески тянется почти до Дубков? Сколько лесу «выкачает» эта линия с тех гор, что лежат направо и налево от нее!

Да, если пароходы берут в изобилии то, что дают берега и прибрежные воды, то эта линия вошла в самую середину острова и дает метрополии его произведения.

Но управление островом не намерено ограничиться этой дорогой... И не за горами, вероятно, время, когда отдающие благоустройству острова всю свою душу местные деятели осуществят свое намерение, т. е. протянут железную дорогу к северу (по вост. берегу) до Мануе, выведут ее на западный берег в Кусуннай.

* * *

От Тоехара до Томиока поезд не шел и часу. А в Томиока нас уже ждала подвода из д. Большое Такое, заказанная по телефону... Неправда ли, весьма удобно сидеть в Тоехара и заказывать по телефону себе подводу! А ведь Большое Такое, — самая обычная деревня!

Подал нам пару лошадей татарин Юсуп Сафьюлла, экипаж — обычная рабочая двуколая телега. На соломе — соломенный мат, по-японски сидеть удобно. Но когда я попытался сесть по-русски, мои ноги оказались на уровне головы... Приш-

лось в первой лавчонке попросить пустой ящик и его иметь за сидение. Не особенно комфортабельно. И не всегда безопасно. Но при некотором внимании можно было и не вывалиться из телеги.

Дорога от Березняков через Кресты, Большое Такое до Малое Такое — еще постройки русских каторжников. Говорят, пред самой войной или во время ее были отпущены большие суммы на ее ремонт... Но эти суммы дороги не улучшили нисколько, и сейчас она хороша там, где и без помощи людей будет всегда хороша, т. е. по горкам; сносна на ровных местах... Но ямы и непролазная грязь на низменных местах. И как обидно слышать: «погоди, батюшка» — от Малое Такое до Галкина будет новая дорога, японская! Закатись!» И действительно, — там «закатись», а как нашей постройки, — так «берегись, батюшка»... Обидно русскому сердцу... Но японскому умению строить и поддерживать дороги — слава!

Однако, мы уже и в д. Кресты... Русских здесь не осталось никого. Но стоит в рощице березок, ясеней и других деревьев наша большая церковь. Крестообразное, бревенчатое здание, подгнили лишь нижние венцы. Куполок сгнил, креста нет. Иконостасная перегородка осталась. Рамы, счетом шесть, сделаны новые, за счет Карафуточео. Не успели в одной из них вставить 3-4 стекла. Но — «стекла, вот, сейчас будут вставлены», здесь же мне объяснил начальник местных деревень, Устроены ими же новые двери наружные, новая солся... Вообще, — спасибо: употребили все усилия, чтобы дать нам не развалины, а подобие церкви... Но, разумеется, — внутри пустота!

Перед церковью, вероятно, висел колокол, над звонницей цел еще крестик. Направо и налево от входа к церкви дома, — полагаю, были церковные. Теперь в большом из них школа. Забора уже нет.

Осмотрев церковь, я принял от нее ключ. Здесь же отмерил и тот участок земли, что дается нам в аренду. Поставили знаки: «Японская Православная Церковь»..

Дело было кончено... Опять торжественно взгромоздился я на ящик из-под американских керосиновых жестянок и поехал далее. Можно было доехать, конечно, и до Галкина-Врасского. Но там предстояло бы затруднение с ночлегом. Поэтому доехав до Большое Такое, — в нем и заночевали.

В д. БОЛЬШОЕ ТАКОЕ

Деревня Большое Такое далеко не так велика, как можно подумать, судя по ее названию. Однако, здесь помещается деревенский начальник, есть городской, почтовое отделение и даже телефон...

Но какую грусть наводит и эта деревня, да и другие бывшие русские деревни! Населения русского нет: часть убита на войне, часть перестреляна во время войны, многие ушли «на материк», некоторые предпочли материк северный Сахалин.. Население бросило свои постройки, побросали свой скот, который массами погибал от голода в тайге...

А новое население, так быстро выстроившее города Оотомари, Тохара, Маука, так переполнившее всю береговую линию, — новое японское население внутри острова, на русские места, в русские деревни, идет туго.. И вот, одни дома стоят без рам и дверей, но еще с крышей; другие уже и без крыши, и без потолка! Вот вместо двора, когда-то громадного, остались лишь столбы да часть бревен!... кое-где видны жители.. Но, видимо, и им избы русские не по душе! Да, — картина разрушения всюду!.. Есть даже совершенно опустевшие деревни (Ивановское).

Но почему не бежит население на готовое хозяйство? Мне кажется потому, что Сахалин дает все, что не нужно японцу, крестьянину, и не дает того, что ему нужно...

Много травы, можно разводить коров. Да. Но японцы давно ли пили молоко только в больницах? А и теперь, выпив молока, морщатся больше, чем после стакана уксуса! Творог? Но его считают «испортившимся» молоком и выбрасывают.. Масло коровье? Но из 10 человек его не будут есть пятеро, предпочитая ему масло растительное. Мясо? Но буддийская Япония не ела и не могла есть мяса; а теряющая старую веру Япония, если бы захотела мяса, нашла бы его всюду и помимокоров (куры, воробьи, выдры и т. д.)

Потом: хорошо родится рожь, особенно ярица. Но японцы не знают употребление черного хлеба, да и вообще хлеба. Родится овес. Но на что он? Кормить лошадей? Но на что они? Ведь рисовых полей здесь не устроишь! А картофель, огурцы, особенно редьку, фуки (дудки), гобо (лопух) можно возделывать и без лошади!

И вот стоят пустыми русские дома в деревнях. Не видно, чтобы строили крестьяне свои дома. Совершенно нет новых распахек. Да и на старых лишь «пробы», «попытки», что-нибудь сеять... И это рядом с большими хозяйствами русских!

Да и русские дома! В них стекла, много света; японцы стекла заклеивают бумагой. В них полы, а не мягкие соломенные татами (мары); но на полах без обуви холодно, а сидеть на досках жестко. В них печи: но печи занимают-де много места, — их срывают. А «хибац» — жаровни зимой, не достают...

Так или иначе, но население в деревни идет туго. Да и то, что идет — беднота кажется, что только при условии, если японец-крестьянин переменит одежду, обувь, пищу, словом — если он перерядится, — только при этом условии возможна крестьянская колонизация острова..

Доселе же торговцы, рабочие и чиновники в городах, рыбаки по берегам, — вот состав населения!

* * *

Но о. Большое Такое. Уже издали слышали хозяйна-старика собаки, за околицей радостным визгом встретившие его. У дома — жена, дочь взрослая, дети... Все здороваются, целуют руку у батюшки... «Вот так мусульмане», — думаю!

Отвели мне просторную, чистую комнату... Чай, булки в масле жареные, молоко холодное, молоко парное, молоко топленое... Много молока!... Словом, — радушие без конца!

Дед-старик Юсуп Сафы-юлла, 30 лет на Сахалине, 20 лет уже «с правами», из Саратовских татар... Состарился, а все еще мечтает о родине: там есть еще сестра...

Жена, старшая дочь, — все они ушли в хозяйство! Ведь одних коров у Юсупа 36!... Только подоить их, — сколько времени нужно!

Зять-татарин Гайнулла деятельный хозяин, имеет 4 лошадей, пашет, косит, на охоту по соболю ходит...

А четыре мальчика Дзямальдин, Камальдин, Джалалдин, Шяряфдин... Один красивее другого! Двое уже ходят в японскую школу и по-японски знают куда лучше, чем по-русски...

Впрочем, старик просит букварей, и сам будучи грамотен по-русски и по-татарски, хочет учить по-русски деток... А что касается японского языка, то здраво он рассуждает: «выу-

чишь чужой язык, — не за плечами его носить!... А когда-нибудь может и пригодиться!»...

Весь вечер прошел в беседах с милой семьей.. «Сколько же вы запахиваете?» — А трудно, батюшка, сказать! Сколько сил хватает!» — «А сена косите сколько?» — «А, опять, косим, где хотим, и сколько хотим... И всегда достаёт!»... Словом, — и земли, и воли много! Были бы лишь люди, да силы! И все же...домой, в саратовские края хочется... О, родина!..

Вечером предложили мне и г. А. (переводчику) прекрасный ужин... Потом я помолился по-своему, а Дзямальдин, Камальдин и прочие «дин» по-своему... На прекрасной постели я и нашел себе здесь же покой, недостававшее звено в раме заставив ящиком — сиденьем с телеги...

ЧЕРЕЗ МАЛОЕ ТАКОЕ В ГАЛКИН-ВРАССКОЕ

3 (16) сентября ночью был мороз и настолько сильный, что побелели мосты и крыши. Нам еще предстояло съездить верст за 13 в д. Галкино-Врасское. Опять та же телега, тот же ящик из-под керосиновых жестянок вместо скамьи... Побольше наложили лишь сена... Поехали.

До Малое Такое дорога русской постройки. Яма на яме. Но проехали благополучно. В реках, в речках, в ручейках, в канавах, — всюду, куда только есть ход, масса «горбуши», по-японски «масу». Был ее «ход» нынче особенно обильный... И вот горбуша тысячами вялится и сушится около жилищ айну, «масу» массой лежит выброшенная на берег и гниет, издавая зловоние, массу ее волокут по дороге, будучи не в силах снести ребятишки; «масу» еще горбатая всюду видно в мелкой воде, скопившись на каменистых перекатах... Но большая ее часть уже горбатая, и даже побелевшая... Значит, — негодная...

Интересна вообще жизнь и этой рыбы — «горбуши» и других, такой же породы (напр. кета). Идет она несметной массой, направляясь в устья речек, метать икру.. В это время она еще совершенно красная, что кровь, и очень толстая, жирная... Массу этой прекрасной рыбы и перехватывают рыбаки, особенно айну, в устьях сахалинских речек...

Но рыба идет постепенно, справляясь с стремительным течением речек вверх, предпочитая каменистые и песчаные ме-

ли глубоким местам. По мере того, как горбуша поднимается вверх, она все делается тоньше и тоньше, темный цвет ее спины переходит в коричневый, потом в бурый, наконец в пестрый... Мясо из красного делается розовым и в конце почти белым... Спина выгарбливается больше, чем у леща, голова вытягивается и заостряется.. Получается доскообразная горбатая рыба...

Наконец, она покрывается пузырями. А иногда и без них издыхает. Вся рыба, пошедшая метать икру, в море не возвращается и непременно издыхает.

Рыба соленая, вяленая, сушеная — очень дешева и служит хорошим подспорьем сахалинцам. Кормят ею и собак.

Часа 1 1 2 езды, — и мы в Малое Такое, где отдохнули в семье Никанора Щербакова. У него очень ждут батюшку, ибо есть некрещенные дети; да и свадьбу задумал Никанор.

От Малое Такое до Галкина-Врасского дорогу русской постройки забросали. Японцы построили новую дорогу. И мы по ней уже не плелись, а великолепно ехали.. Удивительно хорошо строят свои дороги японцы!

В Галкине-Врасском нас ждал уже начальник местных деревень, постоянно живущий в Дубках. Смерили землю под церковь, поставили знаки, принял я церковь... И здесь церковь приличная. Материал прочный, сохранились даже Царские двери, конечно без икон. Северная и Южная двери сделано все, чтобы остатки церкви сдать нам сколько-нибудь в сносном виде. Спасибо!

Но и здесь ни русских, ни православных японцев нет. Церковь приняли. Но как ею пользоваться? Или и ее перенести в Тохара, и из материала нескольких церквей устроить одну, да хорошую?...

В 2 часа дня я возвратился уже в Большое Такое. Поезд из Томиока уходит пока раз в день, в 1 ч. дня. К нему мы опоздали. Пришлось еще раз заночевать у добрейшего Саулыулла...

* * *

День был ясный, теплый. Но утренник напугал хозяев, и вся взрослая половина семьи ушла на заимки жать овес. С

ними же работают и нанявшиеся у татарина в работники Иван Баев, Николай Зеленев и Иосиф Чибашвили. Но кроме этих трех в Б. Такое есть еще русские, — всегда пьяный старик Дмитрий Кутузов и товарищ его по ремеслу Ванька непомнящий... «Только, батюшка, он на самом деле есть Дмитрий Соловьев», — объяснили мне русские.. Разумеется они были не в поле!

С Камальдином сходил я на русское кладбище... К югу оно от деревни... Высокой травой и мелкими деревцами заросло оно... Есть еще кресты, даже заборчики около могил... Но много крестов подгоревших.. Весьма смутился было я: неужели язычники-японцы так почитающие могилы, уничтожают кресты и заборчики... Но мальчик Камальдин разъяснил мне, что кресты подгорели во время пожара тайги, когда высокая сухая трава помогает огню проходить большие пространства и по пути уничтожает не только кресты на могилах, но и церкви и целые деревни... Так сгорела Церковь в Березняках с частью деревни... А нынче сгорела часть д. Елани...

Сходил я с Камальдином и на реку.. Близко она, — на их задворках. Горбуша хорошая, горбуша горбатая... Горбуша с икрой еще, горбуша на берегу гнилая... Достаточно было нам с Камальдином полчаса, и мы крюком, насаженным на длинный шест, выкинули на берег 7 хороших, с икрой, рыб, весом до пуда...

Приамурские рыбаки когда-то жаловались на Муравьева: «обманул их! Говорил: идет баба на реку за водой и коромыслом бьет бобра, а ведром черпает рыбу»... А рыбы-де не так много!.. — Что касается бобров, то коромыслом их на Сахалине не бьют, но рыбу при ходе достают даже руками! А медведи, выходя к речкам, выбирают лучшую рыбину и, схватив ее лапой, откусывают лишь голову, прочее бросая... Рыбные богатства — были, а не сказка.

Вечером опять полный стол устали радушные хозяева. А к ночи оказалось и стекло уже вставленным... Спокойно, в чистоте и тепле спал я.. И мне весьма позавидовал, вероятно г. А., в гостинице которого всю ночь был шум: один из посетителей убил свою молодую жену, сбжавшую от него и оказавшуюся здесь в услужении...

4 (17) сентября возвратился я в Тохара. На ст. Томиока, быв. дер. Березняки, сходили на место сгоревшей церкви: сто-

ит большой крест, предполагаю на месте алтаря.

Сюда ежедневно доставляются шпалы и рельсы: укладывают спешно путь к северу.

В Ново-Александровском устроен конский завод... Сюда же предполагают перенести из Троицкого и опытное поле..

Прибыв в Тохара, остановился было в скромном помещении Иоанна Накао. Но г. Нокагава (ищибучео) просил меня, в виду предстоящих еще дел и постоянных сношений личных и телефонных, остановиться опять в гостинице. Делать нечего, — «Хокуицукан» снова приютил меня...

Немедленно же сделал мне визит г. полицмейстер острова (санбучео) Маида. Он оказался ревностным христианином-англичанином. Прибыл ко мне в сопровождении своего «бокуси» (пастора) Ооя... Оказывается, английский пастор живет в Тохара уже 5 лет... Проповедует... Успех имеет... По праздникам собрания устраивает... И эти собрания посещаются всеми протестантами, без различия сект...

А мы-то доселе медлили, уступали поле брани... Еще ладно, что не соблазнились и наши христиане...

* * *

ЕЩЕ РАЗ В ТОХЕРА

5 (18) сентября. Побывал еще раз в «Карафуточео». Сообщил г. Нокагава о результатах моей поездки в Кресты и Галкин-Врасский... Поблагодарил его за любезности, коими я так обильно пользовался в пути... Но г. Нокагава, по телефону командовавший всеми этими любезностями, решил — кажется — продолжить их до конца в высшей мере: по его распоряжению пароход «Дайрей-мару» будет стоять в Наюси не столько, сколько нужно по расписанию, а столько, сколько нужно мне для исполнения моего дела.. Не любезно ли?!

Наконец-то сегодня я получил и нечто реальное: мне передали колокола, собранные в Тохара. Хранили их в кладовой, а доселе они висели на «Хиноми», японских пожарных лестницах (каланчах), и извещали пожары... К сожалению, два колокола, один без обозначения веса, приблизительно пудов в 10, и другой в 5 пудов, оказались разбитыми, с трещинами...

Итак, церковные, освященные колокола, — опять вы воз-

вращаетесь на свое служение! Слава Господу, призревшему на поношение святых своих!...

Принял я сегодня и в бывшей Владимировке участок земли под церковью... Принял и церковь... Но что за церковь! Нижние два венца сгнили... Вся она осела на юго-восточный угол... И рублена-то она была, видимо, наскоро, небрежно... А теперь, когда в ней перебивали японское полицейское управление, японская школа, частные лица, — она представляет собою какое-то решето: всюду всеми вырезались двери, дверки, окна, оконца... Конечно, все это «заштопано» наскоро, но церковь отсюда не улучшилась... Ремонтировать ее? Но это потребует больших денег... А в таком виде молиться в ней прямо-таки грешно! Лучше всего ее разобрать и ее материалом воспользоваться, как дополнением, при перенесении сюда церкви из Крестов...

В эту-то церковь я временно и перевел те 4 колокола, что сегодня принял в «Карафуточе».

* * *

6 (19) сентября принял я и прочие 3 колокола, но для сего пришлось съездить в Оотомари, где они были собраны. И этот день — день сюрпризов: с каждым шагом поражаешься, видя любезность местных властей!...

Прибыл на вокзал... Хочу купить билет: не продают! «Вы же служитель «веры», а все также, в пределах Южного Сахалина, пользуются правом бесплатного проезда по железной дороге, по билету II кл... — «Какую цель преследует эта льгота?» — спрашиваю я у переводчика... А ответ язычника слушайте вы, православные россияне! «Нужно поднять нравственность жителей острова; а для сего необходимо утвердить веру; посему-де и льготы предоставляются»... Какую веру утвердить, — это вопрос другой... И вот представителям всех вер предоставляют льготный проезд!... Право же поучительно!...

Приезжаю в Оотомари... Встречает начальник города с чиновниками.. В кладовой хранится большой колокол... Ведут туда... Вход усыпан песком, кладовая обтянута материями национальных цветов... Ими же завернут и колокол... Сдернули материи, — и передо мною 50-пудовый прекрасный колокол с двумя маленькими колоколами... «Возвращаем не с доса-

дой, а с любовью», — так заявили мне... И так, — полно колоколу звонить в буддийской кумирне! Опять он скоро будет «благовестить» в православном храме! Богу, нашему Благодетелю, слава!

Несложна история этого колокола... Принадлежал он церкви в Оотомари... Церковь во время высадки здесь японцев сгорела со всем Корсаковским постом... Но колокол спрятали... Однако «Ванька выдал», и им завладели солдаты... Но куда его девать? И вот армейское начальство дарит колокол буддийской кумирне (Ниси-Хонгондзи), откуда он сейчас и возвращается «к себе домой».

Наняв рабочих, я распорядился доставкой колоколов на станцию, для следования в Тоехара... Но на станции «на сегодня» не оказалось свободной платформы: везут рельсы на север, и состав поезда уже набран... Как быть?... Не ночевать же колоколу на улице?! Пришлось идти к телефону, соединиться с Тоехара. И через 10 мин., по распоряжению все того же г. Нокагава, нам была дана платформа и нашей платформой с колоколами заменили одну отцепленную платформу с рельсами...

Полный благодарности к Богу, полный благодарности г. Нокагава, преблагодарно я ему вместо с колоколом в Тоехара. Но сегодня — день приятных сюрпризов!... Вот на ст. Наказатоо (быв. Мицулевка) подбегает к окну вагона запыхавшийся, вспотевший русский... «Батюшка! Третий год ездите, почему же ко мне не заедете? Что ж, что я поляк!... Я такой же русский!...» — Оказалось, — это поляк-католик Иосиф Любовицкий, отец Миши, торгующего хлебом... Увидел мое лицо в вагоне, работая рядом с железной дорогой, и вот прибежал нарочно звать к себе... И вспомнились мне русские сепаратисты, вражда польских воинствующих католиков... И поблагодарил я Бога, здесь соединившего расточенное: «разве я не такой же русский?»... И я дал слово побывать у Любовицкого, когда улучу свободное время...

Уже стемнело, когда я возвратился в Тоехара. Малые колокола я сразу же отвез в церковь... А большой откатил с платформы к кладовым. Завтра платформу прикатят к церкви (линия проходит саж. 100 от нее) и колокола там спустят на землю... А наше дело — его доставить к церкви... Опять, —

не любезно ли железнодорожное начальство? Ведь от станции до церкви — не меньше 1 версты!

* * *

7 (20) сентября. Я с раннего утра у церкви, в бывшей Владимировке. Не без труда доставили на катках 50-пудовый колокол. Потом, устроили за алтарем фундамент (рис. 4) и пол для колоколов и, оставив их на этом полу, покрыли крышей, через которую не мог бы проникать ни дождь, ни снег. В церкви собирать колокола — опасно. Так здесь часты горные и лесные пожары, что мы всегда были бы в опасности потерять не только ветхое здание церкви, но и колокола. А они — несомненная ценность! Вот точный список их: № 1, колокол в 51 п. 4 ф.; надпись на нем: «вылит сей колокол в Москве в заводе Павла Николаевича Финляндского. Весу 51 п. 4 фун.» На колоколе изображения Спасителя, Божьей Матери, Иоанна Крестителя и Святителя Николая. № 2, колокол в 15 пуд. 25 ф.; надпись на нем: «лит в г. Валдае в заводе П. И. Усачевой 1891 г. Весу 15 п. 25 ф.». Изображений нет. № 3, колокол приблизительно пудов в 10, с трещиной; надпись на нем: «колокол лит в Олонце на Обжинском заводе С. И. Б, купца и почетного гражданина А. Д. Пиккиева 1865 г.». Изображений нет. № 4, весу 5 п. 3 1/4 ф., с трещиной, без надписи, с изображениями Рождества Христова и (вероятно) Свят. Иннокентия. № 5, колокол с надписью: «Вес 2 п. 17 ф. о. Сах. 1902 г.». № 6, колокол без изображения, с надписью: «лит в заводе П. И. Оловянишникова сыновей в Ярославле. Вес 2 п. 3/4 ф.». № 7, колокол без надписи и изображений, весом в 1 п. 7 1/2 ф.»

Итак, по милости Божьей под крышкой за алтарем церкви приютились 7 наших колоколов, в общем в 87 п. 17 3/4 ф. весом. Два из них разбиты, — перельем! И загудят они снова над г. Тоехара, благовествуя Христа и глашая в его ограду... Слава, слава Богу!... Хорошо на душе!...

* * *

ОБЕД У ГУБЕРНАТОРА

От имени г. губернатора Хираока я и о. Николай были приглашены г-м Нокагава на обед, устраиваемый по случаю нашего прибытия. Этот обед и состоялся сегодня. В числе

приглашенных, числом до 20, были все главные чиновники «Карафуточео» и представители разных вер. Христианство, кроме нас двоих было предъявлено епископальным пастором-японцем г. Ооя, буддизм представляли бонзы сект Ниси-Хонгандзи, Хигаси-Хонгандзи, Ницирен-сю, Дзеодоо-сю, Зен-сю и ее подсекты Соотоо-сю... Все в своих парадных одеждах, с четками в руках, с «кеса»-ми на шее.

Сначала чинно мы представились друг другу и полчаса провели время в обычных предобеденных разговорах обо всем, и ни о чем, с одной думой: а скоро ли, все же...

Но вот лакей доложил: «готово», и мы с г. Нокагава в роли хозяина идем в губернаторскую столовую, — обед происходил в доме губернатора... Роскошно украшенный стол уставлен обильными приготовлениями японской кухни... И право, приятно было: свое ценят, своего не стыдятся, своим угощают!...

Но не в угощении дело, хотя оно было не только обильно до излишества, но и причудливо до поразительности, и для привыкшего (а я — из таковых) — превкусно! Дело в сердце хозяев... А оно сказалось в речах!

По японскому обычаю, обед открыл своей речью г. Нокагава... Красиво была она построена, но прекраснее смысл ее, — вот он: «...и оставшиеся на острове русские — не из лучших русских граждан, и переселяющиеся японцы — не цвет японского общества. Это-де, вероятно, уже понял еп. Сергей. Нужно поднять нравственность островитян... А как это сделать без веры?... Вот почему они и приветствуют прибытие на Сахалин о. Николая для служения, а мое — для устройства церковных дел».

На речь заместителя г. губернатора ответил и я речью, в коей указал, что Христос, Сам пришедший не для праведников, а для грешников, и нас обязывает заботиться не только о лучших гражданах, но и — по-человечески рассуждая — об отбросах их! Посему в России были и есть церкви и в тюрьмах, и в каторгах. Были они и на Сахалине. И служители церкви в свое время много поработали для сахалинцев.

Теперь, после невольного долгого перерыва, снова является к «несчастливым» пастырь... И слезы сахалинцев пусть скажут, как он нужен их душам. Верьте же, что только помочь русской душе стать лучше, — только для сего прибыл о. Николай. И полюбите его, и помогите.

Но православными оказались орочны. Есть православные и среди гиляков, и среди айнов.. Разумеется, — если и их научит жить по вере Христовой о. Николай, — он сделает, верю, работу только полезную для острова. Посему и на эту его работу смотрите с доверием к доброй цели ее. И помогите ему.

Но, заключил я, я не сомневаюсь в том доверии, в той любви, какую и дальше встретит о. Николай. Сему ручательство то поразительнейшее внимание, каким мы оба окружены здесь с нашего появления на острове...

За сию любовь я и принес благодарность милейшему человеку г. Нокагава и просил засвидетельствовать таковую же и г. Губернатору.

Говорил тепло, выражая свою любовь к нам, пастор Ооя; говорил, сердечно приветствуя нас, бонза секты Соотоосю... Не обошлось без тостов за губернатора, за владыку архиепископа, за нас, за г. Нокагава...

Да, — с широко открытым сердцем встречают власти острова возрождающуюся нашу Церковь на Сахалине... Только... нам бы не осрамиться там и все устроить «достойно» и православия и России...

А за широко открытое сердце воздай, Господи, Ты всем, воздай путями, иже Ты веси!...

Усеянное звездами небо... Пустынная уже улица... С добрым чувством в душе возвращались мы к себе на отдых... Ведь завтра — праздник Рождества Богородицы, — будем служить и утреню, и литургию. Будут и причастники!

* * *

8 (21) сентября. Пред службой исповедались у меня Федоровский, Богданова и Соловьев («Ванька Непомнящий»), а за литургией и св. Таинн, приобщились. После службы сделал я прощальный визит г-ну Нокагава, поблагодарив его и за вчерашнее угощение.... Г. Нокагава очень близко принял к сердцу мое желание иметь в Тоехара хороший участок под постройку церкви и просил лишь выбрать подходящий участок. Его содействие в этом деле обеспечено. Спасибо ему!

Вечером, к 7 1/2 час. приехал за мной полицмейстер острова г. Маеда, и вместе с ним мы проехали в помещение английской церкви... Не очень широкое, но чистое, украшенное

гравюрой «Моление о чаше» и разными священными картинами. Там уже собрались, в ожидании меня, пастор Ооя с 4-5 своими христианами, пресвитериане, методисты, православные... Словом, объединились все, кто исповедует Христа... Заброшенные далеко от центров, не имеющие своих руководителей, все христиане просили моего наставления... И я с легким сердцем поучал сих «разноверных» христиан, ибо знаю, что здесь делаются протестантами, разных оттенков «не протестуя» против, наприм., католичества или православия, а лишь потому, что случайно услышали учение о Боге и Христе от протестанта. А приходится им встретиться с полным глубокого содержания, избыливающим благодатию, православием, и сколь много протестантов умилятся нашим богослужением, поражаются глубиной нашего учения! А те немногие и переходят и в православие.

Предметом своей беседы с собравшимися я взял слова из книги Деяний Апостольских, П, 42; «они (т. е. 3000 обращенных проповедью св. ап. Петра) постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении, в преломлении хлеба и молитвах». И по содержанию сих слов призывал всех христиан все более углубляться в учение Христа и Апостолов, проводить это учение в свою жизнь деятельною братской любовью, постоянно деятельно общаясь с Христом во св. Евхаристии и с Богом в молитвах...

Разумеется, не всем «по вкусу» могли показаться мои слова о св. Евхаристии, но всем они могли открыть глаза на то, что они уже имеют, и чего еще не имеют для получения спасения...

Слушали мою беседу с глубоким вниманием, сердечно за нее благодарили... А затем в разных разговорах, главным образом, по вопросу: как бы повлиять на теряющуюся почву под ногами (веру) молодежи, мы провели время до 9 1/2 час. веч. Полицмейстер (христианин) опять проводил меня до гостиницы.

Много передумал я, возвратившись в гостиницу... Вот, у англичан — все чиновничество. А у нас «худородные» мира сего. Вот они уже получили в центре города большой участок.. А нам дадут ли его? Но были и будем «по-прежнему»... И по-прежнему будет «с нами Бог»!

В ООТОМАРИ

9-го (22) сентября после обеда уехал я из Тохара в г. Оотомари: завтра должен идти в д. Наяси пароход, а до его ухода я еще имею кое-какие дела в Оотомари. Провожает нас до д. Наяси переводчик г. Акимото.

В Оотомари сходил к начальнику города, поблагодарил его за хлопоты по доставке колоколов... Сходил и в Тера (кумирню) Ниси-Хончандзи, где находился наш большой колокол.. Не знаю, приятно ли было бонзе мое посещение, но принял меня с полною любезностью, угостил каким-то причудливым напитком вместо чая и выразил «радость», что возвращение колокола доставило нам радость...

Но вечером мы были неприятно поражены: в море — буря, и пароход войдет в гавань не завтра, а лишь послезавтра... Ох, уж эти морские путешествия!.. Как часто подолгу приходится буквально «сидеть у моря и ждать погоды»! Но постарайся пустоту заполнить, съездить в Третью и Вторую Пади...

* * *

В ночь на 10-е (23) сентября ударил сильный морозец. Пришлось доставать со дна корзины все теплое и, забыв теплую Японию, почувствовать себя в весьма прохладном Сахалине.

Утренним поездом поехали мы с о. Николаем до Третьей Пади... Дед починал полы... Устинья хлопотала по хозяйству... Опять полились ее бесконечные речи, и они, кажется, весьма смутили о. Николая: тут и библия за семью печатями, и Лука, и все прочее, чему так верит невежество нашего народа... Во всяком случае и дед Никита, и Устинья узнали теперь своего батюшку...

Заложил нам дед двукольную телегу... «Гляди, — чека сломалась», — предупреждает деда Устинья... «Ничего, доедем», — по-русски, уверенно говорит Никита... Пришлось поверить ему... Влезли мы в телегу... Но вот поднялись на первую горку: «стой, колесо свалилось!»...

И вспомнилось русское «кажинный раз на этом месте!».. Починили кое-как... Снова уселись, снова поехали... Но опять: «эх, опять оно окаянное!»... Ловит дед «окаянное» колесо, надевает его, слегка починает чеку... Разумеется, и еще ни раз

остановились бы, если бы не подъехали, на наше счастье, ко Второй Пади...

Здесь, поздоровавшись с хозяевами, мы предупредили их, что к вечеру сюда придет о. Николай с походной церковью, а завтра здесь же мы совершим литургию.. И, не останавливаясь долго, поехали с Никитой Ивановичем до Оотомари... Никита был трезв, и поэтому, вероятно, молчалив... Нам оставалось лишь любоваться горами, которые право так похожи в своем осеннем убранстве на громадный букет, в котором на зеленом поле там и здесь виднеются желтые, розовые, красные и пунцовые цветы со всевозможными оттенками своих красок. В начале первого часа дня мы были уже у себя, в гостинице «Хоккайя».

* * *

Еще в прошлом году мне хотелось побывать на русском кладбище... 6-го (19) сентября, приняв колокол, я исполнил желание души своей и, провожаемый чиновником, успел сходить на гору и обойти с молитвою все могилки захороненных в Оотомари земляков. Но сегодня мы пошли туда вдвоем с о. Николаем... Я был за псаломщика... Поросли высокой травой могилки, гниют кресты и палисаднички... Никто-то, кажется, не бывает на этой горе... По крайней мере белка, несколько не смущаясь нашим пением, продолжала что-то грызть, сидя пред нами на деревце: непуганный еще зверек...).

Горячо, сердечно помолились мы за всех, здесь себе вечный покой нашедших... К небу несся ладан кадильный: прими, Господи, и нашу грешную молитву..

Но как бы хотелось, чтобы родные, или кому вообще дороги могилки в чужом краю, вспомнили их, и не только здесь в Оотомари, но и всюду, где можно, на Южном Сахалине, возобновили кресты и обнесли места погребения забором... Ведь нам стыдно заботиться о могилках меньше, чем о своих могилках заботятся язычники... И не дождемся ли, когда они, язычники, пристыдят нас, взяв и о наших могилках заботу на себя?! Где вы, кому дороги могилки сахалинские?

* * *

С вчерашним поездом о. Николай уехал во Вторую Падь... А я с г. А. пошел прогуляться до Сакаимацы через гору...

Вот дом, кажется, начальника русского гарнизона, снаружи оштукатурен: здесь дают ночлег «важным гостям».. На горе — типичная русская деревенька.. Пред ней «опытное» поле... Почему «опытное»? Не понимаю... И редька даже, и капуста так плохи!

Вот далее память об обороне острова: установленное русскими, и доселе так и остающееся, подбитое орудие с незабвенного «Новика»... (рис. 13). Между Сакаимац и Порантомари на высоких деревянных башенках орудия: тоже остатки обороны.. Невеселые думы наводят эти «памятки» о скорбной странице в истории нашей матушки-Руси...

Но все же видишь эти памятки и думаешь: защищали, защищали, Слава Богу!... А вот послушаешь разговоров оставшихся русских об «обороне»!... И совсем страшно становится! Ведь что говорят сии разговоры? «Японцев ждали, их приход кому-то был нужен, война кому-то помогла выскочить белым из грязи, сухим из воды».. И единственно, чем успокаиваешь себя: вероятно, они врут, неправду говорят.. Ведь так все это было бы ужасно, если бы было правдой!

* * *

11 (24) сентября. Отец Н. во Второй Пади и там ждет меня петь литургию. Поезда ждать долго, да и поздно он уходит, в 10-м часу. Пошел я поэтому пешком, по шпалам. Небо хмурилось. Сильный западный ветер разогнал волну в закрытом даже заливе и, срывая верхушки волн, обдавал тебя постоянно брызгами... Руки стынут от холода... Тем скорее шел я и в 9 ч. мог уже читать часы. В тесной избе, в передней светлице «раскинута» походная церковь. Собрались уже сюда дедушка Никита с Устиньей из Третьей Пади, и — семья хозяина Чемия... Но час утренний, когда всюду хозяйки топят печи... Затопили печь и стряпню развели и Чемия, чем весьма расстроили о. Н. «Единое на потребу — молитва», — видимо, не уложились ни слова о. Н. — я в душу Чемия, как, впрочем, и Устинья, ему ответила: «батюшка, а хлеба не поешь, — и молиться не будешь, умрешь»...

Но литургию отслужили, — я вот уже в пятый раз пою и читаю за псаломщика. А возвращусь я в Японию, — кто же будет помогать отцу Н.?! Жаль, что он не нашел и не привез

с собою ни псаломщика, ни учителя, ведь и на них Св. Синодом отпущены средства!

Так как пароход должен был войти сегодня и, может быть, сегодня же и уйти в Наяси, — «гостить» было некогда и, оставив о. Николая складывать церковь, я решил пешком же возвратиться в Отомари. Еще во время обедни был сильный удар грома... И вот, едва я отошел от дома с 1/2 версты (а всего 6 верст), как полил сильнейший дождь с боковым ветром. Зонтик рвало из рук, и он нисколько не помогал. Через 5-10 минут что-то холодное чувствуется на спине и правом боку: это я уже промок насвозь!.. Возвращаться? Но куда? И зачем? Ведь и во Второй Пади не переоденешься в сухое! Пришлось покорно отдаться дождю... Все тяжелее и тяжелее на мне ноша.. Чувствую, — и сапоги уже полны водой... Холодно... Неужели, — опять ревматизм в награду за храбрость?

Час, даже больше, я шел до гостиницы. Идти к себе в номер, и даже подняться в коридор было немислимо... И вот я, попросив свою корзину и достав оттуда все для смены «мокрого до последней нитки», здесь же во входе («пригуци») и переоделся во все сухое.. Участливые охи и ахи банто лишь помогли мне, и принесенная «хибацци» с массой углей, а главное — чай, и согрели меня..

По телефону сообщили: «Дайрей-мару» вошел, но уходит из-за бури в Японском море, завтра». И слава Богу! Ведь и к «завтра» едва ли высохнет моя одежда!... — Больше, чем через час после меня возвратился на лошади с церковью и о. Н.

* * *

ИЗ г. ОТОМАРИ в д. НАЯСИ

Наконец-то мы на пароходе, на пути к конечной цели о. Н. в д. Наяси! Сели на пароход в 10-м часу у. 12 (25) сентября. В 3 часа дня, ровно через 5 часов ходу, обогнули мыс «Ниси-Ноторо-мисаки» (быв. Крильон) и повернули прямо на север. Теперь, можно сказать — с каждым поворотом винта будет все холоднее и холоднее. В 5 1/2 ч. в. прошли на широте о-ва Каибато (Монерон). В Маука пришли около 12 ч. ночи, и так как пароход стоял недолго, да и время было уж очень позднее, на берег к христианам не сходили: я посету их на обратном

пути. С нами же едет и английск. пастор. Ооя, посещая своих христиан по западному берегу, — теперь он едет до Томариоро.

13 (26) сентября. Свежий ветер. Покачивает изрядно. В 7 ч. у. прибыли в Нодасан, простояли здесь до 8 ч. у. и лишь со страшными усилиями приняли почту и пассажиров. В 10 ч. у. пришли в Томариоро. Ветер еще более усилился, и волны ревели в берегу... Здесь уже отстаивается «Суруга-мару» и еще один большой грузовик-пароход, пришедший за каменным углем: в 8 верстах отсюда открыты копи. Простояли и мы до 12 ч. дня. Но на все бесчисленные свистки — подать баржи и принять почту и пассажиров, — ответ один: красный флаг.. Волнуется и г. Ооя: дальше у него христиан нет, а ведь не высадишь он здесь, — ему придется ехать в Наяси и затем — высаживаться лишь на обратном пути... А это значит — потерять по меньшей мере 2 дня, протрадав их в море.

Но вот опускается позывной флаг, резкая сирена, — и мы идем в море... Все к капитану: «куда? куда? В Кусиннай?» — «Только не в Кусиннай, — туда бесполезно... Пойду в Осеро, а если и там будет бурно — в Наяси», — отвечает капитан..

Нам с о. Н. приятно: на день раньше придем в Наяси... Но с другой стороны — и тревожно: а что, если и в Осеро погрузка и разгрузка невозможна? Тогда ведь мы в Наяси придем ночью? Отцу Николаю высадиться днем ли, ночью ли — безразлично. Но мне нужно принять землю, принять церковь, осмотреть ее, наметить ремонт... А все это работа не ночная!.. Но приходится ждать «обстоятельств».

Но вот уже 7 ч. веч.! Мы входим в Осеро: один из лучших пунктов западного берега, совершенно защищенный от юго-западного ветра. После долгой качки и рева волн тишина залива как-то поразила своею неожиданностью. Раздается пение гребцов, слышны удары весел: везут груз... Заработала машина... Поднимаются перегруженные сетки, и десятки кулей, ящиков, бочек опускаются в готовые баржи... Но в другом месте на смену им поступают новые ящики, новые кули, новые бочки... Выгрузили все, погрузили все.. А лишь 10 ч. веч.! Если уйдем сейчас, — в Наяси прибудем в 2 ч. ночи, — я ничего сделать не смогу. Пришлось поднять на ноги ослабевшего, вероятно, от качки, переводчика г. А., и он «изъяснил» капитану желания г. Нокагава...

И спасибо большое г. Нокагава: по его желанию «доставить мне все удобства», пароход выйдет отсюда после полуночи.

* * *

Дер. НАЯСИ

14 (27) сентября «Дайрей-мару» вышел из Осеро в 1 1/2 час ночи.. Едва светало, когда раздался свисток парохода.. Вот тянется лентой деревня (рис. 5)... Далеко вправо как-то «посеревшее» здание церкви.. 5 час. утра.. Мы бросили якорь..

Сколько тревог было вчера! Ведь что капитан-то сказал: «если будет сильная волна, — возможно, что и высадка будет невозможна, и тогда он, прождав законное число часов, должен будет идти обратно»... Неужели и о. Н. со своим багажом должен будет ехать обратно?

Но утро рассеяло наши тревоги! Как-будто нарочито для нас ветер резко переменился и дул с востока, от берега.. Высаживались спокойно. И лишь капитан просил «не медлить» в виду неустойчивости погоды и, возможно, новой перемены ветра... А стоять он здесь будет не 2 часа по расписанию, а 4 часа (по просьбе г. Нокагава)... Что ж? Русские пусть останутся и утешаются с о. Николаем... А для моего дела довольно и 4 часов!

Встретить нас русские частью выехали до парохода.. Большинство же их было на берегу. Передав землякам «батьюшку» и отправив их проводить его в приготовленный ему дом, я пошел к начальнику местного «сичео» (отделение управления островом), представился ему, представил ему о. Николая.. И здесь выражают радость прибытию его.. Пошли принимать церковь.. Но.. бывало в ней помещение полиции, жили и честные люди.. Потолок посему закоптили, что в курной бане.. Вырезаны и здесь два оконца.. Пол испорчен, местами до полной непригодности.. Рамы большие заменены половинками, а верхние половины окон забиты досками.. Словом, без серьезного ремонта не обойтись. Протекает крыша, не обит железом и куполок..

Но все это было бы ничего... Но вот оказалась беда! Свою деревню японцы строят, конечно, по плану, с прямой улицей... Церковь наша, удаленная от русских домов, пришлась в районе их деревни, и на 24 фута, всем входом, всею папертью и значительной частью центра своего она выходит на улицу, нарушая план...

Отвели нам и участок земли... Но он, уходя далеко за алтарь, переднюю границу пересекает церковь. Обидно... Но что поделаешь!

Просил начальник «сичео» снять теперь же хотя бы лишь вход в церковь, занимающий чуть ли не полдороги... Но согласился на мою просьбу: в настоящем виде все оставить до весны, ибо наступающие холода и скорый снег не позволяют начать серьезного ремонта... А весной самое лучше: всю церковь (не велика она: 4×5 саж.!) разобрать и, выскоблив заново потолки, стены, сложить ее уже по плану деревни, на нашем участке... На это потребуется, заявил плотник, рублей 200-300. Между тем, от такого ремонта церковь станет, что новенькая... На сем мы и остановились...

Но время идет... О. Николай спешно развешивает церковь: сегодня — Воздвижение Креста, и он намерен служить. А я, простившись с ним и русскими, сел опять на «Дайрей-мару» и отправился обратно, к югу.

* * *

Думы... Много дум на уме... Приехал батюшка... Но приход его разбросан... Здесь — один... Тут — три... Там — семеро... И лишь в Наяси — сорок... Найдет ли он мужество пожертвовать своим утешением и, лишая себя самого дорогого — службы Божьей, отыскивать рассеянных братьев и им нести утешение?

Приехал батюшка... Но из русских — не лучшие люди здесь... А в большей части или все, кроме детей, — когда-то преступники... И теперь — часто пьяницы.

Не полетят они на его огонек, если не тащить их «в начале» силой! Не настолько они нежны, чтобы поразиться святыми порывами пастыря и с ним «молиться» и «трезвиться». Им нужен — сильный пестун... И будет ли таким о. Н., силою зовя в трезвость, страхом спасая из огня?...

Безграмотна, темна масса русская... «Городят нелепости» ведь от темноты своей они... Возьмется ли за школу батюшка? А ее ждут русские!

А эти дети в христианстве — орочны! И для них ведь он!... А они — кочевники...

О, сложна и трудна работа о. Н.! Он должен посещать рас-сеянное, отрезвлять пьяное, просвещать темное, возвращать «в мужа совершенна» детское... Господи! Ты поддержи пастыря и помоги ему!

* * *

ИЗ НАЯСИ В МАУКА

Итак, я уже один теперь.. Правда, едет мой спутник — переводчик. Но он — по I кл. А первый класс «для хороших пассажиров», а не для нас, полунищих миссионеров...

Налево — нагроможденные одна на другую горы и горки... Пожелтели березки, покраснели клены, резко выделяются багровые рябинки... Все это дает такой красивый ковер, что даже обгорелые стволы вековых пихт и сосен не так уж сильно режут глаз...

Бури нет, но волну развело большую.. Погода все более хмурится и хмурится... А к вечеру собрался хороший дождь, с молнией и громом.

В Кусиннай пришли в 7 ч. веч., не заходя в Осеро, где все окончили вчера. Всю ночь, до 6 ч. утра, грузились и разгружались. Совершенно успокоившееся море весьма нам помогало.

В 6 ч. снялись с якоря. Далеко позади вершушки гор на ночь успели побелеть: выпал уже снег. Полтора часа ходу — и мы уже в Томариоро.. Наконец-то могли высадиться и г. Ооя, и другие пассажиры, невольно с нами прокатившиеся до Наяси...

Опять разгрузка. Небольшая погрузка... Но не забыл нас и ветер! И когда пассажиры снова садились на пароход, — не мало горя хватили они! В 12 1/2 ч. дня мы уже шли далее. В 3 часа дня в Нодасан не без труда приняли почту, пассажиров и груз и, снявшись с якоря в 4 1/2 часа дня, через 2 часа пришли уже в Маука. Это было 15 (28) сентября. Уже стемнело. Море ревет.. Что горы перекатываются волны... «Хасике даме

десь» (лодка-кунгас не придет!), только и слышишь всюду... Свисток за свистком... Это капитан просит «хасике»... Но в ответ лишь воет ветер о снасти... Да зловеще светит на берегу красный фонарь, знак бури...

До 9 ч. веч. все же мы еще не теряли надежды высадиться на берег... Но все свистки оказались напрасными... Пришлось еще раз улечься в каюте и спать, качаясь на волнах.

16 (29) сентября. Ночью пароход снялся с якоря и ушел в море... Куда? Да опять в Маука же! Слава Богу!.. Оказывается, пароход укрылся от волн, к берегу всегда более сильных, чем в открытом море.

Свистки не прекращаются... «Если не дадут хасике, совсем отсюда уйдем», — решил капитан... Но наконец-то раздалась пронзительная сирена одного из катеров, стоящих в Маука и, имея на буксире баржу (кунгас), он направился к нам. Мы ожили...

Началась высадка.. Но, нет, — это была не «высадка», ибо мы буквально «выпрыгивали» в лодку! Баржа то опускалась ниже красной линии, то поднималась до высоты пароходной не давая барже, ударившись о пароход, за что-нибудь одним боком зацепиться и быть опрокинутой волной... О трапе или, как его зовут японцы, «таралу» не могло быть и речи!.. Подпалубы... Гребцы, человек 10, баграми упираются в пароход, весили толстую доску на канатах... И нужно было «поймать момент», когда лодку подкинет до этой доски, — и прыгнуть в лодку..

«Прыгнули» уже двое... Решился и я... Помню — лодка «рядом»... Бессознательное движение вперед... Именно «безотчетное»! Под ногами ощущение — «твердо», «почва», «лодка».. Но вместе с этим «твердо» ты стремительно летишь вниз... Впрочем, для того, чтобы снова подняться до уровня палубы...

Почти ловят на руки побледневших женщин. Передаются, что мячики, из рук в руки дети... Летят в баржу чемоданчики, саквояжки, узелки... Но.. увы!... вот полетели и корзины!... Волны приветствуют смелых пловцов, то и дело заставляя обтираться!...

Кончили «погрузку» пассажиров... Отдали веревку... Быстро нас отнесло за пароход в море.. Но катерочек поймал нас, правда, в два приема, и мы оказались у него на буксире... Вот

мы между волн внизу... Наш катерок почти полулежа показывает нам свое позеленевшее медное дно... Момент и... он внизу, в пропасти, а мы вздымаемся на волну.. 10 минут ходу, — и мы уже за грядой подводных камней, своего рода «волноломов», — говорят одни... Но лишь уткнувшись в берег, один скептик сказал: «има дайдзеобу дач» и произвел взрыв смеха далеко не смешливо настроенных пассажиров...

«По пяточку прибавить», — просят лодочники... Что ж? И не пятачок бы прибавил за столь удачную высадку среди несомненной опасности!

Мы на берегу... Но.. опускается под ногами почва... Нет-нет, и тебя кидает то вправо, то влево, — и ты протягиваешь инстинктивно руки, намереваясь «придержаться»... И это переживание «качка» продолжалось часа три!.. Лишь долгая прогулка на свежем воздухе снова привела в порядок голову и нервы. Итак, — я в Маука.

* * *

Г. МАУКА

Отлежался.. Пообедал... Нужно делать «визиты». Но скоро их окончил! Поехал в «Сичео» (отделение главного управления островом) и там представился и начальнику города, и прочим властям поменьше.

Здесь же узнал приятную новость: некоторые из сердобольных граждан города взяли на себя обязанность заботиться о наших русских могилках около Маука. И уже весьма привели их в порядок. Я пожелал их видеть и поблагодарить. Вызвали их по телефону. Оказались милейшими людьми! «Что вас побудило взяться за это доброе дело?» — спрашиваю... А ответ неожиданно простой: «кому же об них, т. е. могилках, и позаботиться! А ведь если они разрушаются, — нехорошо». Пошел я с ними на русские могилки... Вот особняком, за городом на горе, крест... Обнесен новой решеткой. Внутри ее ни травинки... А вот и большое кладбище... Ходил, помню, среди могил скот... А теперь они обнесены незамысловатой, с проволоками, решеточкой, холмики подправлены, кресты установлены... Поставлен и укреплен крест и капитана Хеу...

Горячо я поблагодарил сих троих граждан за столь симпатичное дело их любви... Но как бы хотелось, чтобы и из-за мо-

ря пришли, посмотрели на эти могилки и существенно помогли бы сохранить их от разрушения... Кому сюда за этим придти бы?... Не знаю.. Но Маука — большие промыслы г. Семенова..

Еще на пристани встретил меня Петр Такеуци... Вскоре пришел из д. Тея Иоанн Хебииси. С ним я посетил семью Ямамото... Таким образом привел меня Господь и еще увидеться со своими христианами... Вечером в гостинице немало и я побеседовал со всеми ними.

* * *

17 (30) сентября. Дул сильный ветер. Рано утром я сходил на русское кладбище и отслужил панихиду. А в 9 час подали мне пролетку и повезли меня все те же, о кладбищах наших заботящиеся, в д. Кумикомай. Почему повезли? Да только потому, что я имел неосторожность поинтересоваться бытом айну. А Кумикомай — деревня айну. Близко деревня, не больше 2 верст до нее. Доехали быстро. Но, к сожалению, из мужчин дома никого не было: все ушли на охоту по соболя. Да и дети — в частной школе в Маука... Дома женщины... Но без мужчин у них был на все один ответ «не знаем».. Так почти ничего не посмотрев, кроме кое-каких пустяков — рукоделий, мы и поехали обратно... Значит — «не солоно хлебавши», по новгородскому присловию!..

Но все-таки хотелось хоть что-нибудь об айну узнать. Поэтому заехали в школу, где обучают их детей... Собрано детей 12, обучать их пожелал бонза секты Зен (рис. 7), школку устроил в своей квартирке... Детей я спрашивал читать по-японски «Токухон'ам»: читают бойко, а старшие и с иероглифами справляются ..

Итак... Но вывод грустен... Мы в свое время и русских-то детей не обучили русской грамоте... Где уж нам было браться за айну!... И оставались они «нетронутыми» со своей безграмотностью, со своими суевериями...

А вот бонзы уже обучают деток айну японской грамоте .. И скоро-скоро все айну заговорят по-японски... А раз учатся при кумириях, да еще — у бонзы, безусловно, и замолятся по-японски, по-буддийски. Горький вывод... Но безошибочный!

После обеда я пошел в д. Тея. Она — к югу от Маука, в

расстоянии не больше 2 верст... Там живет семья Иоанна Хебииси.. Туда же из д. Томамай (прежде Томамакай) пришла семья Ефрема Такеда... Отслужил о здравии их молебен, совершил по усопшим их сродникам панихиду. Угощали свежими огурцами — своими произведениями...

Но хмурилось небо, и я поспешил обратно в Маука... Да! Давно ли? Всего — в прошлом году я шел здесь без дороги, по камешкам морского берега... А нынче уже — дорога... Правда, еще весьма плохая! Но еще год — и будет весьма хорошею! Всюду-то сразу же дороги!...

* * *

Рано, часов в 8 веч. я улегся спать, намереваясь ехать на «бася» до Тоехара. Расстояние — 19 ри, около 70 верст... Но пошел проливной дождь... Не хотелось рисковать ни здоровьем, выезжая в ливень, ни жизнью, выезжая к тому же в 2 часа ночи (чтобы к вечеру быть в Тоехара). И отъезд я отложил. Уже куплены были билеты (3 р. с персоны)... Они и должны были пропасть... Но опять — доброе слово по телефону из Тоехара (все того же г. Нокагава), и билеты опять восстановили свою силу! Спасибо, право же, добрейшему г. Нокагава!

18 сент. (1 окт.) весь день, до 9 ч. в. дождь лил, не прерывая. Хорошо, что мы с г. А. не поехали... Иначе, — кости бы промокли!

Но с 9 ч. в. стихло... Облака начало разносить... А когда в 2 часа ночи я сядился на «бася» (телега) — небо было усеяно мириадами звезд.

ИЗ МАУКА НА «БАСЯ» В ТОЕХАРА.

19 сент. (2 окт.). Весь день я провел в «бася», направляясь из Маука в Тоехара. — Дорогу эту устроили в 39 г. Мендзи (1906 г.), а правильное движение пассажирских «бася» открыли с 42 года Мендзи (1909 г.). Общество, содержащее «бася» и лошадей, субсидируется от «Карафуточео» (управления островом). Но даже и эти экипажи — с верхом, защищающим от дождя, и имеют рессоры. Половину дороги мне пришлось сделать именно на таком «бася», и езда на нем неуютительна. Но уже двухколесные «бася» заменяют четырехколесными, на рессорах, для трех пассажиров и кучера. Конечно — для

него и лошадей пара. А эти экипажи, в одном из которых я и приехал в Тохара, — одно удобство! Разумеется, на случай дождя и они имеют верх.

Новая дорога пересекла три перевала. На расстоянии 19 ри (70 верст) устроено пять станций, средняя — со сменой лошадей и экипажа (точнее — с пересадкой на встречный экипаж: лошади на ночлег возвращаются домой, пробежав в день 70 в.).

Вот среди темной ночи мы тихо поднимаемся в гору: это Кумазаса-Тооге (перевал Кумазаса)... Побрякивают бубенчики лошадей, слабо мерцают фонари на оглоблях экипажей... Наши кучера идут далеко позади и бесконечно о чем-то беседуют, предоставив нас и экипажи воле Божьей...

Но вот и рассвет... 4 часа утра... Уже спустившись с горы, проезжаем без остановки какую-то станцию... В 6 час. утра имеем отдых на станции Оосака. Чай, кое-какие дорожные закуски, — и все пассажиры чувствуют себя проснувшимися.

То и дело налетавшие облака тумана окончательно исчезают. С безоблачного неба ярко светит солнышко... Мы снова едем в гору: это Сакакибара-Тооге (перевал Сакаки-бара)... Вековые пихты... Длинными волокнами тянется с ветвей к земле бледно-зеленый мох, придавая лесу причудливую картину... А дубы! А вязы! А березы! Все это — колоссальное не впервые ли увидавшее человека с появлением на острове японцев?

Станция Симидзу — говорят, самое красивое место по дороге... Станция Накано... Здесь встретились экипажи и пассажиры пересели на встречных лошадей...

Едем дальше... Всюду шумят речки... По ним ловят соболя... А вот — и робкие попытки начать «свое» земледелие; в 3-4 местах устроены хижины, и крестьяне-японцы корчуют лес и начинают пашню.

Станция Оомагари... Запомнилась мне потому, что хозяйка с предовольным видом делила на части тушу выдры... Итак, — меню моих добрых японцев расширяется: и выдра пошла в дело!

Поднимаемся на третий и последний перевал — «Кусанатооге», названный так по имени инженера, его изучившего и дорогу через него устроившего... С верха горы видна уже долина с Тохара и другими селениями. Но спуск с этого перевала в сторону Тохара — поразительно эффектный: зигзага-

ми круто спускается дорога в долину... По одну сторону тебя — срезанные горы, по другую — глубокие «пади» долины... Быстро несущийся экипаж... Ощущения — сильные, но слава Богу — костей не поломали!

Станция Токиносава, а за нею дорога с медленным спуском по широкой равнине до больших русских деревень — Дальнее и Ближнее...

От Маука до дер. Дальнее устроено 84 моста, не включая малых... Много? Но это потому, что инженеры предпочли мосты через извилины рек срезами гор с мягким грунтом, с постоянными — значит оползнями. Все мосты носят названия своих номеров, начиная их счет от Дальнего.

От Маука до Дальнего свыше 60 верст новой дороги. Ям нет... Ровно!.. Но вот и Дальнее... До Тохара началась «наша» русская каторжная дорога... Именно «каторжная»: яма на яме. А грязи-то! Но и эту дорогу уже спешат привести в порядок.

Вся долина от Токиносава до Тохара изрыта глубокими канавами: устраивают дренаж почвы для улучшения ее и расширения площади, годной для посевов. Канавы выводятся в р. Сусуя...

Впрочем, бывшие пашни крестьян д. Дальнее и теперь засеяны овсом и пшеницей... И овес на них поразительно высокий и хороший! Но местами видны и ячмень, и капуста, и «на» (суревица), и — разумеется, редька и лук...

Ровно в 6 ч. вечера мы прибыли в с. Тохара, сделав 70 верст в 16 часов с отдыхом, в 13 часов без отдыха... Три перевала. — не так, значит, и медленно!... А только 3 руб. с персоны — очень уж дешево!... Меня уже встречали в гостинице «Хокунцукан», куда о нашем прибытии мы сообщили телефоном. А телефоны — на всех попутных станциях...

ЕЩЕ В ТОХАРА

Все почти дела уже закончены мною. Но приходится в ожидании парохода, отходящего в Отару, еще пожить в Тохара или Оотомари. Пользуюсь этим временем, чтобы присмотреть в городе хороший участок земли под устройство на нем православной церкви...

Город расстраивается строго по плану, и одновременно в двух направлениях — к югу и к западу. Осмотрев несколько

участков в наиболее сухой части будущего города, — южной, я и остановился на одном из них. Размер 1560 пубо (кв. саж.), выходит на две улицы и два переулка и состоит, собственно, говоря, из 20 мелких участков по 78 пубо каждый. Брало сомнение, — возможно ли надеяться получить нам его, ибо он — в числе тех 10 участков, из коих предполагает выбрать для себя более подходящие предположенная к открытию с будущего года женская гимназия... Но меня совершенно утешил и поразила своей предупредительностью все тот же г. Нокагава! «Вы выбирайте для себя наиболее подходящее место... И раз вы остановитесь на каком-нибудь участке, — за вами он и будет! А женская гимназия выберет себе и из оставшихся! Ведь этим я заведу», — заявил мне г. Нокагава... Тем признательнее ему я, что мы просим-то участок, и нам его дают не за деньги, а в бесплатную аренду на 10 лет, с правом повторять и после аренду на те же сроки...

Дела особенного в этот день кроме осмотра участка и визита к г. Нокагава не было. И я в гостинице занялся рассмотрением сведений о школах на Южном Сахалине, каковые мне любезно доставлены по моей просьбе из «Карафуточео» (Глав. управление). Сведения о школах новейшие дают представление о школах к сентябрю 1911 г. Что же мы видим?

а) В городах Оотомари, Тохара и Маука — 3 начальных школы (6-летних), с высшим отделением (двухлетним). В этих школах детей, учителей и классов: (рис. 8)

		в Тохара	в Оотомари	в Маука
Нижнее отделение	мальчиков	273	303	242
	девочек	252	281	199
	всего	525	584	441
Высшее отделение	мальчиков	46	54	47
	девочек	29	39	27
	всего	75	93	74
В обоих отделениях	детей	600	677	515
	учителей	11	12	11
	классов	11	12	11

Итак, в 3 школах обучается 1792 дитяти, над обучением их трудятся 34 учителя.

б) Но это — в городах. А оставлены ли без школ деревни, рыбалки и даже острова? Разумеется — нет! Ибо южный Сахалин стал Японией, а разве мыслимы японские дети вне школы? Они, по меткому выражению одного наблюдателя японской жизни, уже из «ляльки», из колыбели ползут в школу... И это — полная истина!..

И вот на Южном Сахалине всюду, не исключая и прилегающего к нему с юго-западной стороны острова Кайбато (Монерон) — школы и школы! Где именно находятся сейчас школы, — я отмечаю на карте Южного Сахалина. Здесь же даю лишь общую их статистику (кроме 3 городских) — 55, мальчиков в них обучается 1275, девочек — 1058, обою пола детей 2.333 человека! Их обучают в 78 классах 80 учителей.

Итак: в городах 1792 малютки, в деревнях 2333 малютки, — в общем 4125 малюток! Это на Сахалине-то! А учителей 34 + 80 = 114! Какое оградное явление!

Кстати, — в коренной Японии количество учащихся составляет 1/10 часть населения Империи. Если взять эту же мерку и для Сахалина — количество населения Южного Сахалина выразится в 40.000... А может быть и выше!..

С какой завистью приходится убеждаться, что всюду, где появляются, переселяясь японцы, — они умеют заводить не только «веселые дома», как, к сожалению, справедливо некоторые говорят, но — и школы для своих детей, и возможность переселенцам «обучить» детей грамоте безусловно устраняет один из тормозов в деле переселения...

21 сентября (4 окт.). После вчерашней непогоды такой ясный, теплый день! Ранним утром я отправился к вновь устроенному главному синтоистскому храму острова... А назвали его — «Карафутто-дзиндзя», т. е. храм острова Карафутто... (Рис. 9). Он удален от города версты на 2, расположен — по обычаю, на склоне горы, окружен пихтовой рощей, устроенной из бывшего леса... Ведет к дзиндзя прекрасная шоссированная дорога... Этот храм прекрасной, стильной постройки, обошелся уже в тысяч 40. А и еще работы по украшению площади пред храмом продолжают... На церемонию открытия этого храма приезжал представитель Императора Японии, один из генералов японской армии (Накамура).

По установившемуся уже обычаю, возле каждой мия (дзиндзя, синтоистский храм) помещают какой-либо из тро-

феев последней войны. Не без трофеев и эта «дзиндзя»! На каменном фундаменте при мне заканчивали установку трубы крейсера «Новик»... Изрешеченная небольшими отверстиями от осколков снарядов, она в нескольких местах буквально разворочена снарядами... И если может она что-нибудь сказать японскому сердцу, то разве лишь вот одно: смотрите, как по-львиному бился сей лилипут флота!... И все же живым в руки не дался, а поспешил на родную землю и ей отдал свой последний вздох... Смотрите на его «остатки» и поучайтесь... Но как было бы хорошо, если бы не чужие, а свои поучались от останков героя «Новика!»

* * *

Сходил сегодня и к нашей старой церкви... Но она, кажется, еще плоше показалась теперь!... Лишь покрытые хорошей крышей колокола дают душе отраду: опять они дома, на своей службе, а не в рабстве буддийских тера и на пожарных лестницах!...

Вот на юге затрещали ракеты... Дым их высоко в небе несет его ветром и скоро развеивает... Это возвратился сейчас г. губернатор. Слава Богу! Завтра представлюсь ему и можно будет уезжать из Тохара!

* * *

После полудня съездил в Накасатоо (быв. Мицулевка) к Иосифу Любовицкому, поляку-католику. Большая семья — 8 человек, хороший дом, чистая комната, украшенная образами и картинами священных событий... Масса земли, есть лошади, коровы... Пекут хлеб и продают на станции. Добрая семья и на половину грамотная... Мне были необыкновенно рады... А вот визит немца из Японии (ксенза) их не обрадовал... Разумеется, вся семья и благословение брала, и руку пастыря целовала... Ни малейшей «нетерпимости», а уважения много.

Я пробыл в гостях у этой семьи поляка два часа... И истинно утешился: русская душа в нем сейчас сильнее, чем когда-либо!

А вот к японцам что-то и Любовицкий не очень расположен.. «Говорят, они, что мы к ним не подходим... А вот они-то,

батюшка, так совершенно к нам не подходят», — говорит Иосиф... И доказывает это весьма резонно!

Здесь же я получил декабрьскую Минею, которую нашел случайно у язычника Иосиф, отобрал ее, и теперь возвратил мне...

Нагруженный хлебом белым, маслом, яичками, я возвращался в Тохара от хлебосольных поляков...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ г. ГУБЕРНАТОРУ

22 сентября (5 октября) в 9 час. утра я представился губернатору острова г. Хираока. Уже знакомые мне покой, в которых был устроен нам обед. Губернатор еще молодой сравнительно человек, лет 5 стоящий на своем посту. Принимал меня в своем японском кимоно и хаори... А они так просты и однообразны всюду, что из-за них трудно усмотреть губернаторское величие... А может быть, оно и «не в моде» здесь!...

Я поблагодарил губернатора за все, что я здесь получил для нашей православной церкви, а также за неизменное внимание к нам, какое мы всюду на острове встречали.

А г. губернатор повторил мне то, что уже передал мне ранее от его имени г. Нокагава, еще раз уверив, что в возвращении церковных изданий отнюдь не отказывают они, но лишь придется несколько подождать, пока не будут исполнены все формальности...

Когда же я заговорил об участке земли в Тохара под устройство нашей православной церкви, то губернатор не только проявил полную готовность дать нам земли в Тохара «где угодно и сколько угодно», но пошел даже далее, предупреждая наши желания: «вы бы просили земли в Оотомари, и в Маука, и в других местах, пока еще много свободных участков!.. Я не учу, конечно, вас, но мне казалось бы: устроить в Тохара центр проповеди, а в разных местах — мелкие отделения, было бы для вашей церкви полезно»... Это говорил не христианин!... Как истинно, широко и далеко вперед смотрит почтенный г. губернатор! Разумеется, его советом не замедлим воспользоваться!

Что касается миссии о. Николая, то г. губернатор усиленно просил меня передать о. Николаю, чтобы он сообщал ему о всех неудовольствиях и жалобах, какие могут к нему поступать на японцев со стороны русских... Напрасно я говорил, что

миссия о. Николая исключительно церковная; что основной принцип нашей японской церкви — стоять в стороне от политиканства, честно делать свое церковное дело, что этим был и есть силен и Высокопреосв. Николай; губернатор все это слушал и все же закончил нашу беседу: «а все-таки, — я этого от него жду, и о сем его прошу... Жалобы бывают часто. Но столь же часто — ложные. А если удостоверится справедливость жалобы о. Николая, — мы немедленно удовлетворим обиженного», — таков смысл слов г. губернатора.

Откланявшись губернатору, я простился с ицибучео г. Нокагава, оставил карточки отсутствовавшим нибучео г. Озаки, санбучео г. Маеда. Час на собрание багажа — и я поездом выехал в. Оотомари, провожаемый на станции русскими и японскими христианами, полицмейстером острова г. Маеда, епископальным пастором Ооя, христианами других исповеданий... На ст. Накасато пришла проститься семья Иосифа Любовицкого... Погода была пестрая... Дул сильный ветер и мало на завтра обещал доброго!

* * *

Действительно, 23 сентября (6 окт.) пароход Ниппон Юусен Кайся «Хиросаки-мару» в Оотомари не пришел. Но его и в Маука нет, сообщили по телефону. Очевидно, — из-за бури в Японском море он отстает у Кайбато (о. Монерон).

Днем — холодно. Писать, — но руки коченеют. Дела нет никакого. Скучно без дела...

* * *

Наконец-то есть пароход, идущий в Отару! Сегодня (24 сент. — 7 окт.) пришел с восточного берега «Цикугогава-мару»... Правда, — он лишь 700-тонный пароход и тихоход... Но без дела так тоскливо, так и потянуло «к себе домой, в Японию», что я рад был сесть на какую угодно «мару»!

Снялись с якоря в 12 час. дня... Но сразу же пошел дождь, завыл ветер... Капитан не решился выходить за мыс «Нисиноторо-мисаки» (Крильон) и в 4 1/2 ч. дня мы бросили якорь недалеко от него, в Хициконай...

Но к 9 ч. вечера погода уже значительно улучшилась... Мы пошли далее.

25 сент. (8 окт.) в 6 ч. утра прошли мимо острова Рисир: вершина его конусообразной горы уже в свету... В 11 ч. утра остались налево острова Теури и Ягисир... То и дело налетают облачки и моросит дождь. После большой бури в море мертвая зыбь...

Но вот и маяк, — вход в бухту Отару близок уже... По горе — масса огней: это и есть Отару... Ровно в 8 ч. вечера мы обогнули красный фонарь на конце волнолома... А через полчаса уже я был на берегу!...

Переночевав в Отару, 26 сент. (9 окт.) я поездом приехал в Хакодате, откуда намерен был сразу же ехать до Номори. Но перехватили меня христиане, и я ночевал у них, во временном церковном доме, так сказать «на пепелище»... Пошлились расспросы, разговоры... И не без боли христиане Хакодате говорили: вот и на Карафуту будут и церкви, и колокола, — а у нас пока... ничего!...

27 сент. (10 окт.), ровно через месяц по отбытии отсюда с о. Николаем на Сахалин, я возвратился в Аомари, где нашел почту за месяц... Господи! Опять испытание России-матушке! П. А. Столыпина не уберегли, и Россия его потеряла!..

Тяжелым камнем навалилась на душу сия весть... И как она испортила настроение, с которым я возвращался было в Токао!...

Но... Господь П. А. Столыпина Россия дал, Господь его и взял!... Дай, Господи, многострадальному Отечеству и нового мужа по сердцу Цареву, и народному...

* * *

Уже в Японии дописываю сии строки... Что-то поделявают земляки на Сахалине? Отрезвляются ли? Дети их грамоте обучаются ли? Все ли уже pokрещены, исповеданы, причащены, перевенчаны?...

А орочны? Отысканы ли они?... Утешены ли после долгого отсутствия пастыря? И не потеряли многие из них драгоценнейшее из сокровищ — веру Христову и души спасение?...

Пастырей Руководителю! Ты поддержи о. Николая в трудном его деле!..

*Печатается по изданию: Епископ Сергей. На Южном Са-
халине (из путевых заметок). — М., 1914.

Подписано в печать 1.08.91 г. Формат 60×84 ¹/₁₆. Объем 9,5 п. л.
Заказ 6593. Тираж 1000 экз.

Невельская типография управления печати
и массовой информации Сахоблясполкома

ЮЖНО · САХАЛИНСК